

АЗБУКА ВЕРЫ

Вознесенская Юлия Николаевна

**Мои посмертные приключения —
Юлия Вознесенская**

Православная художественная литература 2017

Мои посмертные приключения — Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

Действие романа-притчи «Мои посмертные приключения» начинается... со смерти главной героини. Множество испытаний ожидает её по ту сторону жизни. Что это – странствия в аду в поисках спасения от вечных мук? Только ад уж больно похож на нашу обыденную жизнь...

Роман-притча

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

Аудио-версия книги ["Мои посмертные приключения"](#)

*Вам дано знать тайны Царствия Божия,
а прочим — в притчах (Лк. 8:10).*

Господи, благослови!

Глава 1

Мои посмертные приключения начались с того, что я упала с четвертого этажа и разбилась.

У полиции, как я потом узнала, возникло две версии — просто самоубийство и убийство, замаскированное под самоубийство.

Обе версии ничего общего с действительностью не имели и даже в качестве предположительных не многого стоили, поскольку строились исключительно на показаниях моих эмигрантских подруг. Версия самоубийства была проста, как женский роман, и в двух словах сводилась к тому, что меня бросил муж, а я в ответ бросилась с балкона. Если бы я в самом деле так реагировала на измены Георгия, во всем нашем многоквартирном доме не хватило бы балконов.

Вторая версия — убийство, замаскированное под самоубийство — не подходила по той простой

причине, что Георгий не годился на роль убийцы: как почти все блудники и любимцы женщин, он был, в сущности, взрослым ребенком, капризно ищущим восхищения и ласки, слабым и немного истеричным, а по существу, беспомощным и добрым. От опасностей на своем жизненном пути он уходил, препятствия обходил и никогда не доходил до крайностей.

Все было гораздо проще. Наш кот Арбуз любил ходить в туалет на природе, а таковой ему служили мои ящики с цветами, подвешенные к балконной решетке — сверху и снизу. Стоило ровно на минуту оставить балконную дверь открытой, как он тут же прокрадывался в роскошные заросли петуний и там с наслаждением гадил. И это бы еще полбеды: но, сотворив непотребство и чуя расплату, мерзкий осквернитель невинных цветочков трусливо пытался скрыть следы преступления, при этом комя земли и поруганные веточки петуний летели в разные стороны.

Никакие воспитательные меры вплоть до битья по голове сложенной вчетверо «Русской мыслью» не могли излечить кота от излюбленного порока.

В то злополучное утро я несколько раз выходила на балкон, чтобы не проворонить заказанное с вечера такси, и попросту забыла в последний раз затворить за собой балконную дверь. Блудный муж подхватил дорожную сумку с заграничными подарками для своей, конечно, мне неизвестной, московской подружки и отправился к лифту, а я проводила его за дверь с привычными напутствиями: не вздумай возвращаться и не забудь перед посадкой надеть теплый свитер — в Москве по прогнозу холод и дождь. Он так же привычно бросил, что все будет хорошо, свитер он наденет и позвонит, когда его встречать. После этого я пошла в спальню, немного поревела и уснула, поскольку позади у меня была почти сплошная ночь выяснения отношений.

Разбудило меня истошное мяуканье Арбуза. Я сорвалась с постели и бросилась на балкон, откуда летели его вопли о помощи.

Кот-охальник, воспользовавшись открытой дверью и тишиной в доме, в этот раз добрался до нижнего ящика, сделал там свое грязное дело, а назад выбраться не сумел: толстый живот, за который в сочетании с полосатостью он и был прозван Арбузом, не дал ему пролезть между прутьями решетки, а перелезть через верх мешали развесистые петунии. Я перегнулась через перила и ухватила кота за шкурку, а он был так перепуган, что для верности извернулся и вцепился в мою руку всеми двадцатью когтями. Я дернулась от боли и, попытавшись подхватить его другой рукой, слишком сильно перевесилась через перила: ноги мои почти оторвались от пола, а перетрусивший Арбуз, дрянь такая, в этот решительный момент не растерялся и сиганул по моим плечам и спине наверх и этим спас свою полосатую шкуру, меня же подтолкнул вниз. Я окончательно потеряла равновесие и полетела с четвертого этажа вниз головой. Спешу успокоить ревнителей благополучия домашних животных: после того, как меня на машине скорой помощи с завываниями увезли в больницу, а в квартиру вломилась полицейские, бедного осиротевшего котика взяла под опеку наша соседка фрау Гофман, и у нее ему было неплохо.

Плохо было ее гераням.

Куст сирени, в который я, по счастью, угодила, был старый и развесистый — может быть, это слегка смягчило удар. Ведь я не разбилась всмятку, а лишь переломала половину костей и разбила голову под орех.

Когда я очнулась в палате реанимации и в зеркальном потолке над собой увидела свои бранные останки, окруженные медиками, я в который раз восхитилась успехами немецкой

медицины: целая бригада врачей обрабатывала мои несчастные члены! Одни пристраивали обратно в грудную клетку выломанные ребра, торчащие из нее, как пружины из старого канапе, другие ввинчивали в рассыпавшиеся кости моих ног какие-то винтики и шпунтики, третьи копались в приоткрытом животе и что-то там сшивали, — а я наблюдала за всем происходящим в зеркале над собой и не чувствовала ни боли, ни страха — только полный и абсолютный покой.

Я взглянула на отражение своего лица, когда оно показалось между зелеными макушками склонившихся надо мной врачей: мне захотелось увидеть, насколько соответствует мой облик этому медикаментозному блаженству, — и вот тут-то все началось по-настоящему. Я увидела свое лицо, но это было лицо трупа: белое до синюшности, нос заострился, синие губы прилипли к зубам, между которыми торчала прозрачная трубка, а в ней что-то сипело и булькало. Я почувствовала к себе отвращение — меня всегда пугали лица мертвецов, а тут еще мое собственное... Но самое страшное было в том, что глаза мои были закрыты — так каким же образом я все это вижу?!

С перепугу я дернулась в сторону и... оказалась висящей между двух ламп под потолком. И в одно мгновение все перевернулось: не было надо мной никакого зеркала — это я сама была наверху и глядела оттуда на распростертое внизу собственное тело. Я не испугалась, поскольку мысль о смерти меня еще не посетила, но испытала легкое разочарование: получается, что немецкая медицина тут ни при чем, а за избавление от боли я должна благодарить природу и какие-то собственные защитные механизмы. Ну вот, теперь все ясно: это сон, это бред, я летаю во сне. В таком случае, почему бы не полетать где-нибудь в более приятном месте? Так я подумала и тут же свое намерение осуществила, вылетев через открытую кем-то дверь в больничный коридор.

Оказавшись под потолком коридора, — почему-то меня все время тянуло вверх, — я обнаружила, что от меня через дверь реанимации тянется довольно толстый светящийся шнур. Я подумала, что нечаянно уволокла за собой какой-то шланг от реанимационной аппаратуры.

Интересно, а как я вообще-то выгляжу?

Я попробовала оглядеть себя, и хотя у меня явно было зрение, причем даже более зоркое, чем наяву, и своих глаз я не ощущала, но стоило только пожелать, и я увидела себя со стороны: это былая, но только полупрозрачная, что-то вроде воздушного шарика в форме моего тела. Пришедшее на ум сравнение еще подчеркивалось этим шнуром, выходящим из середины моей грудной клетки, кстати сказать, в этом облике не имевшей ни торчащих ребер, ни каких-либо других повреждений. Напротив, я ощущала себя абсолютно здоровой и полной бодрости.

В дальнем конце коридора было большое окно, я решила слетать к нему. Парить под потолком было одно удовольствие, но дальше середины коридора улететь мне не удалось: шнур, к которому я была привязана, натянулся, и я почувствовала жгучую боль в груди, когда попыталась оторвать его от себя.

Пришлось покориться и повернуть в обратную сторону.

Я пролетела мимо реанимации и завернула за угол коридора. Здесь был уголок для посетителей: журнальный столик, диван и два кресла. В одном из них сидела моя подруга Наташа и разговаривала с кем-то по мобильнику, проливая обильные слезы и жадно куря сигарету. Конечно, разговор шел обо мне:

— Врачи сказали, что надежды практически нет. Бедная Анька! Я всегда знала, что этот брак

кончится катастрофой!..

— Наташка, кончай трепаться, угости лучше сигареткой! — весело крикнула я из-под потолка. Не обратив на меня ровным счетом никакого внимания, она продолжала разговор. Я опустила ниже, помахала рукой перед ее носом, потом тронула за плечо — и моя рука прошла сквозь него, как солнечный луч сквозь воду. Очень удивившись, я оставила свои попытки и стала прислушиваться к Наташкиной болтовне.

— Ну, конечно, она лежит в реанимации и к ней никого не пускают. Она без сознания. Георгия здесь нет, никто вообще не знает, где он. Видимо, скрылся, подлец. Меня полиция нашла по ее записной книжке, я все рассказала об их семейной жизни, и теперь его разыскивают как возможного убийцу. А я считаю, что он убийца даже в том случае, если Анна сама покончила с собой, вот что я тебе скажу, моя дорогая...

Мне стало скучно и противно — и это моя лучшая подруга! Сидит тут уже пару часов, судя по количеству окурков с губной помадой в пепельнице, рыдает по мне, а все равно сплетничает. Я взяла и улетела.

Мне стало тошно. Болтаться под потолком уже наскучило, сон этот мне надоел, но я не знала, как мне из него проснуться. Небывалое острое чувство одиночества охватило меня. Я решила вернуться в реанимационную палату, поближе к своему телу, и мне это без труда удалось.

В палате врачей уже не было, только за столиком в углу сидела дежурная сестра. Мое тело лежало очень спокойно, грудь равномерно поднималась и опускалась, но, поглядев на опутавшие меня провода и трубки, я поняла, что жизнь в этом теле теплится только благодаря медицинской аппаратуре. Светящийся шнур соединял меня с моим неподвижным телом внизу, и тут только до меня дошло: никакой это не сон и не бред, это все происходит на самом деле.

Мне стало ясно, что фактически я умерла, в моем теле поддерживается искусственная жизнь, а душа моя, то есть драгоценное мое Я, уже его покинуло, и только эта светящаяся нить меня с ним еще связывает. И мне стало так жаль лежащую там внизу Анну, беспомощную, обвязанную бинтами и утыканную иглами и трубками! Но помочь себе я ничем не могла, и мне снова захотелось оказаться подальше от себя, и я опять вылетела в больничный коридор, чтобы еще острее ощутить охватившее меня кромешное одиночество.

Они появились в дальнем конце коридора, там, где было окно. Сначала я услышала их голоса, очень странные голоса: это было похоже на то, как если бы группа взрослых совещалась о чем-то очень важном писклявыми детскими голосами. Я поглядела в ту сторону и увидела сначала только темные силуэты на фоне окна, невысокие, не выше метра, приземистые и горбатые. Они двинулись в мою сторону и оказались под светом коридорных ламп, и тут я их разглядела и сразу же решила: инопланетяне! ^[1]

Верила я или не верила в НЛО до этой встречи, не знаю, скорее, просто не особенно задумывалась, но информации на эту тему в моей голове накопилось, осело порядочно, как у всякого современного читателя и телезрителя. Страха, во всяком случае, эти существа у меня не вызвали, скорее любопытство, чуть-чуть окрашенное тревогой. Если допустить, что такие встречи бывают, то почему бы однажды такому не случиться и со мной?

Обнаженные коренастые тела инопланетян были покрыты довольно неприятной на вид серо-розовой складчатой кожей, крупные головы глубоко сидели в плечах, а впереди переходили в вытянутые лица, которые точнее было бы определить словом «рыла».

На первый взгляд они напоминали каких-то экзотических животных, что-то вроде помеси свиней с волками, но в больших круглых глазах, окруженных темными складками кожи и лишенных ресниц, определенно сверкал острый интеллект.

Пришельцы стояли подо мной и продолжали совещаться, что-то лопоча на своем визгливо-сиповатом языке, даже отдаленно не напоминающем ни один из слышанных мною земных языков. Речь явно шла обо мне, поскольку они не только глядели в мою сторону, но и указывали на меня верхними конечностями, похожими на детские ручки в карнавальных волчьих перчатках с когтями, довольно, надо сказать, устрашающими на вид.

Почувствовав некоторое отвращение, я строго себя осаждала: но-но, только без космического расизма, пожалуйста! Мне ведь неизвестно, как я сама выгляжу на их взгляд, но и на взгляд человеческий я сейчас, надо полагать, больше похожа на человекообразную медузу, чем на недурно сохранившуюся женскую особь сорока с небольшим лет.

Один из пришельцев, бывший на голову выше других, сделал шаг вперед и заговорил со мной по-русски, произнося слова механически, как робот:

— Мы пришли за тобой. Ты должна немедленно отправиться с нами.

Я молчала, не зная, что ответить. Он тоже помолчал, потом произнес без всякого выражения:

— Мы очень рады встрече с тобой. Мы полны дружелюбия.

Очень мило! Сначала приказ отправляться с ними неведомо куда, а уже потом приветствие. Я решила проявить независимость:

— Пока я не узнаю, кто вы и куда меня приглашаете, я с места не двинусь. Кроме того, я к нему привязана. Не к месту, а к моему телу.

Их реакция показалась мне несколько агрессивной: они меня поняли, но мои слова им не понравились, что и было выражено резкими повизгиваниями. Они посоветовались, потом старший начал давать разъяснения:

— Мы явились за тобой с далекой планеты. Тебе пришел срок покинуть Землю. Ты не будешь об этом жалеть. Связь с телом необходимо прервать. Ты должна это сделать. Сама и сейчас. Сейчас и здесь. Сделай это, и ты полетишь с нами. Умри и освободись!

Как же, разлетелись! Даже на такое астральное самоубийство я по своей воле не пойду. Как можно разорвать связь с моим бедным, таким привычным, таким родным телом, покинуть его в страданиях, предать его, беспомощное и безгласное! Нет уж, столько терпели вместе, потерпим еще. Ну, а там видно будет...

— А кто вы, собственно говоря, такие, чтобы решать за меня, когда мне пора умирать? И что это за планета, откуда вы появились?

Глава пришельцев обрушил на меня каскад каких-то астрономических терминов, в коих я ни уха, ни рыла, засыпал меня названиями, из которых я узнала только с детства застрявшую в мозгах Альфу Эридана, планету обетованную советских фантастов. Впрочем, подумалось мне, зря я иронизирую: вполне может быть, что сами обитатели Альфы внушили нашим фантастам название своей планеты.

Все эти мысли как-то очень четко, быстро, почти одновременно мелькали в моем уме, что было

непривычно: я уже давно разучилась по-молодому думать о нескольких вещах сразу, не теряя при этом ясности мышления.

— Мы понимаем твои сомнения и тревогу, — продолжал между тем инопланетянин, — но ты и не должна верить словам. Сейчас ты все увидишь собственными глазами, — и он махнул когтистой лапой в сторону окна.

Больничное окно из цельного стекла сначала полыхнуло зеленым светом, потом по нему пошли волны, как по экрану испортившегося телевизора, а затем на этом окне-экране появился изумительной четкости и яркости неземной пейзаж, сначала один, потом другой, третий... Всего было много и помногу: растительность всех цветов радуги на фоне зеленого неба с голубым солнцем, фиолетовые леса и розовые океаны, какие-то летающие животные с инопланетянами на крылатых спинах, стройные и хрупкие на вид здания, больше похожие на храмы, чем на жилье. Но современного человека звездными пейзажиками не удивишь: иллюстраторы фантастики и фэнтези, киношники и «космические художники» еще и не такого понаворочали.

Картинки проплывали в окне, сменяя одна другую, а потом все остановилось на премиленьком ландшафтике с белой виллой на золотистом холме, с лестницей, полого спускающейся к розовому пруду, по которому вальяжно скользили какие-то изумрудные водоплавающие с коронами на изящных головках. Ну и что? Если я могу теперь бесплатно и безвизно лететь куда хочу, то полечу я, само собой разумеется, не на какую-то неизвестную планету зелеными лебедями любоваться, а в Австралию, например, или на Бермуды. Но прежде слетаю в Москву и погляжу, что там подделывает мой благоверный. Интересно, как он примет известие о моей смерти?

— Если ты отправишься с нами, ты сможешь поселиться в этом доме, — заявил инопланетянин.

— А зачем это мне? Для людей я теперь невидима и неслышима — что мешает мне поселиться хоть в Грановитой палате Кремля? Думаю, что жилищная проблема мне не грозит.

Пришельцы грозно заверещали, но старший остановил их жестом и заявил самым серьезным образом:

— Грановитая палата уже занята другими душами, из тех, которым не дано подняться в Большие Небеса.

— А зачем мне сдались ваши Большие Небеса? Меня вполне устроит моя Малая Земля.

— Это юмор. Нам он непонятен, но мы его принимаем как доказательство твоего бесстрашия. Ты нас не боишься. Это хорошо.

Зря он это сказал. Я сразу поняла, что боюсь, очень боюсь, я уже давно так никого и ничего не боялась. Но во мне заговорили прежние диссидентские инстинкты: лучший способ защититься от страха — смеяться над теми, кого боишься. Я решила быть начеку.

В прошлом кагэбэшники могли разрушить в первую очередь благополучие, затем жизнь и тело, а уж в последнюю очередь разум и душу. Здесь разговор шел сразу о душе, больше-то ведь у меня ничего и не осталось...

— Там тебя ждет покой, там очень красиво!

— Звучит заманчиво. А еще что?

— У нас ты сможешь встречаться и беседовать с великими умами, с героями человеческой истории.

— Это спиритизмом, что ли, заниматься? Никогда особенно не интересовалась, знаете ли...

— У нас ты встретишь тех, кого любила на земле и кто покинул ее прежде тебя. Вспомни о них!

Это был сильный удар. Я потеряла мать и отца в последние годы, а единственный брат Алеша, мой близнец, умер еще в детстве от скарлатины. Мы с ним были очень близки, и я часто думала о том, как дружили бы мы с ним в наши зрелые годы.

Стоило мне подумать о моих дорогих умерших, как они, будто только этого и ждали, появились в кадре: они втроем вышли из дверей белой виллы и остановились на верхней площадке лестницы — мама, отец и Алеша. Как молода была моя мама — моложе, чем я сейчас! Отец выглядел чуть старше, но он и умер всего пять лет назад. А вот Алешенька был точно таким, каким мне запомнился, он даже одет был в тот самый серый школьный костюмчик, в котором мы его похоронили. Алеша бежал вниз по лестнице, призывно маша мне рукой и радостно смеясь, а мама с папой...

Вот тут-то они и прокололись. В этом трогательном кадре мать с отцом стояли наверху лестницы, ласково обнимая друг друга за плечи, и тоже улыбались любовно и приглашающе, — а вот такого быть не могло даже в ваших Больших Небесах! Дело в том, что после смерти Алеши мои старики не придумали с горя ничего лучшего, как обвинять друг друга в его смерти. Дело дошло до такой горячей ненависти, что в ней без остатка растворилась и бывшая любовь, и сама память об Алеше; при редких встречах о нем вспоминали лишь затем, чтобы побольнее уколоть друг друга. Я металась между ними, терзаемая любовью к обоим, но не смогла их помирить. Даже на свидания в лагерь, куда я попала за самиздат, они всегда приезжали порознь. Они и в эмиграцию меня провожали поодиночке: последний вечер я провела у отца, потом поехала к маме, и мы проговорили с ней почти всю ночь. Утром приехал на такси Георгий и отвез нас в аэропорт.

— Не верю я вашему рекламному ролику и никуда с вами не полечу!

— Но ты должна!

— Как я могу быть вам что-то должна, когда я до последнего часа о вашем существовании даже не подозревала?

— Все узнают о нас в свой последний час!

— А вот это еще надо проверить, действительно ли мой последний час уже наступил! — крикнула я дерзко и рванулась в единственно доступное мне убежище — в реанимационную палату, причем рванулась из всех сил.

И совершила большую глупость: мне бы следовало, улизнув от этих подозрительных инопланетян, потихоньку и плавно перебраться в палату, и тогда бы ничего не случилось. Покачалась бы я над своим бранным телом, как воздушный шарик, а там, глядишь, пришельцы убрались бы восвояси на свою Альфу, и я продолжала бы свое эфемерное существование в тихих больничных коридорах до лучших времен. Но с перепугу поспешив, я буквально вляпалась в свое распластанное тело и неожиданно оказалась в полной темноте и глухоте. Страшная, совершенно непереносимая боль схватила меня, и каждый тяжелый удар моего сердца эту боль все усиливал и усиливал. Я закричала и изо всех сил стала рваться вон из этого вместилища боли — и мне это удалось. Удалось даже слишком: от резкого рывка нить,

связывающая меня с телом, оборвалась, и я пулей вылетела в тот же самый коридор, где меня как раз и поджидали инопланетяне.

Они не схватили меня сразу, а протянули ко мне свои страшные лапы, и я на расстоянии ощутила струящийся из них замораживающий холод. Этим холодом меня сковало так, что я не могла ни двинуться, ни крикнуть. А они приближались ко мне, ликующе повизгивая и потирая свои мерзкие конечности. Вот старший протянул лапу, коснулся моей груди... и с истошным визгом отскочил в сторону, трясая рукой. Мне стало чуть легче, и я смогла крикнуть: «Спасите! Кто-нибудь, спасите меня!»

— Никто тебя от нас не спасет! — злобно проверещал старший. — Твой мерзкий талисман все равно с тебя снимут, когда станут хоронить, и вот тогда ты будешь наша!

— Никто тебя не спасет! Никто! — закричали прочие инопланетяне.

— Ну так уж и никто! — прозвучал за моей спиной громкий и спокойный мужской голос. Я оглянулась, и радость надежды вспыхнула во мне.

Высокий господин с прекрасным лицом, появившийся невзведь откуда за моей спиной, сделал несколько неспешных широких шагов и встал между мной и пришельцами. Это был не врач и не посетитель, потому что одет он был весьма странно: на ногах высокие блестящие сапоги, черно-красный плащ, а из-под него выглядывало золотое шитье какого-то средневекового костюма.

— Она звала на помощь, и я пришел помочь ей. Все — вон отсюда. Эта женщина — моя.

Пришельцы отступили к стене, подталкивая друг дружку и жалобно повизгивая.

— Я сказал — вон.

Он не сделал ни одного движения и даже не повысил голоса, но такая властность звучала в нем, что мерзкие твари вдруг с визгом сцепились в клубок, который покатился к окну, подпрыгнул, просочился сквозь стекло и растаял в сером пасмурном небе.

Сковавшие меня холод и ужас исчезли без следа.

— Погляди мне в глаза, дитя мое, — ласково произнес прекрасный незнакомец. Глаза его сияли мудростью и пониманием, а еще в них светилась нежность, в них хотелось глядеть и глядеть.

— Они очень напугали тебя? — тихо спросил он.

— Да. Они хотели заманить меня на какую-то чужую планету, где меня будто бы ждали мои умершие родные. Они мне их даже показали, но это был обман!

— Конечно, обман, фальшивка, — подтвердил прекрасный незнакомец. — Они большие мастера обманывать. Ты догадываешься, кто я такой?

— Я вижу, что вы добры ко мне, но кто вы, я не знаю. Мне так страшно, так одиноко, вся эта ситуация, в которую я попала, так странна и непонятна, — не оставляйте меня одну, пожалуйста!

— Я не оставлю, — кивнул он. — А ты догадываешься, что с тобой произошло?

— Да, я понимаю, что умерла. Но мое тело лежит там, на столе, — я махнула прозрачной рукой в сторону реанимации, — а вот я почему-то здесь, и что мне делать дальше, я не знаю.

— Все это совсем не так страшно, как кажется поначалу. Ты уже поняла, что смерти нет. Ты выбралась из гнилой человеческой оболочки...

— Но почему же «гнилой»? Я не такая уж старуха...

— Со мной не спорят, детка. Ты, повторяю, оставила свою непрочную, насквозь больную, а теперь еще и механически поврежденную плоть, чтобы присоединиться к совершенному миру духов. Теперь перед тобой открываются возможности, о которых ты при жизни даже не подозревала. Глупые поповские сказки о Рае не передают и тени величия тех миров, которые ты увидишь. Мы отправимся в мое царство, прекрасное, беззаботное, сверкающее весельем. Там ты познаешь радости и наслаждения, недоступные телесным тварям. Мое царство я щедро делю со всяким, кто любит меня и кого я люблю. Но не каждого я беру к себе, а только избранных мною.

— Так я...

— Да. С самого твоего рождения ты отмечена мной. Я с любовью и тревогой следил за твоим развитием, заботился о тебе, хотя ты этого не могла заметить. Это я помог тебе взрастить самые прекрасные твои качества — гордость и чувство собственного достоинства, независимость суждений и непризнание авторитетов. Я любовался тем, как смело ты ломала любые рамки, если тебе навязывали их со стороны, я подталкивал тебя к свершению самых смелых твоих поступков.

Это я не дал тебе закинуть в тепле обывательского болота; это я спасал тебя, когда твоей душе угрожала опасность поддаться той Силе, которая сломила и смирила не одну гордую человеческую душу.

— Вы говорите о советском тоталитарном режиме?

— Нет, я говорю о космическом тоталитаризме. К счастью, ты избежала его пагубного воздействия, и значит, ты — моя! Ты одна из многих и многих миллионов моих любимых дочерей, вас много, но я всех вас люблю одинаково.

— Так кто же вы, скажите наконец! Как вас зовут?

— Ты можешь звать меня просто «отцом».

— Отцом...

— Да. Дай мне руку. Пойдем со мной, и ты никогда больше не испытаешь одиночества. У тебя будет множество братьев и сестер, сильных, независимых, гордых. Большинство живших на Земле обитают ныне в подвластных мне сферах. Ну, теперь-то ты догадалась, кто я, дитя мое?

Тут меня осенило, и я воскликнула радостно:

— Знаю! Вы — Иисус Христос!

Прекрасное лицо перекошилось, он отшатнулся, как от удара, поднял руку с краем плаща и закрылся им. Мне стало неловко — я поняла, что сказала совсем не то, чего он ждал от меня. А еще я испугалась, что сейчас он уйдет, и я останусь одна. Но он помолчал немного, а потом

вновь открыл лицо и сказал с мягкой укоризной:

— Никогда больше не произноси при мне этого имени. Конечно, я не тот смешной персонаж устаревших церковных легенд. Я — единственный настоящий Властелин человеческого мира, так было и есть с самого появления человека на Земле. Но я еще и будущий властелин ВСЕГО мира! Уже сейчас мне принадлежат самые прекрасные его уголки, а скоро будет принадлежать все!

Теперь он говорил со страстью почти театральной, и это меня слегка насторожило: я никогда не любила патетики при жизни, но оказалось, что я плохо переношу ее и после смерти. Облик моего прекрасного незнакомца стал отдавать каким-то театральным нафталином. Ну да, он избавил меня от лукавых инопланетян, за это спасибо ему. Но сам-то он не из их ли числа? С чего бы это они так беспрекословно ему подчинились, прямо как шестерки пахану? Совсем они меня запутали, Господи помилуй...

Он вздрогнул. Как-то растерянно умолк.

Потом встрепенулся и продолжал с тем же пафосом:

— Так дай же мне руку, дитя мое, и пойдем в мой широкий и открытый мир! Только прежде сними с себя этот металл, который ты зачем-то носила при жизни, впрочем, не придавая этому особого значения, — и это хорошо. Но тень его осталась на твоей душе. Сними его!

— Как же я могу это сделать, ведь на мне только тень моего крестика, а сам он остался на моем теле там, в палате...

— Ну, это делается очень просто, достаточно сказать: «Я отрекаюсь от своего креста и снимаю его с себя», — и он, уставившись на меня гипнотизирующим взглядом, ждал, когда я последую его приказу. Он ведь не знал, что этот крестик для меня вовсе не талисман и не модное украшение...

Маленький золотой крестик мне подарила мама, провожая меня в эмиграцию. Она надела его на меня со словами: «Этот крестик достался мне от твоего дедушки, я носила его в детстве, когда еще верила в Бога.

Потом он лежал в шкатулке с украшениями, а когда ты маленькая тяжело заболела и врачи от тебя отказались, верующая соседка предложила снести тебя в церковь и окрестить. Тогда я вспомнила про него, нашла и отдала ей: с ним тебя и окрестили. Так что крестик это не простой, носи его в память о дедушке, которого ты не помнишь, и обо мне. Кто его знает, может он и убережет тебя на чужбине, ведь когда-то он помог тебе — после крещения ты сразу пошла на поправку». Я носила его не снимая.

Я медлила, прижав руку к груди.

— Ну же, снимай скорей! — теперь в его голосе звучало едва сдерживаемое раздражение.

— Не делай этого, Анечка! — прозвучал рядом другой голос, такой знакомый и родной, но так давно не слышанный.

— Мама!

Передо мной стояла моя покойная мать.

Она была такая же мутновато-прозрачная, как и я, может быть, немного плотнее на вид.

Она умерла без меня, меня не пустили на родину ни ухаживать за тяжело больной матерью, ни похоронить ее, и только сейчас я увидела, до какой худобы и измождения изгрыз ее рак.

— Молчать! Вон отсюда! — безобразным от ярости голосом завопил прекрасный не знакомец, только прекрасного в нем сейчас осталось немного: его лицо вдруг стало серым и морщинистым, стройная фигура сгорбилась и как-то искривилась, даже роскошный плащ казался теперь мятой и полинялой тряпкой, оставшейся с давно забытого карнавала.

Я бросилась к матери и обняла ее. Прикосновение к ее воздушному телу было вполне ощутимо и приятно, как будто трогаешь сильную струю теплого воздуха. Конечно, гнев незнакомца напугал меня, но мама — это было важнее! Мелькнула мысль: может быть, мы теперь сможем снова быть вместе и уже никогда не разлучаться?

— Мамочка, знаешь, я ведь тоже умерла!

— Да, доченька, я знаю. Мы с твоим дедушкой пришли тебя встретить.

Из-за спины мамы появился высокий молодой человек с бородкой и длинными волосами, в священнической одежде. Я никогда не видела его при жизни, а фотографий деда почему-то в семье не сохранилось, но я поняла, что это действительно мой дед, по его сходству с мамой: у него был тонкий нос с нашей фамильной горбинкой, светлорусые волосы и синие глаза, какие были у мамы в молодости.

— Здравствуй, внучка, — кивнул он. — Ты поступила правильно, что не отреклась от креста: если бы ты это сделала, мы уже не смогли бы тебе помочь. Теперь молись Господу, чтобы он спас тебя от Сатаны, бей Сатану Христовым Именем: старый лжец явился, чтобы увлечь тебя за собой и погубить твою душу.

— Что есть ложь? — пожал плечами уже оправившийся незнакомец. — Ад, Сатана? Кто теперь верит в эти сказки? Понятно, что в мире существует Зло, но не до такой же степени оно персонифицировано!

Тот, в чьем существовании я усомнилась, будто подслушал мои мысли:

— Ты права, сокровище мое, ну кто теперь верит в Сатану с хвостом и рогами? Только болваны вроде твоего деда, пошедшего даже на дурацкую, карикатурную смерть за свои заблуждения. Я не Сатана, я — Демиург, творец и покровитель людей

— Врешь, богохульник! — воскликнул мой молодой дед, и в его голосе прозвучала сила. — Людей сотворил не ты, ты лишь исказил Божие творение. А внучку мою я пытаюсь спасти как раз своей крестной смертью, да еще Божиим милосердием.

— Не верь этому ханже и мракобесу, Анна! Разве от меня надо спасаться? Неужели ты не поняла, как я тебя люблю и как ты дорога мне?

— Любишь ты ее, как волк овечку! Молись Господу, Анечка, прямо сейчас молись. Господь милостив.

— Я не умею молиться, дедушка.

— Один раз ты воззвала к Немю: «Господи, помилуй!» — и это помогло тебе стряхнуть с себя

чары Сатаны.

Сатана издевательски захохотал:

— Заврался, святоша! Современный чело век давно превратил вашу молитву в простую присказку, эти слова ничего не значили как для Анны, так и для Того, к Кому будто бы были обращены.

— Снова ложь! Господь слышит даже случайную молитву, потому что Он знает: ничего случайного из человеческой души не исходит. Анна — христианка и в минуту опасности поступила по-христиански, призвав Бога на помощь.

— Она — христианка?! Чушь какая...

— Да, плохая, грешная, но все равно христианка. Я сам присутствовал при ее крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— И это меня называют отцом лжи, когда у тебя, святоша, что ни слово — то и вранье! Как ты мог быть при крещении своей внучки, если твоя дочь была девчонкой, когда ты так неосторожно и глупо ввязался в спор с пьяными матросиками?

— Я присутствовал при крещении младенцев Анны и Алексея незримо. Крестивший их священник был пастырь недостойный и ленивый, он боязливо спешил, исполняя таинство, а благодать Божия незримо восполняла его. Он пропустил момент отречения от Сатаны, а я, и ты это помнишь, лукавый, сам провел акт отречения от тебя с крещающимися младенцами Алексеем и Анной. Это было в среду на Страстной неделе, в пятьдесят пятом году.

— Да-да, Анечку и Алешу крестили в это время, значит, это все так и было! — воскликнула мама, крепче обнимая меня.

— И крестить их додумалась чужая бабка из чистого суеверия — чтобы дитяtko не преставилось! — не сдавался Сатана. — А ее братца так и вовсе прихватили за компанию. — Он все больше кривлялся и становился все безобразней; уже совсем исчез сверкающий костюм оперного Мефистофеля, и вместо него висели черные лохмотья, сквозь которые виднелась кожа цвета мокрого асфальта; из кончиков пальцев, раздирая кожу красных перчаток, проросли черные когти.

— А вот насчет того священника ты правду сказал: он вскоре отказался от сана и верно служил мне до самой своей смерти. Ну и после смерти, само собой, попал ко мне. Так что крещение ее вряд ли действительно.

— Всякое крещение действительно, если совершено по правилам, независимо от достоинства или недостойнства крестившего.

— У меня на этот счет свое мнение, и я остаюсь при нем! Я не признаю ее крещения!

— Так что же ты боишься ее крестильного крестика?

— Боюсь? Мне просто противно, когда люди, всю жизнь прожившие по моей подсказке, — ведь эти тварюшки всегда подчиняются либо мне, либо твоему Хозяину, а сами не способны даже согрешить самостоятельно — противно, когда они вдруг бездумно обвешиваются вашими бирюльками, носят сами не зная что.

— Бирюльки, говоришь? А вот проверим! — дедушка обеими руками взялся за висящий у него на груди крест и поднял его над головой со словами:

— Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!..

Сатану затрясло, заколотило, отшвырнуло в конец коридора, в сторону окна. Корчась на полу и содрогаясь, он прохрипел:

— Будь ты трижды проклят, жалкий святоша! Анна, предательница! Мы еще с тобой встретимся, ты никуда от меня не спрячешься! — и с этими словами он исчез.

Я опустилась в бессилии на пол. Мама склонилась надо мной и погладила по голове:

— Прости меня, доченька, это я во всем виновата: не водила тебя в церковь, не учила ни молитвам, ни заповедям Господним.

— И сама не ходила, и сама не молилась! — строго сказал дедушка.

— Да, если бы не ты, мучаться бы мне в аду. Я ведь и перед смертью не захотела покаяться, и не отпевали меня по-христиански. Если бы не твое мученичество, отец...

— Папа, — поправил ее дед. — Тебе я в первую очередь просто папа, а уж потом и сан, и мученичество мое.

— Мама, дедушка! О каком мученичестве вы говорите? Разве ты, дед, не умер от голода в гражданскую войну? — спросила я.

— Анна! Как ты разговариваешь со своим дедом... то есть с дедушкой? Ты что, забыла мое отчество?

— Почему? Я помню — Евгеньевна. Но как-то неудобно называть дедушкой молодого человека, почти вдвое младше меня, а Дед — это звучит вполне даже современно. Можно вас так звать?

— Зови как зовется!

— Имя твоего дедушки — отец Евгений, вот так изволь к нему и обращаться!

Как давно я не слышала маминых нотаций, как по ним соскучилась! А мама продолжала тем же строгим тоном:

— Твой дедушка — святой. Его распяли на церковных Царских вратах большевики-матросы, это было в девятнадцатом году. Он пытался помешать им ворваться в алтарь во время литургии. Они подняли его на штыки и приколотили к вратам, издеваясь: «Виси, как твой Христос висел!» — и не давали никому подойти, пока он не умер. Он висел так до самого вечера, молясь за распинателей, а прихожане стояли вокруг, плакали, но ничем не могли ему помочь.

— Почему же ты раньше не рассказала мне об этом, мама!

— Сначала боялась, а потом... Ты сама по мнишь, как мы жили, — без Бога, без Церкви. Я ведь стыдилась своего отца! Сейчас-то я понимаю, что виновата не столько даже перед тобой, папа, сколько перед Алешей и Аней.

— Мама, а где теперь Алеша?

— Вместе с дедушкой.

— Ты с ним виделась?

— Да, но очень недолго, а теперь уже, наверно, до самого Страшного суда больше не увижусь...

— Скажи, ему там хорошо?

— Очень хорошо. Так хорошо, что я и сказать не могу. Оказывается, доченька, когда Алеша был уже совсем плох, Дарья Ивановна, соседка наша, позвала к нему тайком священника, он Алешеньку исповедал и причастил. Ты в это время была в школе, а мы с папой на работе. И вот теперь Алешенька наш в Раю!

— А ты, мама?

— По дедушкиным молитвам и великой милости Божией я нахожусь в спокойном месте, над которым у Сатаны нет власти, и где можно молиться Господу [2]. Но как хочется походить по травке, услышать птичку! Ничего этого там нет, только камень и камень... Папа, пока еще есть время, научи Аню самым важным молитвам!

— Поздно, Машенька. Ты-то их знала с младенчества, в детстве без молитвы не вставала и не ложилась и за стол не садилась. Вот в нужный момент они и вспомнились.

— Ну, хоть благослови иерейским благословением!

Дедушка подошел ко мне совсем близко и перекрестил меня.

— Поцелуй благословившую тебя руку, — сказала мама. Я не поняла, зачем это надо делать, но послушно поцеловала Дедову руку, будто отлитую из упругого света.

— Видишь, мама, как я послушна в церковном воспитании, можно отдавать в воскресную школу! — засмеялась я.

— Чему это ты радуешься? — спросил Дед.

— Не рано ли пташечка запела?

— Сама не знаю. Мне так легко и свободно без своего привычного тела, вы с мамой появились, вот и про Алешу я такие хорошие новости услышала. А с вами-то мне как хорошо! Я даже про эти ужасные встречи забвела.

— Ты еще кого-нибудь успела встретить, кроме Сатаны? — встревожился Дед.

— Да, тут еще какие-то поддельные инопланетяне зазывали меня слетать на Альфу Эридана.

— Господи, спаси и помилуй! — воскликнула мама.

— Ну-ка, расскажи! — потребовал Дед. Я рассказала.

— Это были бесы, — сказал Дед. — Современных людей они дурачат современными методами. Но они все равно отвели бы тебя к Сатане.

— Дед! А почему это мне такая честь, что он сам за мной явился?

— За мученичество мне дана от Бога благодать ходатайствовать перед Ним за моих потомков до конца времен, вот Сатана и хлопочет: ему обидно, что столько людей могут спастись без особых подвигов.

— А разве я не последний твой потомок? У меня ведь детей не было, и сама я умерла.

— Есть и будут у меня потомки, успокойся.

— И все они спасутся?

— Если сами будут к этому стремиться.

Против воли человека Бог не может его спасти. Ах, дурочки вы мои милые, если бы вы жили хоть слабенькой христианской жизнью, как бы мне легко было вас прямиком в Рай проводить! А теперь нужны не только мои молитвы, но и всей Церкви на земле и на Небе, и всех ее святых.

— А разве ты не можешь устроить так, чтобы за нас с мамой вся Церковь молилась?

— Ты думаешь, это просто? Подумай сама, а кто из ваших родственников и друзей будет за вас молиться? Вас окружали на земле такие же равнодушные к вере люди, как и вы сами.

— Я очень надеялась, что ты придешь к вере, — грустно сказала мне мама.

— Если бы я знала!

— Знание и вера — разные вещи. Но не унывайте: есть еще молитвы всей Церкви о всех прежде усопших христианах, в том числе и о заблудших, и о умерших без покаяния и лишенных христианского погребения. Вот на них и будем уповать, да еще на великое Божие милосердие.

— И что же теперь меня ждет?

— Это все все в руках Божиих. Но поверь, что за тебя я буду просить Его до дерзновения. Да и Ангел-Хранитель твой обещал не отступить от тебя перед Богом, хоть и грешна ты перед своим Ангелом. А что это он медлит? Как бы опять бесы не набежали.

— Я уже давно стою здесь и слушаю, — раздался звучный и очень мелодичный голос.

Я оглянулась. Неподалеку от нас стояло светящееся существо, с ног до головы окутанное покровом, будто сотканным из светлых огненных струй.

— Вот и он, твой Ангел-Хранитель! — обрадовался Дед.

Покров распахнулся и превратился не то в огненные крылья, не то в два потока сверкающих лучей, падавших от плеч Ангела к его ногам. Его лучезарное лицо было прекрасно и серьезно, и не было в нем ни капли той опереточной, подчеркнута земной красоты, которой меня, как последнюю дурочку, очаровал поначалу Сатана. Тот хотел нравиться, старался нравиться, и это ему удавалось. Ангел был красив совершенной, но безмерно далекой от земных канонов красотой. К ней не подходили такие понятия, как шарм, обаяние или очарование. В нем не было даже явно выраженной принадлежности к мужскому или женскому полу: больше юноша, чем девушка, он был так идеально чист, что и любоваться его красотой было бы непристойно. От него исходили сила, спокойствие и любовь старшего к младшим, то есть ко мне и к маме. А вот к Деду, и я это заметила сразу, Ангел относился с величайшим почтением, как к старшему. Так вот что значит — святой! По их небесному чину, выходит, он главнее ангелов. И это мой

родственник, как-никак... Приятно! Как и следует старшему, Дед представил мне Ангела:

— Вот твой Ангел-Хранитель, который был тебе дан от святого крещения и незримо сопровождал тебя всю твою жизнь.

— Это так, — серьезно подтвердил Ангел.

Он даже не улыбнулся мне, а ведь у него должна была быть чудесная улыбка. Обидно!

— Вы — мой Ангел-Хранитель? Так почему же в моей жизни было так много несчастий, бед и ошибок? Простите, но я совсем не помню, чтобы кто-то, пусть даже незримо, оберегал меня от них.

— Я много раз пытался говорить с тобой, но ты меня не слышала. Иногда мне удава лось помочь тебе через других людей, через ангелов и даже через стихии. Но против твоей сознательной воли я не мог на тебя воздействовать.

— Почему нет, если это было для моей пользы?..

— Потому что свобода воли человеку дана Божиим произволением, и ангел не может преступать ее пределы.

— А еще твои грехи заставляли его держаться на расстоянии, — добавил Дед. — И все это, увы, не осталось без последствий. Вскоре ты поймешь и оценишь сущность прожитой тобой жизни, и тогда ты сама найдешь ответы на многие вопросы, которые, я вижу, из тебя так и просятся наружу. А сейчас нам надо спешить.

— Похоже, я сегодня в моде: меня то и дело куда-нибудь срочно и настоятельно приглашают. Куда на этот раз?

— На поклонение Господу, — сказал Ангел-Хранитель своим звучным голосом.

Я тут же прикусила язык. Хорошо это или плохо, я не знала, но что это очень важно — догадалась.

Дальше обстановку принялся разъяснять Дед:

— Мы должны пронести тебя сквозь земную атмосферу, которая кишмя кишит бесами. Надеюсь, что нам это удастся с Божией помощью. А теперь прощайся с матерью. Мы подождем тебя.

Дед с Ангелом-Хранителем отошли в сторону и стали о чем-то разговаривать, а мы с мамой крепко обнялись.

— Мамочка, ты никак не можешь отправиться с нами? Мне так не хочется с тобой расставаться!

— Мне тоже, доченька моя...

— Мы больше не увидимся, мама?

— Увидимся, если ты окажешься там же, где и я.

— Я постараюсь, мама!

— Глупышка... Передай мой поцелуй Алешеньке, если увидишь его.

Мама в последний раз обняла меня, опустила руки, отошла, не спуская с меня глаз, а потом исчезла.

Глава 2

— Путь через мытарства [3] труден и опасен, — сказал Ангел-Хранитель, — ты должна полностью довериться нам, чтобы не попасть в беду.

Я охотно это обещала. Дед с Ангелом подхватили меня под руки, и мы начали стремительно подниматься. За несколько мгновений промелькнули палаты больницы, которые мы пролетели насквозь; никто из больных нас не заметил. Мы прошли сквозь крышу больницы и взмыли над ней, поднялись над зеленым больничным парком, потом я увидела Мюнхен с высоты полета птичьего, а после — самолетного, а затем мы вошли в облака, потому что день был пасмурный.

Мы долго в молчании летели сквозь сияющую облачную пустоту. Когда я захотела о чем-то спросить Деда, он остановил меня:

— Тихо! Здесь кругом бесы, это их стихия. Мытарств не миновать, но не стоит привлекать бесовское внимание прежде времени.

Я замолчала.

Туман впереди вдруг сгустился и потемнел. Я подумала, что мы летим на грозовое облако, и почему-то вспомнила, как опасна встреча с грозой для самолетов. Хранитель сжал мне руку и через мою голову сказал Деду:

— Это они! Готовься!

Темное облако стремительно надвигалось, и вскоре нас окутал тяжелый и смрадный смог. В этой полутьме роились мерзкие полупрозрачные существа, состоявшие как бы из плотной вонючей слизи; одни из них были похожи на давешних «инопланетян», другие на гигантских летучих мышей, и вся эта нечисть крутилась-вертелась вокруг нас, взлетая и стремительно ныряя вниз, угрожающе рыча и визжа; этот хаотичный полет сопровождался грохотом не то грома, не то каких-то барабанов. Шум стоял несусветный, похлеще, чем на дискотеке, и сквозь этот грохот можно было слышать: «Наша! Эта душа наша! Давайте ее сюда!»

— Придется остановиться, — сказал Хранитель. — Говори с ними ты, святой! А ты, Анна, внимательно слушай, но в разговор не вступай.

Мы остановились в воздухе. Хранитель накрыл меня своим крылом, стало не так страшно.

— Что предъявляете вы этой душе, слуги дьявола? — спросил Дед.

Из роя бесов выдвинулся один, чем-то отдаленно напоминающий номенклатурного чиновника: в руках бес держал раскрытую папку и перебирал в ней какие-то бумаги.

— Вот тут все зафиксировано: празднословие, брань, грязные слова, богохульство и прочие словесные грехи, — проскрипев это, он захлопнул папку и потряс ею над уродливой башкой.

— Не все сразу, — остановил его Дед. — Если ты явился обвинять, то предъявляй обвинения по одному.

— Нет, сразу! Все сразу! — закричали кругом бесы. — Чего тут тратить время, и так все ясно! Некогда нам, пачками отправляем в ад этих болтунов, хватать не успеваем — стаями летят. Отдавайте ее нам, и дело с концом!

— Обвинения — по одному! — упрямо по требовал Дед.

— Ладно! Ей же хуже!

Бес-чиновник снова раскрыл свою папку и начал бубнить все глупости, ругательства, неприличные анекдоты, какие я произносила в своей жизни, причем начал с детской брани типа «дурак», «зараза», дразнилок вроде «Колька-дурак курит табак» и подобной чепухи. Я догадалась, что у них тут всякое лыко в строку.

Вдруг из толпы бесов выдвинулся еще один, голый, но в пионерском галстуке, и запищал:

— Пионеры — юные безбожники! «Летчик по небу летал, нигде Бога не видал!» Она богохульствовала с детства — подавайте ее сюда!

Я, конечно, была в пионерах, как и все наше поколение, но слов этих никогда не произносила. Я дернула Деда за руку, и он понял, в чем дело.

— Подожди-ка, когда она это говорила?

Бес-чиновник засуетился, завозился в бумагах:

— Сейчас, сейчас... У меня все записано, минуточку... Не это... Не то... Ну, ладно, сама она, предположим, этих слов не произносила, но слушала их на пионерских собраниях и не возражала. Возражала или нет? То-то. Преступление через соучастие, как говорится в их уголовном кодексе.

— Оставим человеческие законы, мы не на Земле. Ты лучше скажи, бес, разве вы уже не предъявляли эти обвинения тем, кто со вращал атеистическим мракобесием невинные детские души? Уверен, что за этот вздор уже ответили ее несчастные воспитатели.

— Допустим. Но мы не станем мелочиться, у нас найдутся и другие материалы на ту же тему. Не надо лукавить: ведь это не мы, а вы считаете богохульство тягчайшим грехом, мы только следуем традициям мытарств. Самим-то нам, конечно, только приятно слышать эту милую детскую непосредственность. Устами младенцев, как говорится, гм...

— А я доподлинно знаю, что никаких особенных духовных грехов за ней нет. Все, в чем вы ее обвиняете, — это плохое воспитание, а не испорченность души, многое она болтала неосознанно — просто болтала. Зато мне известно, как и вам, что за правдивое и честное слово она, став взрослой, заплатила своей свободой, — и вот это уже было абсолютно сознательно!

— Знаю, знаю, слышали мы про это их инакомыслие, болтовня одна! Да, вот, кстати, о болтовне. Виновна в празднословии, суесловии и пустословии. В одних только телефонных пустых разговорах с подружками проведено четыре года, одиннадцать месяцев, пять дней, шесть часов и тридцать шесть минут. У нас счет точный, как в банке!

— И не стыдно? — вмешался мой Ангел. — Сами же вы, будучи лишены возможности получать энергию от Бога, подключаетесь нахально к телефонным проводам и сосете по ним энергию из болтунов!

Но бесы, похоже, его не слушали. На нас обрушился новый поток брани, сальных анекдотов, жаргонных словечек из интеллигентского обихода. Дед не успевал и слова вставить. Вдруг листы с обвинениями вылетели из бесовской папки и устремились ко мне, будто карты, пущенные фокусником из колоды. Я закрыла лицо руками, но Дед поднял свой крест и крикнул:

— Крестом Спасителя да испепелятся все ее словесные грехи!

В воздухе запахло горелой бумагой и шерстью, листки с обвинениями рассыпались пеплом, а бес с визгом отбросил от себя горящую папку и начал дуть на обожженные лапы.

— Прочь! — грозно произнес Ангел, и вся бесовская свора шарахнулась в разные стороны, освобождая нам дорогу. Мы вылетели из вонючего облака и понеслись сквозь редящий туман в чистое небо.

— Мы, кажется, прорвались? — спросила я.

— Сквозь это мытарство — да. Но впереди достаточно других, — сказал Дед. — Поэтому будь осторожна и помни: НЕ БОЯТЬСЯ, НЕ ВСТУПАТЬ В СПОРЫ И МОЛИТЬСЯ!

И вновь продолжался полет в тишине, полной тревоги. Я не знаю, на какой мы были высоте, но мимо нас не пролетали птицы, я не видела и не слышала ни одного самолета.

Мне пришло на ум, что пересекаемое нами пространство находится не в атмосфере или стратосфере, а в каком-то другом измерении.

Иногда мне казалось, что мы висим в синеве неподвижно, я не чувствовала сопротивления воздуха, и только редкие клочья неприятного тумана проносились мимо нас, да шумели чуть слышно огненные крылья, струясь за плечами Ангела.

И тогда становилось ясно, что мы летим с немыслимой скоростью.

Вскоре снова показались бесы, но в этот раз они вели себя не так нагло и шумно.

Опять один из них оказался перед нами и начал предъявлять мне обвинения во лжи:

— Она лгала по ничтожным поводам, но зато постоянно! Лгала матери, что у нее все в порядке, когда та беспокоилась о ней, а сама ждала ареста... Ее и судили «за клеветнические измышления»! Впрочем, это мы пропустим... Она лгала подругам, что счастлива с мужем и он ей верен.

Подобных обвинений у него было множество, но он перечислял их скороговоркой, не требуя ответа и опасно косясь на крест в руках Деда. Мы ему не отвечали и продолжали движение, а он летел сбоку, суетился и выкрикивал что-то уж вовсе несуразное:

— Она стишки писала, а мысль изреченная есть ложь! И вообще — всяк человек ложь есть!

Почти совсем отстав, он выкрикнул:

— Она не любила лгать из гордости! Вот поглядим, как она за гордыню свою ответит!

Потом, когда этот бес отстал окончательно, появился другой, совсем ничтожненький на вид и вовсе даже не страшный, и завершал поганым голоском:

— Сплетница, сплетница! Все женщины сплетницы! Сколько раз при ней перемывались косточки ее подруг? Пусть ответит!

Ангел, не прерывая полета, бросил через огненное плечо:

— Отстань, адская козявка! Ты сам знаешь, сколько раз по ее слову прекращались сплетни, и как часто она говорила о людях только хорошее, если при ней их осуждали. Ты хочешь, чтобы мы сочлись?

— Нет, нет! Скатертью небеса, убирайтесь и уносите ее прочь! Только учтите, что она это делала не по вашему ханжескому учению, а по своей гордыне.

И мы отправились дальше.

Через некоторое время Хранитель предупредил:

— Впереди мытарство чревоугодия.

— Вот уж в чем не грешна!

Хранитель заглянул под крыло, и я умолкла, встретив его серьезный предостерегающий взгляд.

Нас воюющей толпой окружили бесы, похожие на раскормленных свиноматок, но среди них попадались и тощие экземпляры: худобой они напоминали дворовых кошек эпохи ранней перестройки, но зато у некоторых на тощих шеях были повязаны крахмальные белые салфетки, а в лапах они держали ножи и вилки. Почти все они, и тощие и толстые, непрерывно что-то жевали, пуская слюни и роняя из пасти куски пищи.

— Стоп, приехали! — объявил важный толстый бес и раскинул лапы, загораживая дорогу. — Эта душа не обжиралась и не гурманствовала. По глупости и по бедности, надо полагать. Но она и не постилась ни одного дня в своей жизни!

Вот это да! Христианские посты... А ведь крыть и в самом деле нечем.

Но проблема разрешилась самым неожиданным образом.

— Не постилась, говоришь? А кто просидел три года на тюремной и лагерной баланде? Кто отдавал свою пайку голодным сокамерницам на этапе? А выйдя на свободу после лагеря, не она ли держала голодовки протеста в защиту других узников совести? Сколько христианских постов уложится в это стояние за правду? Ну-ка?

Ух ты! Молодец мой Дед, мне бы все это и в голову не пришло.

— Не считается, не считается! — разочарованно загнусили бесы, но Дед крестом размел их толпу, как ледокол разламывает и разгоняет слабый лед. Мы двинулись дальше.

Три лагерных года выручили меня и на следующем мытарстве лени. Как тут все неожиданно оборачивается: я-то считала, что лень вперед меня родилась. Каким бы любимым или важным делом я ни занималась, я всегда была готова оставить его при первой возможности и улечься на диване с очередной книжкой. Но все это было погребено под горой цемента, которую я перебросала в лагере совковой лопатой (это фасон лопаты, а вовсе не принадлежность ее к советскому строю). Вот уж не ожидала!..

Однако лагерь здорово подвел меня на следующем мытарстве воровства. Бесы буквально закидали меня морковкой, картошкой и луком: это были краденые овощи, которые я выменивала на махорку у наших ээчек, работавших в овощехранилище. Скупка краденого! От этого отбились, напомнив про голод и авитаминоз, последствия которых давали себя знать и через годы.

Подвел меня и самиздат. Бесы засыпали меня чистой писчей бумагой, листами копирки, лентами для пишущей машинки.

— Вот! Все это было ею похищено на работе. У родного государства краля, воровка, хапуга, а ведь правозащитницей звалась!

Мне стало стыдно — кража есть кража...

Но я же не виновата, что в магазинах с распространением самиздата копирку вообще перестали продавать, а продавцов канцелярских товаров КГБ уполномочил следить, кто часто покупал пачки бумаги для пишущих машинок. И следили некоторые, и доносили, и сколько народу на этом попало! Но Дед с Ангелом не дали мне ни слова сказать в свою защиту. Из кармана рясы Дед вытащил тонкую рукопись и показал ее бесам:

— Вот это было напечатано на украденной бумаге и под украденную копирку. Хотите поближе познакомиться с этим текстом? — и он двинулся к ним с рукописью в руке. Тонкие сероватые листы вдруг засветились голубым пламенем, и бесы бросились врассыпную:

— Не надо! Не надо! Мы вас не задерживаем, убирайтесь!

Ах, я вспомнила этот текст! Это были письма заключенного епископа из Соловков к его духовным детям. Сколько возни тогда было с выверкой библейских цитат, с написанием слов незнакомого церковного лексикона! Я допечатала текст и с облегчением отдала его верующим в их подпольный журнал «Наша община», даже экземпляра себе не оставила, хотя обычно брала себе последнюю копию. И вот надо же, именно эти странички мне помогли теперь. Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Мы благополучно оторвались от разочарованной черной стаи, потом, почти не задерживаясь, пролетели подряд несколько мытарств, на которых мелкие бесы выкрикивали что-то о зависти, скупости, лихоимстве и о каком-то вовсе мне неизвестном мшелоимстве. Все это были не мои любимые грехи, как сказал Дед.

Когда я почти успокоилась этими удачами, впереди показалось уже не темное облако, а плотная черная стена с красными сполохами, как будто на нас надвигалась осенняя ночь с грозой. Стало холодно и жутко.

— Что это там впереди? — спросила я в страхе.

— Мытарство гордости. Вот тут нам придется трудно, — озабочено сказал Хранитель.

Далась им эта гордость, подумалось мне.

Но туча шла и шла на нас и становилась все черней. Уже стали различимы злобные хари бесов, все ближе сверкали их волчьи глаза, а грохот стоял такой, будто камни сыпались с высоты на железную крышу.

Мы оказались в плотном коридоре, слеplенном из сине-черных слизистых тел, и тут нам

навстречу вышел сам Сатана. Он снова был красив и наряден, но теперь красота его носила, так сказать, демонический характер, и выражение лица не предвещало ничего хорошего, оно стало надменным и зловещим.

— Ну, вот мы и встретились, как я тебе обещал, Анна. Жалкое поповское отродье, не тебе ли я, презрев твое низкое происхождение, протянул руку помощи? Не тебя ли позвал любовно, как потерявшегося ребенка, обещая тебе свое высокое покровительство? Но ты отвергла меня, Князя Земли и воздушной стихии! Теперь я забираю тебя уже не как дочь, а как жалкую рабыню, как приговоренную арестантку, и твой лагерь покажется тебе раем по сравнению с тем, что ожидает тебя в моем ГУЛАГе!

— За что ты собираешься судить ее? — спросил Дед.

— Будто ты не знаешь, святоша! За гордыню, конечно.

— То есть за то самое, за что сам был низвержен с небес?

— Я чту и люблю гордость, но только свою. Гордость людишек, этой мыслящей земной плесени, мне отвратительна не меньше, чем твоему Хозяину, и я доволен, что могу их за это судить и осуждать.

— Если будет суд, то понадобятся свидетели, — сказал Дед.

— Пустые формальности! Но я, чтобы до садить тебе, распятое ничтожество, предъявлю вам такого свидетеля, какого вы не ожидаете. На моем суде свидетельствовать против Анны будет... сама Анна!

Все-таки любил Сатана театральные эффекты. Он взмахнул рукой в красной перчатке: из мрака вышли бесы, неся на головах что-то вроде щита, а на щите этом, подбоченившись, стояла пигалица в юбочке короче некуда, голенастая и патлатая. Я даже не сразу узнала себя, ведь прошло столько лет! И это смешное создание произносит вдруг моим голосом:

— Я не понимаю, как можно вообще прислушиваться к мнению родителей! Мне уже двенадцать лет, и я сама способна разобраться в том, что хорошо и что плохо. А они — отсталое поколение, мещане и конформисты. У них на уме только работа, семья, бытовые потребности, — о чем с ними вообще можно разговаривать?

Я не удержалась и прыснула от смеха.

— Видишь, Сатана, сегодня она сама смеется над собой тогдашней, — сказал Дед. — Не велик же у тебя запас обвинений, если ты мелочишься и собираешь детские грешки.

— Тогда она смеяться над собой, слава мне, еще не умела, — пробормотал несколько обескураженный моим смехом Сатана. — Однако продолжим. Напоминаю уважаемому защитнику, что по правилам учреждения, которое он здесь представляет, дети ответственны за свои грехи с семи лет ^[4]. Но поправку я принимаю и перехожу к более поздним временам.

Он вновь взмахнул рукой, и я на возвышении превратилась во взрослую девушку, красивую и одетую не без вкуса. Задумчиво глядя вдаль, она многозначительно и серьезно рассуждала о том, что верит в неограниченность человеческого разума, в правоту самооценки, и что нравственным законом для человека должна быть только его личная совесть, а первой его потребностью — самоуважение и самовыражение. Еще один взмах руки, — и девица превратилась в зрелую женщину, а речь стала еще убежденней: я доверяю только своим

принципам... главное — не утратить чувство собственного достоинства... да, я горжусь принадлежностью к диссидентам, поскольку считаю их совестью России...

Анна на возвышении выросла, не переставая говорить, а поскольку ее речи были мне хорошо знакомы, — я и сейчас готова была подписаться почти под каждым ее словом, — я больше смотрела на нее, чем слушала: все-таки занятно увидеть себя вырастающей из девочки в зрелую женщину за несколько минут.

Наконец Анна на помосте замолчала и застыла, будто кукла, у которой кончился завод.

— У тебя есть что ответить на все это? — тихо спросил меня Ангел-Хранитель.

— А надо отвечать? Он ведь не предъявил пока никаких обвинений в гордыне, как обещал.

— Ты что, ничего не понимаешь? Все эти твои рассуждения, — он кивнул в сторону застывшей на помосте фигуры, — это и есть доказательства твоей гордыни.

Я взглянула на Хранителя, но его лицо было печальным и на меня он не смотрел.

Зато Сатана ликовал. Странное дело, неужели они все трое усматривают гордыню в этих взглядах вполне обычного современного интеллигента? Да что такого особенного они услышали?

А пока я недоумевала, темный коридор по обе стороны от нас начал сужаться, и я ощутила, как от этих стен, грубо слепленных из бесовских туловищ, на меня веет лютым холодом. Я начала цепенеть, мои руки, которыми я держалась за Ангела и Деда, от холода сами собой разжались. Потом чья-то грубая лапа вцепилась сзади в мой затылок, и меня поволокло прочь от Хранителя и Деда.

Я пыталась позвать их на помощь, но и голос мне не повиновался, и я не смогла издать ни звука.

Как только безжалостная сила оторвала меня от моих защитников, меня тут же со всех сторон облепили темные упругие тела.

Они окутали мою голову будто мокрым ватным одеялом, и я уже ничего не могла ни видеть, ни слышать, ни сказать. С ужасом чувствовала я, как холод проникает в мое сознание, замораживает его, и оно меркнет по мере того, как облепившая меня пульсирующая масса становится все плотнее и плотнее.

И тут я вспомнила слова Деда: «Не бойся! Молись!» Я попыталась молиться, но не могла вспомнить, как и кому надо молиться.

Тогда я изо всех сил напрягла угасающее сознание и попыталась представить себе Казанскую икону Божией Матери, висевшую у нас в московской квартире. Когда-то мой муж купил ее по случаю на киносъемках где-то в провинции и повесил просто так, для интерьера: никто у нас перед этой иконой не молился. Я постаралась вызвать в памяти лик Богородицы и мысленно завопила к ней: «Помоги мне, пожалуйста, Божия Матерь!»

В ту же секунду моя голова освободилась, хотя тело оставалось по-прежнему облепленным бесами. Теперь я смогла повторить свою молитву вслух, сначала сдавленным шепотом, преодолевая страшное напряжение в области горла, языка и губ, а потом громче, выдавливая по слогам: «По-мо-ги...»

Омерзительные холодные твари разжали кольцо своих тел и сползли с меня. Я продолжала твердить свою молитву не переставая. Они отодвинулись, но не удалились, а выжидательно шевелились совсем рядом со мной. Теперь я висела в центре живого цилиндра, слепленного их телами, и его стены готовы были в любое мгновение сжаться и поглотить меня окончательно.

И тогда я решила сделать то, чего не делала ни разу в своей жизни — перекреститься. Сложив пальцы правой руки горсточкой, я хотела поднести их ко лбу, но рука мне не повиновалась. Тогда я поддержала левой рукой правую под локоть и усилиями обеих рук кое-как донесла пальцы до середины лба, а потом опустила их на середину живота. Поднять правую руку к правому плечу было еще тяжело, но перенести ее к левому стало уже не так трудно, — и я это сделала! Мне удалось перекреститься!

Стены цилиндра полыхнули темно-красным и раздвинулись, над моей головой появился серый круг неба. Я задрала голову и, продолжая безостановочно креститься, вопила без передышки: «Божия Матерь, спаси меня, спаси, спаси!..»

Не знаю, сколько я так кричала, боясь умолкнуть хотя бы на миг. Вдруг страшное кольцо начало вращаться вокруг меня, издавая жуткий вой, нарастающий по мере ускорения. Эти звуки не только заглушали мой голос, они проникали в меня и причиняли сильнейшую боль. И все равно я продолжала кричать, совсем не слыша себя, и креститься от страха уже обеими руками. Мне казалось, что прошли часы с тех пор, как я начала кричать свою молитву...

И вдруг откуда-то очень издалека до меня донесся один долгий и чистый звук, всего одна нота, пропетая чьим-то неведомым прекрасным голосом.

Тотчас бесовский вой умолк, а вращающийся цилиндр их тел остановился и начал таять, рассыпаясь на отдельных тварей. Через мгновение чудный голос зазвучал снова, и я с облегчением увидела, что бесы начали удаляться и поодиночке таять в тумане. Затем голос умолк вдали.

Я не успела оглянуться, как рядом со мной оказались Дед и Хранитель.

— Умница моя! — воскликнул Дед, прижимая меня к груди. Его лицо было залито слезами.

— Ты молился за меня, Дед? — спросила я.

— Как мало за кого приходилось молиться. Ты поняла, что твоя гордыня чуть не погубила тебя?

— Не надо ее сейчас мучить, — сказал Хранитель, — спаслась, и ладно.

— Не спаслась, а спасена Божьей Матерью, — поправил Дед.

— Велика Ее милость к бедным людям! — воскликнул Ангел и перекрестился. Я внимательно смотрела, как это правильно делается: а вдруг еще пригодится?

— Больше нам не грозят нападения бесов? — с надеждой спросила я. — Есть еще мытарства впереди?

— Достаточно. И ни одна душа их не минует, пока не пройдет все от первого до последнего, — если по пути не будет низринута в ад. Только святые пролетают их насквозь. А мы прошли лишь половину, — сказал Дед. — Нам еще предстоит сражаться с бесами.

Он оказался прав. Не успела я отойти от пережитого ужаса, как на нас снова накинута бесы,

обвиняя меня в грехах гнева, ярости, злопамятства. Но тут они недобрали на меня криминала, поскольку при жизни я была особа в высшей степени легкомысленная, легко прощала обиды и скоро их забывала, а чувство юмора помогало мне во всех ссорах видеть прежде всего свою собственную вину.

Очень помог мне при этом Ангел-Хранитель: он предъявил им целый ворох каких-то чепуховых «добрых дел», вроде полочки, отданной семье скончавшегося сослуживца, или последнего рубля, который я сунула какому-то нищему. Как ни странно, такие мелочи здесь котировались. Помогло мне даже прощение грехов моего благоверного, — не разводиться же мне было! — Ангел назвал это чуть ли не смирением.

Потом мне приказали вспомнить имена людей, обидевших меня, но я думала-думала, а потом махнула рукой — не помню, да и все, и делайте со мной что хотите! Тут-то нас и пропустили.

А вот о том, что ожидало меня на следующем мытарстве, мне страшно вспомнить и по сей день.

— Впереди мытарство убийства, — объявил Ангел.

— Проскочим, — уверила я его, окрыленная минувшими успехами. — Ей-ей, никого в жизни не убивала, не считая мух и комаров.

— Могут и мух занести на твой счет, не шути с этим: случалось и такое, — нахмурился Дед. — За ней и вправду ничего нет? — спросил он Ангела.

— Есть! — коротко ответил Хранитель.

Дед укоризненно взглянул на меня и взялся правой рукой за свой крест.

Навстречу нам уже выплывало очередное смрадное облако. Мрачно ухмыляющиеся бесы были обряжены в карикатурные врачебные халаты и окровавленные клеенчатые передники.

— Обвиняется в убийстве сына Александра и двух дочерей, Татьяны и Анастасии! — торжественно произнес главный бес и поднял вверх окровавленные лапы.

— Что за чушь! — завопила я. — У меня никогда не было детей!

Я не стала им объяснять, что в восемнадцать лет я сделала аборт от такого же сопливого любовника и с тех пор больше не могла иметь детей.

— Александра мы тебе сейчас представим, а Татьяна с Анастасией должны были появиться по замыслу твоего Хозяина, но ты распорядилась по-своему.

Бесы в окровавленных халатах вырвали меня из рук Ангела и Деда и поволокли куда-то по туманным коридорам, глумливо приговаривая: «Сейчас сыночка увидишь, любящая мамочка! То-то обрадуешься!».

Мы оказались в большом зале с кафельными стенами и круглым бетонным бассейном посередине. Из него поднимался пар и струился сладковатый тошнотворный запах.

Я не могу и не стану описывать того ужаса, что открылся моим глазам, когда бесы подтащили меня к краю бассейна и заставили туда заглянуть.

Когда я очнулась, я увидела над собой лицо Деда. Хранитель молча стоял рядом.

— Придется еще потерпеть, Аннушка, — шепнул Дед.

Да, это было еще не все.

— Позвольте пригласить вас, мадам, на просмотр вашей несостоявшейся жизни! — глумливо произнес бес и взмахнул окровавленной лапой.

Перед нами возник белый экран, а на нем — красивый старинный дом на Измайловском проспекте в Питере. Когда-то это был Кадетский корпус, в котором учился Лермонтов, а при советском режиме в нем открыли родильный дом с абортарием. Изображение приблизилось, и я увидела молоденькую испуганную женщину, почти девочку, жавшуюся к женщине постарше. Да, помнится, мама провожала меня на аборт. Тогда я взяла себя в руки, решительно поднялась по ступеням и вошла в широко распахнутые двери.

Но в этом фильме все было совсем не так.

«Я не стану убивать своего ребенка!» — крикнула девушка, которая была я, и бросилась прочь от страшного особняка. Мама, причитая и плача, бежала за мной: «Ты загубишь свою жизнь! Опомнись, доченька! Чуть-чуть потерпеть — и ты свободна...» — но я упрямо шла прочь.

И вот на экране потекла совсем другая моя жизнь. У меня родился мальчик. Я назвала его Александром. Мой безответственный любовник вдруг обрадовался ему и взялся за ум. Мы поженились, закончили оба педагогический институт и поехали по распределению преподавать в провинциальной школе-интернате. В каком-то тихом городке на берегу большой реки у нас был уютный дом с садом и огородом, с котом и собакой. Мы жили спокойно и счастливо, у нас родились еще две девочки-погодки, Танечка и Настенька. Сын Саша вырос, уверовал в Бога и стал священником, отцом Александром. В этой другой жизни мама жила с нами и нянчила вначале моих детей, а потом и внуков: Саша женился на милой спокойной девушке, у них появилось четверо детей, два мальчика и две девочки. Постепенно мы все, включая маму, стали верующими под влиянием Сашеньки.

Мама была здорова.

Фильм остановился на кадре, где вся семья пьет вечерний чай за большим круглым столом, а за нами на стене висит отрывной календарь и на нем дата: 21 июля 1990 года — день моей смерти в реальной жизни.

— Продолжение не следует! — издевательски объявил бес. Если бы в моей полупрозрачной груди билось живое сердце, оно бы разорвалось от отчаяния и безнадежных сожалений о загубленной жизни, вернее — многих жизней. О Господи, и это у нас называлось «немножко потерпеть и освободиться»!

— Она достаточно наказана, — сказал Хранитель. — Ты видишь ее слезы.

— Ад слезам не верит! — захохотал бес. — Да и плачет она о себе, сама себя жалеет, бедненькую...

— Неправда, — вступился и Дед, — она всю жизнь раскаивалась в содеянном.

— Она — каялась?! Это когда же и в какой церкви?

— Каялась, — подтвердил Ангел. — Смотри, бес! — Хранитель взмахнул рукой, и снова перед нами появился экран. Я узнала детский садик неподалеку от дома, где мы жили с Георгием. На

площадке перед ним резвились ребятишки, а за оградой, в тени кустов, стояла я, украдкой наблюдая за ними и тихо плача безнадежными слезами.

Сцена сменилась. Я стояла перед мужем и гневно упрекала его в очередной измене.

«Она мне сказала, что ждет от меня ребенка», — сказал Георгий, пряча глаза. Я сникла и опустила на диван. Помолчав, я сказала ему: «Иди и будь счастлив. Ребенок — это важнее всего»... Экран погас.

Все так и было, Георгий побегал-побегал и прибежал назад. О предполагавшемся ребенке в тот раз мы больше не заговаривали.

Я даже не знала, чем у него там кончилось, родился этот ребенок или нет: Георгий категорически отказывался разговаривать со мной на эту тему. Но, напуганная однажды, я потом с ужасом отпускала его в киноэкспедиции: каждый снятый им фильм, — а он работал оператором, — для меня был трагедией: а вдруг он опять заведет роман, и в самом деле родится малыш, — разве я вправе лишать его этого счастья? Ведь для себя я твердо решила: будет ребенок — отпущу.

Немного легче мне стало в эмиграции: в русскоязычной глуши с романами не развернешься, если намерен их скрывать. Но вот стали пускать эмигрантов на родину, и Георгий зачастил в Москву, будто бы восстанавливая и налаживая заново связи в российском кино. Связи-то они связи, да только вот киношные ли...

— Он был осторожен, ее муж! Хотя бывали у него и промашки, — усмехнулся бес. — Ладно! Забирайте вашу недотепу и проваливайте. За этот грех она наказана. Но впереди ее еще кое-что ожидает, — уж там не вывернется!

Мы двинулись дальше. Я продолжала сокрушаться о своей несостоявшейся прекрасной жизни, в которой не было ни лагеря, ни эмиграции, ни моей правозащитной деятельности, но было нечто гораздо более важное и нужное: дети и Церковь. Ни Дед, ни Ангел меня не утешали. Да и чем тут утетишь...

Впереди сгустился туман, а в нем проступила высокая арка, как мне показалось издали, из розового камня, украшенная скульптурами. Над аркой сверкала разноцветными огнями надпись «Добро пожаловать!», а из глубины доносилась какая-то пакостная музычка.

Мы приблизились к арке, и я смутилась: она была составлена из живых мужских и женских тел, занимающихся сексом. Но лица любовников были искажены страданием и болью, рты разевались в беззвучном крике, глаза были выпучены от нестерпимой муки.

По стенам арки стекали потоки слез.

— Мытарство блуда, — объявил Дед.

— Вот уж чем не грешна, так не грешна! — попыталась я его успокоить. — У меня, конечно, были близкие отношения с мужчинами, но это всегда было искреннее и чистое чувство.

Дед почему-то не обрадовался.

— Вот что, — сказал он, снимая с груди свой крест, — я, пожалуй, останусь по эту сторону ворот и буду молиться о твоём избавлении. Свой крест я буду держать в руке, а ты возмись за конец цепи и постарайся не выпустить ее из рук: я попробую тебя оттуда вытянуть, если

Хранитель не сможет тебя отбить у бесов.

— Но цепочка-то короткая! — усомнилась я.

— Будем надеяться, что ты слишком далеко в своей «чистой любви» не заходила, иначе она действительно может оказаться короткой.

Из-под арки вывалилась, приплясывая, компания совершенно голых бесов и бесовок, — до этого мытарства мне еще не приходилось видеть нечисть женского пола. Пожалуй, самки были еще гаже самцов.

— Милости просим, дорогуша, в наше тепленькое местечко! Заходи, не стесняйся! Здесь тебе скучно не станет и мало не покажется!

Мы с Хранителем вошли под арку. Что тут творилось! Грубо размалеванные балаганы, дикая музыка, полыхающие огни вывесок с похабными надписями. Шумная толпа мужчин и женщин попеременно с бесами танцевала, пила, что-то жрала, непрерывно орала и занималась на виду у всех самым разнузданным сексом. Гнусные пары и группы в свальном грехе вызывали тошноту, но мерзее всего выглядели те, кто занимался любовью с бесами и бесовками.

Ко мне подкатилась жирная бесиха, похожая на жабу с акульей пастью, голая и в сапогах на чудовищной платформе. Она с ходу шлепнула меня по задку перепончатой лапой и радостно завопила:

— Ага, к нам новенькая! Хорошенькая... Ну что, остаешься с нами добровольно или как?

— Или как!

— Что вы имеете к ней? — спросил Жабу мой Дед.

— Я-то? Да ровным счетом ничего! Плевать мне на нее, обслужу и до свидания. Она идет как блудница, а у меня специализация — лесбиянки. Но этих крошечек сегодня что-то мало подвалило, а с рядовыми блудницами у нас напряженка, кадров не хватает. Вот меня и бросили на прорыв. Так, мы сейчас скоренько подсчитаем ее мужей, сложим ее с ними и отправим куда следует.

— Нечего тут считать и складывать, — сказала я, осмелев от сходства бесовки с лагерными лесбиянками-коблами, которых я на дух не переносила, но бояться никогда не боялась. — Один у меня был муж!

— Ха! Видали мы таких фальшивок одноразовых! Настоящие-то одноужки мимо нас метеорами пролетают. Сейчас мы твоих мужей подсчитаем, подсчитаем и сложим...

Она веером раскрыла пачку порнографических открыток, на которых была изображена я со своими возлюбленными. Мне захотелось сквозь небо провалиться. Ангел-Хранитель мой стоял отвернувшись.

— Вот мой муж! — ткнула я в фотографию, на которой я была снята с Георгием.

— А остальные не твои, что ли?

— Это были романы, увлечения.

— Ага, ты, значит, так это называешь. Но дела это не меняет! Да будет тебе известно, что

всякое плотское соединение мужчины и женщины уже есть брак [5], то есть слияние плоти и души воедино. И притом — навечно. Смотри!

Жаба сунула мне под нос зеленую ладонь, и я увидела на ней маленькую бело-розовую обнаженную фигурку.

— Узнаешь?

Я пригляделась — фигурка изображала меня в юные годы.

— А теперь взгляни сюда! — На другой ладони Жабы стояла фигурка моего первого возлюбленного. — Теперь вы надумали совокупиться — гопля! — она свела ладони, и фигурки соединились в акте любви. Это было даже красиво, мы были молоды и полны нежности.

— Теперь, когда они объелись друг другом, они думают, что могут разбежаться и снова стать каждый сам по себе. А не тут-то было! — она развела ладони, но на каждой осталась стоять сросшаяся двойная фигурка.

Я ахнула.

— Красавчика мы пока уберем с глаз долой, пусть до поры погуляет! — она брезгливо стряхнула с одной ладони двойную фигурку. — А теперь второй акт!

На опустевшей ладони появилась фигурка моего второго мужчины, известного тогда молодого поэта. Это была недолгая романтическая связь, он даже посвятил мне несколько стихотворений, которые вошли во все его сборники. Но то, что теперь творилось на бесовской лапе, было противно до невозможности: мое тело, сросшееся с первым мужчиной, занималось любовью со вторым.

Потом бесиха снова хлопнула ладонями, и я оказалась сросшейся уже с двумя мужчинами.

— И так каждый раз: сходитесь вы на время, а душой, хотите вы того или нет, страстаетесь навсегда. Эх, раз, еще раз! Еще много-много раз! Ну, вот и до муженька твоего добрались...

Маленькое многоголовое, многорукое и многоногое чудовище с общим туловом ползало по ее ладони, головы что-то вопили одна другой, руки терзали чужие тела, пытались оторвать от своего.

— Но... это ведь фигурально, это символически, да? — пролепетала я в ужасе.

— Никакой символики — у нас все без обмана! Но прежде чем ты получишь тот облик, который нагуляла, тебе предстоит аудиенция у нашего Князя. Милости просим, ваше темное высочество, она готова к употреблению!

Жаба раскорячилась в низком поклоне перед подплывшим к нам багровым облаком, окруженным зловеще сверкающими молниями. Облако распахнулось, и оттуда появился улыбающийся Сатана. Он был обнажен, и его темно-серое тело являло картину самой безобразной похоти.

— Ну, иди ко мне, моя маленькая упрямица! Давай сольемся в экстазе и утрем нос обоим твоим святошам.

— Хранитель! — завопила я в ужасе.

— Не трудись, он тебя уже не слышит. Их чистота изволили смыться отсюда, их ангельский носик не выдержал здешнего пряного аромата. Ну, иди к своему любящему папочке!

Я отшатнулась от его протянутых лап и почувствовала, как натянулась в моей руке цепочка дедова креста.

— Отпусти свою цапку! — зарычал Сатана и шагнул ко мне. Не промедлив ни секунды, я перехватила цепочку левой рукой подальше петли, за которую держалась, и ударила Сатану свободным концом цепи. Вокруг меня взревел целый хор дьявольских голосов, но одновременно цепочку рвануло так, что меня вмиг вытянуло из облака, затянуло под арку и вышвырнуло наружу. Вновь появившийся Хранитель стремительно вылетел за мной, прикрывая меня пылающими крылами от возможных преследователей.

Дед стоял напротив арки, упираясь ногами в пустоту, и тянул из всех сил цепь, сжимая двумя руками сверкающий крест. Как только я оказалась рядом с ним, спасительная цепь превратилась в обыкновенную золоченую цепочку, и Дед тотчас надел ее.

Подхватив меня с двух сторон, Дед с Хранителем повлекли меня прочь от поганых ворот.

Когда я более-менее пришла в себя, они предупредили меня, что впереди осталось последнее мытарство — мытарство немилосердия. Я решила про себя, что мы его проскочим, но вслух ничего не сказала. И правильно сделала.

Никогда я не прошла мимо нищего, не подав ему хотя бы монетки, друзьям всегда была готова помочь в беде, любую вещь легко отдавала, если в ней кто-то нуждался. Занималась и прямыми делами милосердия: помощью семьям политзаключенных во времена политического террора, помогала чернобыльским беженцам и жертвам армянских землетрясений, а в годы перестройки занималась гуманитарной помощью пенсионерам в России. Каково же было мое изумление, когда на этом мытарстве в меня полетели обвинения в «немилосердии, доходящем до людоедства».

Технизированная нечисть снова предъявляла мне сцены из своих фискальных фильмов. Вот я спорю с отцом о политике, бью его цитатами из классиков марксизма-ленинизма, которых он, бедняга, знал хуже меня, читаю ему Декларацию прав человека, и объясняю, что это подписанный СССР международный документ, а вовсе не антисоветский самиздат, как он думал. Пока мы с ним спорим, позади нас появляются две тени — его и моя. И моя зловещая тень, очертив длинные острые зубы, вгрызается в печень отца! Я ведь и вправду умела достать его до печенок.

Почти такие же сцены повторялись с моим мужем. Однажды он лежал в ванне, простуженный, больной и несчастный, а я, пользуясь его беспомощностью, стояла в дверях и грызла, грызла, грызла его, перечисляя все его реальные и предполагаемые измены. «Уйди, уйди, уйди Бога ради!» — кричал мой несчастный муж, но я не унималась.

На экране вода в ванне от моих слов зарозовела, потом покраснела и в конце концов хлынула через край кровавым потоком.

И подобных эпизодов моей жизни хватило на добрый десяток кровавых короткометражек. Я стояла и не знала, что можно на все это возразить. Оставалось только надеяться на Хранителя с Дедом.

И они меня выручили. Были представлены бесам и посылки из Германии в Россию, и эта самая гуманитарная помощь, — хотя бесы справедливо заметили, что половину ее растащили ворюги

новых времен. Спасло меня драповое пальто моей тетки-пенсионерки, коммунистки с сорокалетним стажем.

Это была забавная история. Моя партийная тетушка уже много лет не приходила к нам в гости, чтобы не встречаться с семейным уродом и недобитой антисоветчицей, то есть со мной. Мама, конечно, ходила к ней и помогала чем могла. И вот я собралась эмигрировать. Тетка узнала об этом и заявила в Пулковский аэропорт, чтобы публично проклясть меня последним партийным и семейным проклятием. Она встала в позу перед толпой провожающих меня друзей и начала громогласно от меня отрекаться и требовать, чтобы моя мама сделала то же самое — сейчас и немедленно! Позорище было несусветное, я не знала куда деваться, а провожающие гэбэшнички повылезли из своих углов и стояли вокруг, одобрительно ухмыляясь. Тетка дооралась до сердечного приступа. Пришлось нам с Георгием и мамой тащить ее в медпункт. Тетку раздели, измерили давление, сделали укол. Закаленная партийка скоренько пришла в себя и поднялась, чтобы непримиримо удалиться. Я взяла с кушетки ее пальто, хотела помочь ей одеться, и ощутила непомерную тяжесть ватина и драпа. А на мне была новенькая норковая шубка, недавно присланная подругой из Нью-Йорка. Как сделать, чтобы тетка взяла ее взамен своего дремучего драпа? Времени оставалось в обрез, пришлось идти напрапалу:

— Тетя, милая, прости меня! Я все поняла, я останусь и исправлюсь! Мы с Жорой пошли сдавать билет, а вы с мамой отправляйтесь домой. Надень мою шубку, чтобы не тащить на плечах эту тяжесть, а то свалишься по дороге. Потом я приеду к тебе, и мы снова поменяемся.

Совершенно обалдевшая тетка дала одеть себя в норковое манто, мама увезла ее на такси, а мы с Георгием помчались на таможенный досмотр. Но надо представить себе лица моих друзей и разных там корреспондентов, когда я появилась в венском аэропорту в теткинском драповом пальто с полысевшим кроличьим воротником! Сейчас моя тетя ходит на свои коммунистические митинги в норковом манто и не мерзнет.

Хранитель вдруг откуда-то извлек это ужасное теткино пальто, накрыл им меня с головой и таким образом вывел с этого последнего мытарства! Потом пальто, естественно, исчезло.

— Неужели это все? Дед, миленький! Ангел мой! Скажите мне, все уже кончилось? — спросила я, когда мы отделились от последних бесов. Они успокоили меня, но в разговор со мной вступать не захотели.

За время нашего странствия по мытарствам Дед постарел и выглядел теперь лет на пятьдесят с хвостиком. Даже прекрасное лицо Ангела имело усталый вид. Мне следовало бы подумать, осмыслить пережитое, постараться что-то понять, но на это не было сил. Страх ушел, но осталась огромная пустота, ни о чем не хотелось ни говорить, ни думать, ни спрашивать.

Глава 3

Мы долго летели в молчании. Потом что-то в окружающей пустоте изменилось. Понемногу пространство начало заполняться золотистым туманом. Поблекшие одежды Ангела и Деда начали светлеть и вскоре стали ослепительно белыми, лица их преобразились: Дед помолодел, а Хранитель вновь обрел свою блистающую безмятежность. Впереди смутно виднелось нечто огромное и сверкающее — гора... облако?..

— Царство Божие приближается, — торжественно сказал Ангел.

— Слава Богу! — радостно откликнулся Дед.

Сияющее пространство откликнулось отдаленным многоголосым эхом: «Слава Богу... Богу... слава!..»

Потом впереди сквозь туман проступила громада белых с золотой окаемкой облаков, а из-за них веером по всему видимому пространству расходились солнечные лучи.

— Боже мой, сколько света и какая красота! — воскликнула я.

— Да, это Божия красота, которая и спасет мир, — сказал Дед.

Когда мы приблизились к облакам, они расступились перед нами, оставив лишь легкую дымку. Под нами лежал широкий луг, на него мы и опустились.

— Вот мы и добрались, — сказал Дед. — Как хорошо вернуться домой!

— Да, хорошо, — кивнул Хранитель. — Возблагодарим Создателя!

Дед и Ангел опустились на колени и начали молиться, а я просто стояла рядом, справедливо рассудив, что слова о возвращении домой ко мне не относятся.

Они молились долго, а я тем временем оглядывалась вокруг. За это время облачный туман успел рассеяться. По лугу вилась четкая желтая дорожка. Я не знаю, как выглядит золотой песок, но я решила, что именно им она и была выстлана. Стоять на ней босиком было приятно, песчинки чуть покалывали подошвы ног, будто от песка исходили бодрящие целебные токи.

Тропинка вела к стене зеленых деревьев на горизонте: судя по ее ровным очертаниям, это был парк, а не лес. Над зеленой стеной угадывались нагромождения каких-то исполинских кристаллов — то ли меловые горы, то ли дворцы. Меня так и потянуло туда, как обычно тянет человека из долины к горам, но я терпеливо дожидалась моих спутников.

Наконец они кончили молиться и поднялись с колен.

— Пора нам идти, — сказал Хранитель.

— А куда мы теперь идем? — спросила я.

— На поклонение Господу.

— Он живет вон там? — я указала в сторону парка.

— Какая глупая. Он живет везде, а там — место, куда освободившиеся из земного плена души должны явиться, чтобы Господь вынес о них Свое решение. Ты готова в путь?

— Конечно!

Мы пошли по золотой дорожке. Идти было легко и приятно: мне не нужен был воздух для дыхания, но я всем существом наслаждалась его свежестью, напоенной запахом трав и цветов. Мы довольно скоро поравнялись с первыми деревьями, стоявшими поодиночке. Я никогда не встречала на земле таких деревьев, хотя ездила по свету немало. Стволы их были стройны и высоки, куда выше самых исполинских австралийских эвкалиптов, а листья поражали величиной, яркостью и формой. Мы прошли в трех шагах от большой березы: ее кора казалась белым атласным шелком, черные отметины будто вычерчены угольком, а крона была как нежно-зеленое кружево. Скромные земные березки вспомнились мне как плохонькие копии этой идеальной березы.

Сверху слетел лист и, кружась, лег мне прямо в вовремя подставленные руки. Он был чуть меньше моей ладони, поверхность его была покрыта тончайшей алмазной пылью. Я поднесла листок к лицу и вдохнула чудесный запах — и березовый, и вместе с тем какой-то особенно свежий и чуть-чуть пьянящий.

— Вот так и должна была бы пахнуть настоящая береза на Земле, — сказал Дед, заметив, что я упиваюсь запахом слетевшего мне в руки зеленого подарка.

— А почему земная береза утратила этот запах?

— За грехи человека.

— Как это?

— Очень просто: зло через человека проникло на Землю и исказило ее и все сущее на ней.

— Проникающая радиация?

— Что-то в этом роде.

Я дала березовому листку слететь с моей ладони.

Мы поспешили вперед и вскоре вошли под своды парка, полного таких же чудных деревьев. Я сразу заметила, что между ними совсем нет больных, а в кронах не видать ни одной сухой или обломанной ветви. Некоторые деревья были в цвету, на других было полно плодов.

Дорожка, по которой мы шли, скоро превратилась в довольно широкую аллею, а затем просветы между деревьями увеличились, и я увидела другие дорожки и тропинки, со всех сторон вливавшиеся в нее. По ним шли люди в сопровождении ангелов, и все они двигались в одну сторону, туда же, куда и мы. Вдалеке я увидела людей, сажавших деревце.

Мы подошли к речке, через которую был перекинут белый выгнутый мостик, выточенный, как мне показалось, из слоновой кости. Я остановилась, опершись на легкое перильце, и посмотрела вниз. На спокойной воде покачивались белые, розовые и голубые лилии, а между ними сновали... нет, не золотые, а самоцветные рыбки, и каждая была похожа на драгоценность. Я бы, наверное, и сейчас там стояла, любуясь на них, но Ангел тронул меня за плечо, и мы пошли дальше.

Потом мы поравнялись с фонтанами, сделанными из гигантских розово-жемчужных раковин, расположенных в несколько ярусов наподобие римских фонтанов. Возле них стояли деревянные скамейки, так и манившие присесть, но мне опять не позволено было задержаться, хотя так хотелось побыть здесь и полюбоваться взлетающими ввысь и падающими в перламутровые чаши струями воды, насладиться их нежным и успокаивающим журчанием.

— Здесь настоящий рай! — воскликнула я.

— Нет, моя милая, — сказал Дед, — это еще не Рай, это только самая скромная его окраинка.

— Если так, то мне не надо другого Рая, я согласна и на окраинку!

Дед и Ангел-Хранитель переглянулись.

— Что, я опять что-то сморозила?

— Вроде того, — сказал Дед. — Не тебе и не нам решать, какая тебя ждет «окраинка».

Возразить на это было нечего.

Парк постепенно перешел в роскошный сад, по которому раскинулись цветники разнообразнейших форм и размеров, полные цветов, по большей части мне неизвестных.

Но и знакомые цветы отличались от земных разительней, чем альпийские цветы отличаются от обычных: например, кусты вереска в мой рост, усыпанные колокольчиками величиной со средний бокал для шампанского.

Меня совершенно ошеломили розовые и сиреневые деревья со стволами в добрый обхват и целыми облаками цветов в вышине.

Длинные гирлянды разноцветных глициний перекидывались с одного дерева на другое над самой аллеей, огромные душистые кисти свисали прямо над нами, и Ангел, который был намного выше нас с Дедом, отводил их рукой от своего лица. Аромат миллиардов цветов показался бы одуряющим, если бы сад не овеялся легким прохладным ветерком.

Деревья были полны птиц, нарушавших царившую здесь тишину негромким мелодичным пением. Иногда совсем рядом со мной пролетали бабочки, плавно машущие крыльями, огромными, как расписные японские веера. Я то и дело останавливалась, чтобы получше рассмотреть то необычный цветок, то хрустальную стрекозку, а Дед с Ангелом меня поторапливали.

Дорога сделала новый поворот и стала еще шире. Теперь люди и ангелы шли рядом с нами, шли впереди и позади нас. Ангелы были ростом с моего Хранителя, лица у них были разные, но все одинаково прекрасны.

Многих людей ангелы вели за руку, это было похоже на то, как отцы водят детей по утрам в детский сад, — такая примерно была разница в росте между людьми и их хранителями: совсем нетрудно было догадаться, что их связывали те же узы, что и меня с моим опекуном. Некоторые, как и мы, шли втроем: человек, ангел и святой. А иные души сопровождала целая группа святых, но эти были и сами на святых похожи, их тела не были, подобно моему, мутновато-прозрачными, но были наполнены светом, как у Деда.

Среди людей были и старики, и дети, и зрелые люди; по одеждам и по лицам судя, они принадлежали к разным народам Земли.

Но обликом рядом с ангелами и святыми они больше всего напоминали фигурки, вырезанные из черно-белой фотопленки. Я оглядела себя и убедилась, что выгляжу ничем не лучше других: я была серая, как очень грязная фарфоровая статуэтка. На мне по-прежнему не было ничего, кроме больничной простыни и крестика, правда, теперь просиявшего, как настоящий, материальный золотой крестик. Вообще-то одежда здесь особого значения не имела, так как состояла из той же субстанции, что и тела, сливалась с ними, как это бывает у скульптур. Некоторые люди были обнажены, но это, кажется, не волновало ни их самих, ни окружающих.

— Дед! А почему души такие разные? Одни светятся больше, другие меньше.

— Так ведь и люди разные! Ты вот у нас совсем темненькая душка, — улыбнулся Дед.

Хорошо ему было улыбаться, сам-то он весь так и светился, будто у него внутрь была вставлена тысячесвечевая лампа, а на его лицо лучше было не смотреть — такое вокруг него разливалось

сияние.

Я решила, что пора уже показать характер:

— А ты, Дед, сияешь так, что тебе надо бы, выходя из дома на прогулку, надевать на голову абажур, а то ослепнуть можно.

В ту же секунду я оказалась лежащей на золотом песке дорожки с гудящим затылком: мой Ангел-Хранитель дал мне подзатыльник!

Пораженная, я уселась на дорожке и решила, что с места не сойду, пока он не извинится.

Ангел тут же наклонился надо мной и сказал:

— Прости меня Бога ради! Я не удержался. Мне столько раз хотелось проделать это при твоей жизни, но ведь возможности не было: вот я и сделал то, о чем мечтал почти сорок лет, — и он протянул мне руку.

Я засмеялась и поднялась, потирая затылок. Дед, похоже, на меня не обиделся, но был явно доволен, что мне влетело от моего Ангела-Хранителя.

Ангел продолжал:

— Твое пустословие может тебя погубить, Анна. У твоего дедушки на голове мученический венец, которому и ангелы завидуют. Мы, небесные духи, почитаем святых, а ты позволяешь себе подшучивать над святостью. Что за бесстрашие такое!

— Разве плохо быть бесстрашным?

— Плохо не иметь страха Божия. Это хуже, чем бесстыдство.

— Как можно бояться Бога, если Он, как вы сами говорите, милостив и любит людей?

— Можно. Можно любить и по любви бояться огорчить. Господь милостив, но Он и справедлив. Мироздание построено Им на строжайших законах гармонии, любви и справедливости. Мир — симфония, сочиненная Богом, а тебе было предназначено пропеть в ней всего лишь одну ноту — твою собственную, единственную жизнь, такую короткую и такую незаменимую. Бог милостив, но если ты пропела ее фальшиво, то не звучать тебе в этой музыке с Божиего листа, ты просто выпадешь из нее. Вот мы идем к Создателю, чтобы узнать Его решение о тебе, а ты не испытываешь ни страха, ни трепета. Какая же в тебе духовная пустота накопилась! Как ты жила, чем ты жила!

Все бродило и поднималось во мне от этих слов, хотелось заявить о своей нелюбви к хоровому пению, о желании «вернуть билет», да просто взбунтоваться, наконец! Я хмуро молчала, а Хранитель с улыбкой на меня поглядывал, как взрослый смотрит на дующего ребенка. «Он смеется надо мной!» — подумалось мне.

— Успокойся, я над тобой не смеюсь. Мы, ангелы, вообще не смеемся. Смех дан людям для защиты от страхов, это всего лишь лекарство. А нам неведомы ни страх, ни болезнь.

— Но ты читаешь мои мысли! — возмутилась я. Захотелось тут же остановиться и повернуть назад. Вот только куда?

— И не темней, пожалуйста! Не читаю я твоих мыслей, в этом нет никакой необходимости, —

они у тебя все на лице написаны.

Но ты напрасно беспокоишься о своей независимости, тебя никто ни к чему приневоливать не будет: если ты не хочешь идти со всеми на поклонение Господу, можешь вернуться на Землю. Есть души, которые скитаются по ней целыми тысячелетиями — вы их зовете «привидениями» и сочиняете о них сказки. Но учти, что потом ты и захочешь, но не сможешь покинуть Землю [6]. Не страх, а красота меня удержали: сад, по которому мы шли, с каждым шагом становился все великолепней, птицы пели все радостней, и я была уверена, что впереди будет еще лучше. Топнуть ногой о небеса и отказаться идти дальше? Ну уж нет! Я сделала вид, что отвлеклась на разглядывание тюльпанного дерева на краю дорожки, а потом кротко засеменила дальше.

Еще один поворот, и перед нами развернулась дорога такой ширины, что и краев ее не было видно из-за множества идущих по ней людей и ангелов.

— Смотри, Аннушка! Это души людей, скончавшихся примерно в одно время с тобой.

— Здесь те, кто успешно прошел через мытарства?

— На поклонение к Богу попадают все, кто верил в Него, а задержанные на мытарствах могут попасть сюда позже, если их вымолят люди и святые.

— Ты хочешь сказать, что среди этих людей нет ни одного неверующего?

— Нет.

— А я?

— И ты не была неверующей — ты была глупой.

— Ну, я же не в лесу росла, я даже Библию читала. И я, конечно, верила в какой-то единый Разум, в какой-нибудь единый космический центр информации...

— Вот на такие глупенькие головки и рассчитаны явления всяких инопланетян.

Ответить было нечего, пришлось опять проявить смирение.

— Послушай меня, Аннушка! — Дед остановился и наклонился ко мне. Мне стало жарко и неловко от венца, плававшего над его головой, и я слегка отодвинулась. Но он продолжал крепко держать меня за руку и не дал отойти. — Послушай меня, бедное мое дитя!

То, что сейчас с тобой происходит, всего лишь томление грешной души перед встречей с Создателем. В этом нет ничего удивительного или даже слишком плохого. Но ты должна сделать над собой усилие и отринуть нелепые мысли и страхи, оставить свое пустое человеческое самомнение. Погляди-ка вперед!

Я посмотрела туда, куда он указывал. Дорога, по которой мы шли, упиралась в высокую гору, вершину которой скрывало сияющее облако. Прямо к нему вела широкая белая лестница, по которой поднимались люди в сопровождении ангелов. Сквозь облако светился огромный крест.

— Мы идем туда, там — Бог, — продолжал Дед. — Он увидит тебя всю как есть. Он оценит твою душу и твои мысли, размыслит о каждом прожитом тобой дне и определит твою судьбу до Страшного Суда. Оставь свои мудрования и сосредоточься на этом. Собери все душевные силы, Анна! Это куда серьезней, чем ты в состоянии себе представить. Если можешь, молись. И не

мешай нам с Ангелом молиться о тебе.

— Хорошо, Дед, я буду стараться.

Я в самом деле постаралась откинуть все мысли и даже попробовала молиться такими словами: «Прости меня, Бог, но я не хотела ничего плохого! Я не знаю, почему я должна Тебя бояться, и не боюсь. Прими меня в Свой прекрасный Рай, только дай мне, пожалуйста, остаться собой!»

Я очень удивилась, когда мы подошли ближе к горе: ее вид абсолютно не вязался с окружающим великолепием, даже противоречил ему. Если не считать широкой лестницы, склон горы был диким и голым и сплошь усыпан осколками камней желтоватого цвета.

Кое-где за них цеплялись безобразные колючки; их змееподобные толстые стебли были сплошь усеяны длинными шипами, а среди них виднелись маленькие алые цветочки, будто капельки крови. Гора казалась раскаленной, безжизненной, и было очевидно, что кроме как по лестнице на нее невозможно взойти.

Широкая и крутая лестница, разделенная несколькими площадками, была выложена из грубых каменных плит, частью выщербленных от древности. Подходя к ее ступеням, многие люди опускались на колени и благоговейно целовали камень. Некоторые так, на коленках, по лестнице и поднимались.

Дед и Хранитель тоже приложились к желтоватым плитам и велели сделать то же самое и мне.

— Это — Голгофа, — сказал Дед.

Опять символика, подумалось мне, поскольку я знала, что настоящая Голгофа находится в Иерусалиме, но я послушно поцеловала горячий камень, и мы начали всходить по широким ступеням.

По мере того, как мы поднимались по лестнице, становилось все жарче, над ступенями струился раскаленный воздух, а с вершины горы лился такой ослепительный свет, что вскоре я уже не могла поднять глаз от ступеней.

С трудом я дошла до первой площадки, где уже многие всходившие по лестнице приостановились для отдыха.

— Ты устала, Аннушка? — спросил Дед.

— Очень жарко и глазам больно от этого блеска. Я посижу немного...

Я заметила, что некоторые люди сидят, прислонившись к каменному ограждению лестницы, будто бы в поисках тени, хотя никакой тени здесь не было. Посидев немного, я поднялась и сказала, что готова идти дальше, но стоило мне ступить на первую ступень нового пролета, как я почувствовала сильное головокружение и вынуждена была остановиться.

— Не можешь идти дальше? — с тревогой спросил Хранитель.

— Кажется, не могу. Сверху таким зноем веет, что нет сил терпеть!

Дед притянул меня к себе и накрыл мою голову широким белым рукавом рясы. Идти стало немного легче. С великим трудом, останавливаясь почти на каждой ступени, мы добрались до второй площадки, и тут я бессильно опустилась на обжигающие плиты.

— Делайте со мной что хотите, но дальше я идти не могу!..

Дед с Хранителем стояли надо мной с потерянными лицами. Потом Ангел сказал:

— Мы больше ничего не можем сделать, как только умолять.

Они встали рядом и начали молиться, устремив глаза на крест в ослепительном облаке. В ушах у меня стоял звон и слов я разобрать не могла, я только услышала что-то про «обманутую заблудшую душу» — про меня, значит...

К ним присоединились другие ангелы, чьи подопечные бестолково топтались или валялись, подобно мне, на этой площадке.

Пели они прекрасно, но легче нам от этого не становилось. А между тем другие ангелы вели мимо нас своих бодро шагающих питомцев, оглядываясь на нас с искренним сочувствием. Впрочем, выше была еще одна площадка, и там тоже хватало застрявших...

Когда умолк ангельский хор, сверху раздался звук наподобие фанфар, громкий и торжественный, а затем наступила полная и абсолютная тишина, и в этой тишине чей-то спокойный голос произнес всего три слова: «ОНИ НЕ ГОТОВЫ». В этой фразе не звучало обличения, она не была похожа на приговор — только ясность и сожаление. Опять раздался согласный и утверждающий звук небесных труб, а затем другой голос, молодой и звонкий, добавил еще несколько фраз, смысла которых я не поняла, но поняли мои спутники. Они поднялись с колен, и то же сделали другие ангелы и души.

— Идем, Анна, — сказал Хранитель, — Божие решение о тебе состоялось. Тебе будет дана отсрочка, — слава милосердию Его!

Мне дана отсрочка — от чего? Все было смутно и непонятно, но я была довольна уже тем, что теперь можно спуститься с этой страшной лестницы.

Мы сошли вниз, потом по какой-то боковой дорожке обогнули Голгофу и оказались в тени высоких кедров. Ангелы и люди исчезли за их темными стволами, разбредясь по аллеям парка.

Пройдя сквозь кедровую рощу, мы попали в заросли цветущих рододендронов, миновали их, и тут тропинка нырнула под нежно-зеленый навес папоротниковых деревьев. Здесь было свежо и сыро, чувствовалась близость воды. Вскоре мы оказались в небольшом тенистом ущелье с узкой речушкой, чистой и говорливой. Здесь мы присели у воды.

— Ты можешь напиться и умыться, — сказал Хранитель. — Это святая вода.

— Напиться? Разве я могу пить? — удивилась я.

— Попробуй, — сказал Дед.

Я зачерпнула ладонями холодную воду и осторожно поднесла ее к губам. Сделала глоток, другой, — и сладкая прохлада разлилась по моему измученному телу. Сразу стало легко и хорошо, но слабость и легкое головокружение остались.

— Я могу пить! — обрадовалась я.

— Ты можешь и подкрепиться, — сказал Ангел и сорвал с куста, склонившегося над берегом, ветку, полную больших красных ягод. Я взяла протянутую ветвь и попробовала одну ягодку: у

нее был вкус лесной земляники, а величиной и формой она напоминала крупную вишню. Это было неопишимо вкусно, но вторую ягоду я доедала уже только потому, что успела ее надкусить.

— Можно мне остальные взять с собой? — спросила я.

— Зачем? Впереди мы встретим много разных плодов и ягод, а эти пусть по воде — пусть рыбки порадуются.

Дед взял у меня ветку и пустил ее по течению. Я успела заметить стайку рыбок, бросившихся за ней. Потом я сидела у воды и отдыхала, а Дед с Хранителем о чем-то толковали между собой без слов. Я еще раньше заметила, что вслух они говорили только тогда, когда хотели, чтобы я их слышала; в другое время они общались каким-то беззвучным способом. Но я понимала, что речь все время идет обо мне, и это меня успокаивало: пускай они думают и что-нибудь придумают, а я пока подремлю немного...

Мне дали отдохнуть, но недолго. Дед сказал, что хочет отойти и помолиться один, а Хранитель поднял меня, велел еще раз умыться святой водой, посадил под кустик и принял меня, бедную, воспитывать.

Из его слов выходило, что я всю жизнь жила неправильно и вообще никуда не гожусь.

Это звучало обидно, но с его точки зрения, наверное, правильно: в Бога я верила смутно, Иисуса Христа считала великим просветителем древности, а Церковь — организацией, долженствующей охранять традиционные моральные ценности. Ангел мой заявил, что без искренней веры и без полноценной церковной жизни, а главное — без покаяния все мои хорошие поступки и доброе сердце (это он так сказал) не могут спасти меня для вечной жизни с Богом. Притом из его слов каким-то образом выходило, что это не Бог отверг меня, а я Его! Как это я могла отвергнуть то, о чем не имела ни малейшего представления?..

— Объясни мне, почему Бог со мной жесток? Мытарства я прошла, выгляжу не хуже других. Вон сколько душ на той лестнице было куда темней меня!

— Ты светлее их только потому, что тебя просвещает мученичество твоего деда. Это особая благодать русских, но не все души достойны этого дара, а потому и не могут им спастись.

— Это что ж, выходит, нам, русским, на Небесах особая честь уготована? Православный шовинизм какой-то...

— Помнится, ты совсем не удивилась, когда тебе было сказано, что кровью твоего деда омыты грехи его предков и его потомков.

— Это я помню. Но при чем тут Россия, если речь шла о нашей семье?

— В России за последнее столетие мучеников появилось едва ли не больше, чем за всю историю гонений на христианство. Вам повезло: почти в каждом роду оказался новомученик или исповедник, их ведь тысячи было убито за веру. А над всеми российскими мучениками стоит Государь-Мученик, замученный и убитый Царь-Отец всего русского народа, за всех вас ближайший к Богу молитвенник и проситель [7]. И все они вместе окружили Божий Престол и молятся непрерывно о спасении России. Но тут есть одна очень важная деталь: ничьи молитвы не по могут тому, кто сам не молится! А вы заняты чем угодно, только не личным спасением.

— А если бы вы с Дедом просто взяли меня на руки и подняли на самый верх, к Самому Богу, и попросили Его за меня?

— Ты бы растаяла, приблизившись к Нему, как поднесенная к огню снежинка.

— А вам с Дедом этот огонь не страшен?

— Нас Он питает и согревает, любит и просвещает.

— Так что же теперь будет со мной?

— А сейчас тебя ждет незаслуженное утешение: мы отведем тебя в райскую обитель, куда ты могла бы попасть, если бы прожила достойную жизнь. Там ты пробудешь почти неделю, ровно шесть дней, а на девятый [8] ты отправишься в уготованное тебе место в аду, где такие же, как ты, избежавшие страшно го адского огня или геенны, но не достойные Рая, ждут Страшного суда или помилования.

— Это очень плохое место? Меня там будут мучить бесы?

— Место незавидное, но власть бесов там не безгранична. Ты сможешь там молиться, если сумеешь. Но надежды не теряй: за тебя будет молиться вся Церковь.

— Дед говорил, что за нас с мамой на Земле некому молиться.

— Я сказал «вся Церковь», то есть как земная ее часть, так и небесная. Церковь одна на Земле и на Небе, понимаешь? Все нужное, чтобы помочь тебе, уже совершил и продолжает совершать Спаситель, а мы только помогаем Ему малыми нашими силами.

А потом я подумала, что, может быть, то место, куда мне придется отправиться, окажется не таким уж плохим, раз туда попадают подобные мне души. Будет у нас там своя компания, наладим какую-нибудь общественную жизнь: можно устроить, например, религиозно-философский семинар, чтобы обсудить открывшуюся нам новую реальность.

А бояться особенно нечего, если бесы там не лютуют: жила же я в тюрьме и в зоне, жила даже в коммунальной квартире...

Дед закончил свою молитву и подошел к нам, и мы тут же отправились дальше по тропинке вдоль речки. По дороге нам встречались небольшие водопады, шумевшие и сверкавшие среди влажной пышной зелени папоротников, кружевной спаржи с красными бусинками ягод, венериных башмачков и мхов разнообразнейших видов и оттенков.

Лес близко подступал к берегам, кое-где тропинка забегала в него, а потом возвращалась к воде. В листве деревьев посверкивали цветы лиан и эпифитов, а среди корней во влажном мху блаженствовали орхидеи, которые тут были представлены наверняка получше, чем в оранжерее Ниро Вульфа [9]. Тропинка долго вислась по дну ущелья, а потом, как-то сразу и неожиданно, вывела нас в широкую долину, лежавшую среди гор со снежными вершинами. У меня, если можно так сказать, учитывая нынешнее мое естество, дух захватило от великолепия раскинувшейся передо мной картины.

Прямо перед нами медленно текла река, принявшая в себя и речку, вдоль которой мы вышли в долину, и множество других рек, ручьев, ручейков и водопадов, стекавших, сбегавших и падавших с зеленых горных склонов. Река изобиловала островками: одни были высокими,

скалистыми, поросшими цветущими вьющимися растениями, другие лежали полого и на них росли серебряные и золотые ивы, так и сиявшие на фоне темно-изумрудной травы, а некоторые острова, поросшие елями и кедрами, лежали, как темные караваи на скатерти синего шелка.

Деревья в долине росли то группами, то выстраивались рядами вдоль дорог и дорожек, а то вдруг сбегались в рощицы. Деревья-одиночки были особенно высоки и поражали царственной формой и величиной. Не преувеличивая скажу, что многие из них были высотой с телебашню.

Дорог было немало, но ни одной асфальтированной или крытой бетоном, в основном грунтовые или вымощенные белыми известковыми плитами и прямоугольными брусками разноцветных гранитов, и был этот гранит по насыщенности цвета ближе к яшмам и агатам, чем к лучшим гранитам невских набережных.

На дальнем краю долины река впадала в большое синее озеро. На его холмистых берегах раскинулась то ли большая деревня, то ли маленький городок, весь осиянный золотистым светом, но сам белый-пребелый, с высокой колокольней в центре.

— Нам туда! — указал Дед рукой в сторону городка. — Вон там видна колокольня церкви, в которой я служу. Рядом с нею дом, где живет наша семья.

— Наша семья?

— Да. Моя матушка и ее сестра. Ты их не успела узнать при жизни, они умерли до твоего рождения, ну так теперь познакомишься. И там ждет тебя еще один человек, которому ты будешь очень рада.

— Неужели брат Алеша?

— Да.

— Пойдем, пойдем к нему скорей, Дед, миленький! — Мы скоро дошли до самого озера, и тут мой Хранитель вдруг сказал:

— Дальше я с вами не пойду, вам лучше провести первый день в своем семейном кругу. Чего ты боишься, глупая? Здесь ты в полной безопасности и тебе не нужен Хранитель.

— Я вовсе не боюсь, но я привыкла к тебе.

— Завтра я навещу тебя.

Зашумели его прекрасные светло-огненные крылья, он взмыл ввысь, обдав нас ветерком, превратился в чудную белую птицу, сделал над нами круг и исчез в лазури. А мы с Дедом, взявшись за руки, быстрым шагом пошли по дороге к городку.

Возле первых домов на скамье под большим развесистым вязом сидели юноша и девушка. Увидев нас, они поднялись и поспешили нам навстречу. Я замерла в радостной надежде.

— Здравствуй, сестренка! — сказал юноша и протянул ко мне обе руки.

Неужели Алеша? Что-то было в его лице очень знакомое, но трудно было мне сразу признать в этом стройном красавце прежнего маленького и круглолицего братишку, с которым в детстве мы были похожи, как две капли воды, даже чёлочки носили одинаковые, ему только косичек не хватало. А теперь передо мной стоял молодой человек с короткой светлой бородкой и

длинными кудрями, мой брат-близнец, но намного меня моложе.

Одет он был почти как Дед, только без креста на груди.

— Алеша?

Мы обнялись и долго стояли молча и потрясенно.

— Ты сюда насовсем, Аня? — Я помотала головой.

— Мы потом все расскажем, — вмешался Дед. — Познакомь Анну с бабушкой, Алексей.

Бабушка? Я хоть и не застала свою бабушку, но знала, что умерла она в пятьдесят с лишним лет: как же может быть моей бабушкой эта цветущая молодая женщина?

— Тебя удивляет, что у тебя тут такая молодая бабушка? — улыбнулся Дед. — Привыкай, здесь все люди одного возраста — нам всем по тридцать три года. Дети вырастают, а старики молодеют до возраста Христа. Бабушку твою зовут Екатериной.

— Можно просто Катя, — сказала моя молодая бабушка и троекратно поцеловала меня. — Добро пожаловать, Аннушка!

— А почему Нина нас не встречает? — спросил Дед.

— Она печет пирог к встрече дорогой гостью, — сказала Катя, и все они почему-то засмеялись.

Мы прошли по главной улице городка, миновали площадь со старинным замшелым фонтаном и подошли к церкви. Дед сказал, что хочет зайти в храм, а нам велел идти в дом без него.

Мы с Катей и Алешей направились к видневшемуся в глубине прицерковного сада белому двухэтажному дому под зеленой крышей с треугольным фронтоном. Шесть колонн по фасаду отделяли от сада веранду и поддерживали эркер второго этажа.

Когда мы, переговариваясь, подошли к дому, на веранду вышла красивая молодая женщина в белом фартуке и длинном голубом платье с засученными рукавами. Я догадалась, что это бабушкина сестра Нина. Протянув ко мне перепачканные мукой руки, она воскликнула:

— Внучка! Аннушка! Наконец-то! — и, резво сбежав по ступенькам, обняла меня.

И эту бабушку мне пришлось называть просто Ниной.

Меня провели в дом и показали его: внутренним убранством он напоминал старинные русские усадьбы. Мне отвели комнату на втором этаже, она выходила окнами в сад, как и все комнаты в этом доме.

Потом пришел Дед, а Нина объявила, что пирог готов, и позвала всех к столу. Мы сидели на веранде за большим круглым столом, ели пирог с вишнями и пили чай. Это было странно, я все тайком поглядывала, не просвечивают ли вишни сквозь мою оболочку, но все было в полном порядке: они просто растворились в моем теле без остатка.

За чаем Дед в немногих словах объяснил ситуацию, и все, естественно, очень за меня огорчились. Алеша, сидевший рядом, во время рассказа не выпускал моей руки.

После чая мне предложили отдохнуть, в чем я действительно нуждалась. Как я узнала позже, в

Раю никто не спал, поскольку в этом не было необходимости, поэтому и постелей как таковых в доме не было, но и в моей, и в других комнатах стояли кушетки и диваны, на которые можно было прилечь для отдыха.

Когда меня оставили одну, я немного полежала на диване, но потом поднялась и села у окна, положив руки и голову на подоконник, и просто смотрела на видневшееся вдали озеро с плавающими по нему лебедями и утками, на острова, на одинокий парус у дальнего берега. Я ни о чем не думала, ничего не желала и даже ни о чем не жалела, так мне было хорошо и спокойно...

Глава 4

В мою дверь постучали, и вошел Алеша.

— Ты отдохнула, сестренка?

— О, да! Скажи, а что тут со временем? Какой сегодня день и который час?

— Видишь ли, Аннушка, времени тут уже нет, ты вошла в вечность. Но по традиции в Долине Учеников продолжается счет на часы и сутки по земному времени: так привычнее для тех, кто пришел в вечность недавно. Мы считаем, что сейчас шесть часов утра, скоро начнется литургия. А почему ты спросила о времени?

— Ну как же, Алеша, ведь мне было сказа но, что у меня всего шесть дней. Вот я и хочу знать, сколько времени у меня еще осталось, чтобы побыть с вами. Ты можешь мне дать какие-нибудь часы?

— Какие угодно. Наверно, тебе понравятся вот эти. — Раздалось негромкое сипение, а потом зазвучала негромкая старинная музыка. Куранты. Я оглянулась и увидела у стены высокие напольные часы с резной башенкой и пожелтевшим от древности круглым циферблатом с римскими цифрами. Он был расписан золотыми розами. Фигурные стрелки стояли вертикально.

Куранты доиграли изящную мелодию, и часы мелодично прозвенели шесть раз.

— Красота! Как же я не заметила их раньше?

— А раньше их и не было, я их только что вспомнил. Эти часы стояли в детской библиотеке, куда мы с тобой ходили брать книги. Помнишь, на улице Герцена?

— Помню. Там еще были потолки, поделенные на квадраты темными дубовыми балками, и в каждом квадрате был нарисован сюжет из детской сказки. А эти часы стояли в маленьком зале, где нам устраивали встречи с детскими писателями. Но как они попали сюда?

— Из моей памяти. Я подумал, что тебе будет приятно узнавать время именно по этим часам. Они будут показывать время и одновременно напоминать тебе о том, что времени, в сущности, нет, что наше детство не исчезло, что мы властны над своим прошлым.

— Теперь понимаю, откуда в доме столько прекрасных старинных вещей!

— Ты правильно угадала: мы окружаем себя вещами, которые были милы нам в той жизни. Необходимости в них никакой нет, но они приятны сердцу.

— Но вы же не транспортируете их с Земли ракетами?

— Конечно, нет. Достаточно одного воспоминания. Если хочешь, попробуй сама.

— Что для этого нужно сделать?

— Вспомни какую-нибудь нужную тебе вещь, представь ее себе во всех подробностях и сосредоточься на желании увидеть ее перед собой.

Я поверила, что у меня это может получиться. Закрыла глаза, сосредоточилась и почти сразу же почувствовала в руках теплую тяжесть старого дерева: в моих руках была Казанская икона Божией Матери из бывшей нашей московской квартиры! Я не удержалась и поцеловала край иконы, но тут же испуганно взглянула на Алешу — а можно ли?

— Умница. А теперь повтори за мной: «Пресвятая Богородица, спаси нас!»

— Пресвятая Богородица, спаси нас...

И как же хорошо мне стало после этих слов!

Алеша взял из моих рук икону и повесил ее в углу моей комнаты, как раз напротив окон.

— А теперь — умываться!

— Подожди, я сочиню себе еще что-нибудь! — Мне очень хотелось заслужить еще одну похвалу Алешу, и я вспомнила статуэтку Фатимской Богоматери, которую видела у немецкой соседки, фрау Вагнер. Но сколько я ни морщила лоб, то закрывая плотно глаза, то их тараща изо всех сил, у меня ни чего не получилось.

— Ты чего там кряхтишь? — спросил Алеша. Пришлось открыть ему свой замысел.

— Ты говоришь, фигурка была из пластмассы? В таком случае, зря стараешься, ничего у тебя не выйдет: ничто искусственное не может существовать в Раю, здесь нет никакой синтетики. Идем, я отведу тебя к моему любимому водопаду, чтобы ты могла умыться.

Он взял меня за руку и потянул из комнаты. Уходя, я быстренько представила себе венское кресло-качалку, первую вещь, купленную мной в эмиграции. Уже в дверях я успела, оглянувшись, увидеть, как оно послушно покачивается у окна. Даже полосатая подушка, на которой любил восседать Арбуз, лежала на сиденье. Надо будет спросить, нельзя ли сочинить сюда и самого Арбуза?

Мы вышли в сад и пошли по аллее между высоких лип. По дороге я расставила везде, где только можно, бронзовые фигуры зверей — павлинов с зелеными от патины хвостами, оленей, а в кустах разместила пантер и тигров.

— Ребенок ты, Анька! — сказал Алеша. — Зачем тебе бронзовые тигры, когда можно позвать настоящих?

Он свистнул, и я с визгом прижалась к нему: из кустов на дорожку одним прыжком вымахнул здоровенный тигр и бросился к нам. Меня он настороженно обошел, а брату ткнул в колени огромной башкой и замурлыкал басом, требуя ласки. Алеша почесал его за ухом и шлепком отправил обратно в кусты. Вот это Рай!

Через сад мы вышли к горной речушке, берущей начало от падающего с невысокой скалы

водопада. Вода падала не сплошной стеной, а множеством отдельных струй. Рядом была площадка, а от нее под воду шла широкая ступень; я шагнула на нее и оказалась под сильным прохладным душем. Освежившись, я постояла на прогретой солнцем площадке, чтобы обсохнуть. Тут встал вопрос об одежде: я ведь так и ходила в больничной простыне, завязанной узлом под мышкой.

— Алеша, нельзя ли мне как-то принарядиться?

— Пожалуйста, нет ничего проще! — Алеша сосредоточенно оглядел мою фигуру.

Я громко расхохоталась, увидев вокруг своих ног необъятной ширины бирюзовую шелковую юбку и обнаружив позади шлейф на добрых три метра. Грудь и талию стягивал синий бархатный корсаж: хорошо, что мне не надо было дышать, а то бы я задохнулась от его тесноты. Голове тоже было как-то некомфортно. Ощупав ее, я обнаружила, что этот озорник взбил мои волосы в какой-то волосяной свадебный торт, а сверху водрузил увесистую корону.

— Сними с меня это безобразие сейчас же!

— Не сниму, тебе очень к лицу наряд принцессы!

— Ах так!

В ту же секунду Алеша стоял закованный с ног до головы в серебряные латы.

— Бу-бу-би! — раздалось из-под опущенного забрала.

— Ладно! Убери все это и помоги мне одеться в соответствии с вашей модой.

Тут же на мне оказалась легкая туника до колен, перехваченная золотой цепью, на ногах — сандалии из ремешков, в руках небольшая арфа килограммов на пять.

— Последний писк моды для небожителей! — объявил братец.

— Алешка, кончай придуриваться!

— В таком случае одевайся сама, — не маленькая!

Я чуть призадумалась и сочинила себе простое длинное серое платье с широкими рукавами и пояском из голубой ленты. Такую же ленту вплела себе в отросшие до пояса волосы. Обуваться я не стала — зачем?

— Теперь хватит шуток, — сказал Алеша. — Надо спешить, литургия вот-вот начнется.

Если снаружи Дедова церковь была самым красивым строением в Долине, то внутри она просто поражала красотой и благолепием. Фрески напоминали о Дионисии, а иконы — об Андрее Рублеве и Феофане Греке, за любой из них на коленях приползли бы из Русского музея.

Алтарь отличался от земных православных алтарей прежде всего тем, что не был отгорожен от молящихся стеной и находился на открытом возвышении. За престолом был широкий открытый проем в изогнутой стене, а сквозь него был видна Голгофа с Крестом.

Против всех физических законов вершина горы оказалась такой близкой, что я сразу же отошла к боковым столбам и укрылась за одним из них, спасаясь от ее слепящего блеска.

Алеша ушел в алтарь помогать Деду, а ко мне подошли обе мои молодые бабушки, Катя и Нина. В руках у них было по пучку свеч, от которых сладко пахло воском и медом. Они дали мне по свечке, велев поставить их перед иконами за моих живых и мертвых, и отошли. Пока я раздумывала, как это сделать, обе свечи в моих руках растаяли и пролились на пол. Я незаметно вытерла руки о подол платья и осталась стоять на месте.

Клироса в церкви не было, и когда началась служба, запели все разом — женщины слева и мужчины справа. Пели они очень красиво, иногда я даже разбирала и понимала отдельные слова. Только слова, не смысл, конечно.

Но когда Алеша вышел вперед и, встав вполоборота, чтобы видеть и прихожан, и Голгофу одновременно, начал громко просить Господа о милости ко всем живым на Земле, на Небе и в преисподней, я всем существом к этой молитве присоединилась. Во мне что-то как будто прорвалось внутри, из глаз градом потекли слезы. Я плакала о себе, о маме, даже о моем несчастном Георгии — каково-то ему, дураку, без меня?

Еще я плакала обо всех людях, которые, как и я совсем недавно, знать не знают о том, что их ожидает после смерти, и не пытаются, бедные, хоть что-нибудь разузнать о предстоящих посмертных приключениях.

Потом случилось нечто совсем неожиданное. Алеша вышел вперед и трижды громко произнес:

— Оглашенные, изыдите! Оглашенные, изыдите! Оглашенные изыдите!

В ту же секунду меня каким-то вихрем вынесло из церкви. И это вовсе не иносказание: меня охватил сильный упругий ветер, которому невозможно было противиться, на глазах у всех развернул лицом к дверям и выбросил из храма. Я оказалась стоящей снаружи, на ступеньках — одна.

Много лет назад та самая бабушка-соседка, которая окрестила нас с Алешей, называла нас «оглашенными», когда мы, расшалившись, поднимали шум на всю нашу коммунальную квартиру. Мне в голову не приходило, что есть какая-то прямая связь народного выражения с церковной лексикой.

В пустой дом идти мне совсем не хотелось, и я побрела на берег озера. Я уселась на траве под склоненной к воде большой золотой ивой и просидела этакой Аленушкой, пока колокольный звон не возвестил об окончании церковной службы. Тогда я поднялась и пошла навстречу выходящим из церкви.

После службы все пошли на общую трапезу, устроенную на поляне под самым большим деревом в саду. Вокруг гигантской секвойи были расставлены столы с хлебом, вином и фруктами. Я ела и пила со всеми. Потом Дед и Алеша повели учеников к учебным павильонам, а мне велели оставаться возле дома и ждать Хранителя.

Как я обрадовалась, заметив вдруг среди стаи птиц в вышине одну, которая снижалась и становилась все крупней, пока не превратилась в моего дорогого, моего собственного Ангела! Я бросилась к нему, а он подхватил меня на руки, как ребенка.

— Наконец-то! Я уже заждалась!

— Неужели ты здесь скучала?

— Ну что ты!

— А почему плакала?

Пришлось рассказать про «оглашенных».

Хранитель сразу посерьезнел.

— Оглашенные — это те, о ком объявлено, оглашено в церкви, что они готовятся к крещению. К ним же, в наказание, относят тех, кто не ходит в церковь и не причащается.

— Значит, таким образом мне было дано понять, что я — отверженная?

— Не совсем так, ведь тебя допустили к первой части службы.

— А еще и свечи в руках растаяли!..

— Что там у тебя со свечами случилось?

Я рассказала.

— В этом вовсе нет ничего таинственного. Катя и Нина уже забыли, откуда берутся эти свечи, а может быть, хотели поделиться с тобой своими молитвенными трудами. Видишь ли, свечи у нас появляются сами собой во время молитвы как ее материальные символы. Ты не намолила своих подношений Богу, а дареное не дарят. Чем ты еще сегодня занималась?

Я поведала ему о радостях этого утра, а Хранитель рассказал мне о школе моего Деда. Я узнала, что в Долине, расположенной в самой близкой к Земле области Рая, находится подготовительная школа для душ, еще не готовых к существованию в более высоких сферах Царствия Небесного. Они проводят здесь время, необходимое для духовного роста, для созревания, так сказать, а потом начинают свое восхождение в следующие по рангу обители. Меня это удивило:

— Получается, что моему Деду, хоть он и святой, недоступны высшие райские обители? Несправедливо!

— Ну что ты, совсем наоборот! У твоего Деда особое служение, порученное ему не посредственно от Бога именно как святому и священнослужителю. Это очень высокая честь. И поверь, его даже у самого Божиего Престола принимают с великим почетом.

Поскольку меня в райские студенты не пригласили, Хранитель предложил мне прогулку.

— Хочешь, мы полетим с тобой рядом?

Я вспомнила свое парение под потолком больницы, но тогда я была подобна воздушному шару; когда же мы покидали Землю, это произошло так ошеломляюще быстро, что я не успела испугаться, а полет между мытарствами воспринимался больше как встречное движение пространства. Сейчас я поплотнела, мое тело стало материальным, хотя как-то поиному, чем при жизни. Ноги мои не оставляли следов при хождении по песку садовых дорожек, но трава под ними пригибалась к земле, это я заметила.

— Смогу ли я теперь взлететь?

— А ты попробуй!

Я разбежалась и подпрыгнула, на мгновение зависла в воздухе, но тут же тяжело опустилась

на землю.

— Придется тебя поучить!

Ангел подхватил меня на руки и взлетел.

Сначала я замерла, увидев под ногами верхушки деревьев. Рядом проплыла, покачиваясь, колокольня с крестом, — от него пахло жаром, и наконец, вся Долина оказалась под нами.

Хранитель, держа меня на одной руке и обнимая другой, помчался к скалистой стене на краю Долины. Стремительно подлетев к белым меловым скалам, он взмыл вверх, и мы оказались на высоком, поросшем альпийским лугом плато. Отсюда Долина с озером, рекой и городком казалась очаровательной детской игрушкой. Под нами проплывало облачко, и тень его бежала внизу по зеленому долу.

И тут Ангел мой сделал то, что когда-то делал отец, уча нас с Алешей плаванию: он поднял меня двумя руками над головой и бросил со скалы. Я взвизнула, раскинула руки и... полетела.

— Лечу! Лечу! Смотри, Хранитель, посмотри, как я лечу! — Ангел уже плыл в воздухе рядом и улыбался. Полет был упоителен.

Я летала стоя, сидя, летала на спине, кувыркалась в воздухе. Ангел меня инструктировал, веселясь, кажется, не меньше моего. Я очень скоро научилась различать и ловить восходящие воздушные потоки и парить на них. Я с восторгом промчалась сквозь одинокое облачко и вылетела из него вся мокрая, но тут же обсохла на ветру.

Летать пониже оказалось значительно труднее: надо было остерегаться врезаться в дерево или удариться о землю, но вскоре я освоила и эти премудрости. Какой ас во мне погиб, когда я слетела со своего мюнхенского балкона!

А больше всего мне понравилось играть над озером, где любопытные рыбы так и выпрыгивали из воды, интересуясь, что это за редкая птица к ним наведалься? Было очень здорово набрать скорость, со всего разлета нырнуть в воду и тут же вынырнуть и взмыть в воздух.

Налетавшись вволю в Долине, я попросила Ангела слетать со мной куда-нибудь за ее пределы. Он согласился, но взял с меня слово, что без него или кого-то из близких я покидать Долину не стану:

— Еще заблудишься или залетишь куда не следует. Ну, куда твои глаза глядят?

Я показала на снежные вершины. Мы выбрали самую высокую из них и полетели к ней, держась за руки. Вблизи она была похожа на громадный сверкающий снежный сугроб. Мы ее облетели кругом, выбрали ровную площадку на самом верху и опустились на нее.

Снег лежал под ногами чистый и совсем не слежавшийся, как это бывает летом на ледниках в земных горах. Я ступала босыми ногами, проваливаясь по щиколотку, но не чувствовала холода — снег был не прохладней свежей простыни. Ангел предложил попробовать его на вкус: «Многим ученикам нравится!» Я слепила снежок и надкусила его, и он показался мне вкусным, как ванильное мороженое с лимонным соком.

— Выходит, сказки церковных старушек про то, как небожители сидят в Раю на облаках и уплетают мороженое, имеют под собой реальное основание?

— А как же! Если бы ты сейчас вернулась на Землю и рассказала обо всем увиденном, разве это не было бы похоже на сказку?

— Скорее уж на притчу... Ой! Ну, Ангел, погоди!

Мой Ангел... — Нет, это все-таки именно мой и ничей другой Ангел, — он скатал снежок и запустил им в меня! Я не осталась в долгу и в свою очередь начала бомбардировать его снежками, и у меня это получалось куда лучше — ему явно не хватало агрессивности, чтобы победить в снежной схватке.

Но когда я оттеснила его градом снежков к самому краю площадки, он вдруг взмахнул крыльями и поднял ими такой снежный вихрь, что я уже не могла подойти к нему ближе. Взметенный им снег сверкал на солнце, и мне казалось, что весь мир вокруг нас искрится и смеется.

Когда мы вернулись с этой прогулки, дома уже начали беспокоиться обо мне. День подходил к концу, и вся семья собралась в гостиной у камина, где горел небольшой огонь. Мы провели чудный тихий вечер, предаваясь воспоминаниям. Много неизвестного поведали мне о прошлом нашей семьи Дед и обе бабушки, и очень они сожалели о том, что я не могу посетить дальние обители и познакомиться со всеми моими предками. О моем отце никто ничего не знал.

Услышав, как над нашими головами в моей комнате часы пробили двенадцать раз, я простилась со всеми и поднялась к себе.

Встав перед Казанской иконой Божией Матери, я проговорила: «Пресвятая Богородица, спаси нас. И спокойной Тебе ночи!» Так закончился мой первый день в Долине.

Глава 5

Потекли неспешно светлые и беспечальные дни. По утрам я исправно ходила со всей семьей в церковь, пыталась там молиться, но с возгласом «Оглашенные, изыдите!» сама послушно удалялась.

До конца литургии я была предоставлена самой себе. Обычно я отправлялась на одинокую прогулку и за несколько дней, пешком и летом, обследовала всю Долину.

Ах, как она была хороша! Гряда гор окаймляла ее слева, если смотреть по течению реки, а справа тянулись холмы, и над ними всегда была видна одинокая дальняя вершина с золотым Крестом: это была та самая гора Голгофа, куда мы ходили на поклонение к Богу. Каким-то непостижимым образом этот Крест был виден из любой точки Долины и, как я позже узнала от брата, из любой точки мироздания, кроме Земли. Но, как сказал Алеша, перед новым пришествием Спасителя на Землю он будет так же одновременно виден и всем землянам. Это было непонятно, ведь Земля-то круглая, но я верила Алеше.

Самым чудесным в Долине мне казалось ее воздействие на мое новое тело. Оно крепло и молодело с каждым часом. Я буквально наливалась светом и силой. Когда я умерла, мне было лишь немного за сорок, ничем особенно я не болела, но возраст начинал сказываться: уже не было прежней легкости, я слегка перебрала в весе, от бдений за компьютером побаливала спина, а шейные позвонки иногда поскрипывали. Теперь обо всех этих признаках старения можно было забыть. Любое движение было радостно телу, зрение стало острым, как в юные годы, я напрочь позабыла об усталости.

Наслаждаясь этими чисто физическими радостями, я вспоминала о неверующих в загробную

жизнь немощных стариках: как они, бедные, боятся смерти! Сколько сил и средств уходит на продление мучительного старческого существования!

А жалкие молодящиеся старухи, одуревшие от гормонов, изрезанные хирургами-косметологами: если бы они знали, что смерть — это эликсир вечной молодости! Впрочем, может, и хорошо, что до поры это скрыто от них, а то еще побежали бы наперегонки кончать с собой в целях омоложения.

После общей трапезы, к которой я старалась вернуться с прогулки, начинались занятия в дедовой школе. В павильоны я только заглядывала: там светились разноцветные экраны, звучала музыка, шли какие-то опыты в лабораториях. Но очень часто занятия проходили прямо в саду, в большой мраморной беседке или просто на поляне. Дед или Алеша садились на скамью, а слушатели окружали их внимательной стайкой, располагаясь прямо на траве.

Меня тянуло к ним. Я тихонько подходила, присаживалась позади всех в сторонке и добросовестно пыталась вникнуть в их рассуждения о Боге и Его мироздании.

Все ученики были молоды и прекрасны лицом, и тела их светились. Но до Ангела или Деда им было далеко! Даже Алеша и Катя с Ниной были полнее светом, чем любой из учеников.

На меня вся эта молодежь посматривала с интересом и, как мне казалось, слегка сочувственно. Меня это ничуть не обижало: они избраны для Рая, хотя и должны пройти подготовительные курсы, а я тут человек сугубо временный и случайный. Все они отличались глубокой серьезностью в занятиях, будто стремились запастись знаниями на целую вечность.

Жили ученики поодиночке и небольшими группами, кто где хотел. Дома они сочиняли себе в соответствии с земными мечтами и представлениями об идеальной архитектуре, поэтому такой красивый издали городок вблизи иногда казался Диснейлэндом: рядом с маленьким Парфеноном мог стоять индейский вигвам, а резной теремок соседствовать с игрушечным средневековым замком. Но все это строилось поначалу, когда они только прибывали с Земли и неистово пользовались возможностью материализации своих фантазий. Потом все эти игрушки надоедали, ученики переселялись в строгие павильоны или простые сельские домики, а их архитектурные измышления заполняли сады Долины очень живописными, но постепенно тающими руинами, от которых в конце концов не оставалось и следа.

Кроме занятий и богослужений, ученики много и охотно трудились. Они ухаживали за лесами и полянами в горах, за садами в городке, следили за чистотой ручьев и озер. Животные тоже нуждались в уходе и заботе: звери, птицы, земноводные так и льнули к людям.

Разумеется, среди них не было опасных, все хищники в Раю перешли на вегетарианскую диету. Больных животных я не встречала.

Как-то в полете я нечаянно задела и поранила стрекозу. Мы с Ангелом разыскали в траве изумрудную красавицу и отнесли ее к девушке, занимавшейся насекомыми. Она жила в стеклянном павильончике на острове. Мы рассказали свою беду и показали ей покалеченное насекомое. Она осторожно посадила стрекозу на ладонь и пригласила нас в свою мастерскую. Действуя одними пальцами без помощи инструментов, она выправила и вылечила пострадавшее крыло.

Пока девушка возилась со стрекозой, я разглядывала яркие рисунки бабочек, сделанные прямо на стеклах павильона. На столе лежала огромная белая бабочка, изготовленная, как мне показалось, из бумаги. Рядом стояли стаканчики с кистями и красками.

Краешек крыла бабочки был тронут синей краской.

— Что это такое? — спросила я.

— Модель новой разновидности бабочек, — ответила девушка. — Я подбираю для нее окраску.

Вот так, совершенно случайно, приоткрылась завеса, и я узнала кое-что о том, к чему готовят учеников в школе моего Деда. Они смогут сочинять и раскрашивать бабочек!

Часто в часы школьных занятий Ангел приглашал меня совершить дальнюю прогулку. За пределами Долины летать самостоятельно мне не разрешалось, и Хранитель брал меня на руки. Эти полеты под его крылом, в его больших и крепких руках приводили меня в состояние ликующего счастья.

Ангелов любят птицы, и они часто сопровождали нас веселыми щебечущими стайками. Мимо нас проплывали легкие пушистые облака, а внизу один чудесный ландшафт сменялся другим. Мы спускались в места, которые приглянулись мне с высоты ангельского полета, и Хранитель был неизменно терпелив со мной: он мог часами спокойно ждать, пока я собирала раковины на берегу моря, синие альпийские колокольчики и нежно-серые эдельвейсы на краю ледников.

Однажды он показал мне обитель монахинь. Сверху она была похожа на утопающий в садах белый южный город, застроенный одними церквями; тысячи узорных крестов и крестиков издали казались сплошным золотым кружевом, наброшенным на темную зелень больших деревьев.

Мы сделали круг над обителью, и я увидела на ее улицах ослепительной красоты юных девушек, одетых в белые монашеские одежды. Они нас заметили и, улыбаясь, указывали на нас друг дружке. Некоторые махали нам рукой. Очень хотелось спуститься к ним и познакомиться, поговорить с ними, но это оказалось невозможным: стоило нам чуть опуститься, как я вынуждена была жалобно взмолиться:

— Ангел мой, летим домой! Тут очень разреженный воздух, наверное, у меня кружится голова. И глаза режет!

— Это не из-за воздуха, — сказал Хранитель, — здесь для тебя слишком избыточна Благодать Божия, тебе не по силам ее вынести.

Я видела, что моя никудышность печалит моего Ангела, но что же я могла поделать?..

Много дивных мест посетили мы с Хранителем, но почти всякий раз наши небесные прогулки заканчивались тем, что мы выбирали тихий уголок на природе и садились побеседовать. Без конца мы перетряхивали и пересматривали мою жизнь, и он старался объяснить мне, что я не так делала, чем грешила и как должна была строить свою жизнь, чтобы избежать грехов и спасти душу.

По большей части я с ним соглашалась: еще бы мне было не соглашаться, после моего-то опыта на мытарствах! Но иногда наши беседы превращались в дискуссии.

— Вот вы все твердите мне, что Бог милостив к грешникам, — начинала я, — а еще утверждаете, что Он ни в чем не ограничивает мою свободу. Но ведь Бог не хочет, что бы я грешила, так? И тем самым Он уже ущемляет мое право свободно распоряжаться своей судьбой.

— Нет, Бог действительно ни в чем не ограничивает тебя. Он хочет, чтобы ты сама себя ограничила. Он любит тебя и ждет, что ты это сделаешь из любви к Нему.

— Почему же Он не скажет об этом прямо?

— Он сказал об этом предельно прямо. Ты ведь читала Евангелие?

— Конечно, и была потрясена им.

— Что же тебя потрясло?

— Красота стихов. Оно написано таким верлибром!

— О Господи! — Ангел всплеснул и руками, и крылами. — И тебе ни на миг не пришло в голову, что Евангелие — это Благая Весть, обращенная непосредственно к тебе? В нем совершенно ясно изложены условия спасения твоей души — ты не заметила?

— Нет. Какие же это условия?

— Полное соблюдение заветов Христа.

— Что-то такое мелькало в моем уме, я даже пыталась представить себе, что будет со мной, если я начну жить по заповедям.

— И что же ты себе представила?

— Что я перестану быть самой собой, утрачу индивидуальность и даже могу превратиться в ханжу и лицемерку. Я сразу же отбросила эту мысль.

— И упустила шанс начать дело своего спасения.

— Ты знаешь, если бы я могла вернуться к той жизни, я бы теперь многое пересмотрела. Но что толку в поздних сожаленьях!

— В бесплодных сожаленьях толку нет, это так. Но милосердие Божие не знает предела.

— А если так, то Бог тем более должен принять во внимание смягчающие обстоятельства: разве Он не знает, в какой среде я росла?

— Вы так печетесь о своей личной независимости, а чуть дело коснется личной ответственности, как начинается: среда, четверг, пятница... А важно только Воскресенье! Пойми, что Он для твоего — именно твоего! — спасенья сошел на Землю, принял все ваши грехи на себя, был за них распят и воскрес. В этом твое личное спасение.

— Разве не вы с Дедом спасли меня на мытарствах?

— Дед смог протащить тебя через них только потому, что ты ему поверила и кинулась к нему за спасением. Если бы ты за секунду до смерти с такой же верой и любовью кинулась к Богу, ты была бы спасена для вечной жизни.

— Но теперь, когда почти все стало мне ясно и понятно, почему Бог хочет разлучить меня с моими близкими? Неужели Ему жалко уделить мне местечко в Долине? Я ведь не рвусь на седьмое небо, не стремлюсь к какому-то высшему духовному совершенству, — мне бы пожить спокойненько здесь, на краешке Рая!

— Это ты сейчас так говоришь. Ты любишь свою семью, а не Бога. А без любви к Богу ты не сможешь жить в мире Его любви. Сейчас тебя подпитывают и держат в Благодати любовь и молитва Деда и всей семьи. Но они не могут быть твоими донорами целую Вечность. Стоит им удалить от тебя свое внимание, и все прежние страсти, не изжитые тобой при жизни, оживут в тебе и начнут действовать. Рай покажется тебе пресным и скучным, и ты не сможешь с этим бороться и впадешь в уныние. Ты завянешь, как растение, не имеющее собственных корней, как сорванный цветок в воде: как его ни лелей, он обречен на гибель.

Все это было грустно и убедительно. Как ни странно, но и в Раю мы говорили с Ангелом о бесах. Как-то я спросила его:

— Скажи, а есть ли в мироздании место, где можно обойтись без Бога, жить вечно по своей воле?

— Ты сказала «мироздание» — и этим уже все сказала, поскольку мир создан Богом. Но мир не оставлен Им после сотворения на произвол самому себе: мир держится одним Богом, лишенный Его благодати, он рассыпался бы в одно мгновение и перестал быть. Можно сказать, что существует один Бог, а мы все — Его творение, существующее по Его произволению. Можно быть от Него дальше, можно быть ближе, но быть вне Его невозможно.

— А Сатана и бесы? Они ведь явно обходятся без Бога.

— Нет, они были также сотворены Богом.

— ?!

— Да, и я помню, каким был Сатана в прошлом, когда он звался Денницей.

— Я помню, я читала, что Сатана — бывший верховный ангел. Выходит, что, создавая Денницу, будущего Сатану, Бог Сам создал мировое Зло? Или Зло сотворил Сатана? Но в таком случае он действительно творец и демиург, как он сам себя величает.

— Да врет он все, ничего он на самом деле не создавал! Я помню, как он и вся его рать объявили, что разрушат старый мир до основанья, а затем построят новый мир лучше прежнего. Ну, и где же этот новый мир?

— Наверное, это Земля со всеми грехами и грешным человечеством? Сколько там всего создано Сатаной: войны, радиоактивное и биологическое оружие, разрушение экологии, преступления и убийства. В общем, все скверное и разрушительное на Земле — это мир, построенный Сатаной и его воинством.

— Ты правильно выбрала определение — разрушительное. Все, что Сатана будто бы создал, есть на самом деле не что-то вновь созданное, а лишь искажение и разрушение созданного Богом. Самостоятельно Сатана не сотворил и пылинки. Смерть есть разрушение жизни, ненависть — разрушение любви, грехопадение — разрушение первоначального естества человека. Он претендует на творчество, но творить ему нечем, поскольку для этого процесса требуется Божия сила и Божие соизволение. А по ходу дела, будто бы конкурируя с Творцом, падшие ангелы не только создали космическую карикатуру на творческий процесс, но исказили, сами того не желая, и самих себя, потеряли ангельский образ — и остались без образа, стали безобразными. Ты заметила, как изменчива, текуча их внешность?

— Да. Они как будто не могут удержать себя в рамках одного облика и все время из меняются на глазах. И Сатана тоже.

— Это потому, что у них нет подлинного бытия. Их существование, каким бы долгим оно не казалось по человеческим представлениям, в сущности есть растянутое во времени саморазрушение. Их бытие катастрофично, они не живут — они гибнут. Отвергнувшись Бога, они бросили самих себя в пропасть разрушения и миллионы лет летят и летят на дно, чтобы в конце концов достигнуть положенного Богом предела.

— Они верят в Бога?

— Как они могут не верить в Того, с Кем пытаются вести войну? Атеизм ими придуман для соблазна людей, а сами они в такую ерунду, естественно, не верят. В бессильной злобе они стремятся увлечь за собой в страшную воронку небытия хотя бы часть созданного Богом. И в первую очередь вас, людей, по скольку человек — любимое творение Божие.

— Не знаю, может, я и не умею еще как следует любить Бога, но Сатану и бесов я определенно ненавижу!

— Этого мало, но и это уже хорошо. Тебе, кстати, никогда не приходило в голову, что борясь с советским режимом, ты, в сущности, боролась с Сатаной, поскольку это был сатанинский режим?

— Многие его так называли, но я полагала, что это метафора.

— Какая там метафора! Россия была отдана во власть ему за грехи.

— Мы думали, что диссидентство — политический фактор, а оказалось, что это — орудие Божие.

— Однако у тебя и самомнение!

— Опять гордыня?

— Она самая. Зерно в этом есть, поскольку любое стояние в истине угодно Богу, но только при условии, что это делается ради истины, а не ради себя, не для самоутверждения.

Я смутилась и постаралась вернуть разговор в прежнее русло:

— А тебе не жаль бесов? Ведь это твои бывшие братья.

— Как бы ты отнеслась к уроду, который забрался в родильный дом и перерезал всех младенцев, чтобы из них не выросли здоровые и красивые люди?

— Постаралась бы остановить его, а если нельзя иначе — убила бы. Его жаль, но детей жальче.

— Так и мы, ангелы. Нам в первую очередь жаль порученных нам детей — вас, людей. Бог хочет, чтобы вы стали духовно здоровыми и красивыми, то есть вернулись в естественное безгрешное состояние, а Сатана из зависти хочет вас растлить и погубить.

— Неужели Бог не может вырвать всех грешников из ада, простить их и поселить в Рай?

— И во что превратится Рай? Грешники понастроят супермаркетов и дискотек, придумают моду и начнут производить модные вещи, разделятся на партии, церкви превратят в дискуссионные клубы, — и очень скоро бедный Рай превратится в ухудшенный вариант Земли, и останется только пригласить сюда бесов!

— Почему же вариант будет «ухудшенный»?

— Потому что грешники получают больше возможностей грешить. Вот ты видела девушку, сочиняющую бабочек. При жизни это была художница-пейзажистка, верующая, она даже пыталась писать иконы. Ей никогда не придет в ее умную головку вместо своих невинных летуний создать для разнообразия какого-нибудь монстрика. Но представь на ее месте юнца, начитавшегося ваших «ужастиков»: что может удержать его от попытки сотворить для собственного развлечения летающих вампиров и запустить их в космос? Хотя бы затем, чтобы потом весело охотиться на них со своими друзьями. От скуки чего не придумаешь.

— Не сердись, но и я бы не отказалась поохотиться на каких-нибудь горгулий, вроде тех, например, что расселись по крыше и карнизам собора Нотр-Дам: они такие забавные в своем страхолюдстве!

— До сих пор это они на тебя охотились. Ты забыла, что эти самые горгульи, которых парижане считают хранителями своего города, на самом деле бесы. Кстати, на Земле множество людей сейчас одержимы бесами. Их что, пригласить в Рай вместе с живущими в них паразитами?

— А что будет, если взять и пригласить?

Ангел улыбнулся:

— А ты знаешь, ничего особенного не будет: они просто растворятся в райском свете без остатка, аннигилируют и хозяева, и паразиты.

— Так бесы могут паразитировать в людях?

— Если душа не имеет защиты Святого Духа, они вселяются прямо в душу, разъедают ее с помощью греха и тем самым губят.

— А во мне при жизни обитали бесы?

— Внутри — нет. Тебя хранили от них таинство Крещения и молитвы твоего Деда. Ну и я охранял тебя как мог. А вот снаружи ты бывала облеплена ими, как пиявками. К тебе порой приблизиться было невозможно, такой стоял от них смрад. Что ты морщишься? Не нравятся мои слова? Но если бы ты могла себя видеть в их окружении, ты бы с ума сошла от ужаса и отвращения. Это великая Божья милость, что вам при жизни не дано видеть бесов.

С этим я была абсолютно согласна — век бы их не видать ни в той, ни в этой жизни!

Вот так и выходило, что сидя, можно сказать, на краю Рая, мы то и дело говорили о бесах. Много поведал мне мой Хранитель о мире духов, о тайнах вечности, но не все я тогда поняла и запомнила, а много чего не могла бы пересказать, даже если бы и захотела: Ангел наложил запрет, и нарушить его я не смею.

После моего Ангела больше всего времени уделял мне Алеша. Я его полюбила как бы заново, в новом качестве. В детстве, сколько я себя помнила, он всегда был рядом. Маленьких нас возили в одной коляске, до пяти лет мы спали в одной кровати и всегда засыпали обнявшись. Мне казалось, что мы одинаково думали и чувствовали. Мы и болели одними болезнями, кроме той злополучной скарлатины: он ее подхватил во время зимних каникул, которые я проводила в детском спортивном лагере за городом. Когда я вернулась, все уже шло к концу...

Горюя об Алеше, я всегда представляла его своим ровесником, а вот теперь выглядел он лет на

десять младше, но по уму и духовному развитию был, конечно, моим старшим братом.

Алеша без конца расспрашивал меня о нашей жизни без него, о болезни и смерти мамы, об отце. Его искренне интересовала моя жизнь с Георгием. Но он отказывался говорить со мной о политике или на какие-то отвлеченные темы, похоже, что его не волновали даже события в России: он заявил, что это только внешняя сторона духовного процесса.

— Ты не жалеешь о том, что умер маленьким? — спросила я его как-то.

— Я жалею о том, что не умер раньше: я мог бы со временем стать ангелом, если бы умер до семи лет.

— Все маленькие дети, умерев, становятся ангелами?

— Нет, только крещеные. Но хорошо и то, что Дед выпросил у Бога для меня раннюю смерть: если бы я не умер, я бы погиб.

— Как это?

— Очень просто. Я неизбежно попал бы под влияние отца, и мы с тобой стали бы врагами. Ты знаешь, кем бы я стал?

— Кем?

— Сотрудником отдела КГБ по борьбе с диссидентами.

— Не могу в это поверить!

— Я это знаю точно, я видел схему, по которой должно было идти мое развитие.

— А где теперь наш отец?

— Не знаю. Поначалу я пытался это выяснить, но потом понял, что дело это безнадежное.

Я пыталась рассказать брату о своих путешествиях за границей, об Австралии, Индии и Японии, где мне довелось побывать, но он и тут удивил меня.

— Я все это видел и везде побывал. Я путешествовал по всем странам, о которых мечтал в детстве. Несколько дней после моей смерти мы с Дедом посвятили путешествиям по Земле. Тогда мне это казалось удивительным и прекрасным, но попав сюда, я быстро все забыл. Мальчишке здесь было гораздо интересней: можно было попасть в любое время человеческой истории, и несколько лет я увлеченно этим занимался, пока не понял, что человеческая история, в сущности, очень печальная повесть.

— А что ты видел, какие исторические события?

— Видел Крещение Руси. Еще разные знаменитые сражения, я все-таки попал сюда пацаном, и мне занятно было увидеть свои ми глазами Бородинское сражение, а потом битву при Ватерлоо. Позже меня интересовали более важные для человечества моменты истории: я ходил вместе с апостолами, когда они сопровождали Спасителя, видел смерть мучеников за веру, наблюдал создание первых монастырей. Я был ребенком, поэтому захотел познакомиться со львом Иорданом и с медведем святого Серафима.

— Кто такие Иордан и Серафим?

Алеша принимался рассказывать мне благочестивые христианские истории, от которых я скоро начинала зевать.

Он тоже пытался меня воспитывать и очень огорчился тем, что я не умею молиться.

— А я вот не понимаю, зачем Господу ваше хоровое пение? Неужели Он и так не знает, что вы Его любите и поклоняетесь Ему?

— Конечно, Господь это знает. А вот зачем ты мне по десяти раз на день говоришь о своей любви?

— Чтобы ты знал. И потом, я ведь так соскучилась по тебе, Алешенька!

— Если бы ты знала, как любят Бога и как скучают по нему настоящие боголюбцы... Но говоришь ты мне о своей любви не для информации, а потому, что тебе радостно это говорить, а мне — слушать. Вот так и в общении человека с Богом, то есть в молитве: нам радостно славить Его, а Ему радостно это слышать.

— Но зачем для молитвы толпиться в храмах? Можно молиться и по одному.

— А ты помнишь, как мы вешались на отца и наперебой кричали ему, что любим его, и как это было радостно нам, и как он любил, чтобы мы встречали его с работы?

— Мы были детьми.

— По отношению к Богу мы всегда остаемся детьми.

— Неужели ты искренне любишь Бога больше, чем любил отца? Ты ведь был его любимчиком!

— Конечно, Бога я люблю гораздо больше.

— И больше, чем Деда? И больше, чем меня? — Алеша смеялся и кивал утвердительно. Я обижалась.

Вечерами мы всей семьей собирались у камина. Топили его не для тепла, а для уюта.

Разговоры моих близких мне в основном оставались непонятными, но мне просто хорошо было сидеть с ними у огня, вспоминать увиденное днем и расспрашивать всех обо всем. Все были очень ласковы со мной и баловали меня как могли. Мне наливали бокал какого-то напитка, вкусом и цветом напоминавшего лучшее бордо, мое любимое вино. Напиток этот веселил, но не опьянял. Я потягивала его маленькими глотками, смотрела на угольки в камине, слушала милые голоса, часто и не слушая, о чем они беседуют. А беседа шла не только о делах в школе и в Долине, но и о подвигах святых, о грядущих судьбах мира и России, и больше всего, конечно, о Боге.

Потом я прощалась, шла к себе наверх, читала перед иконой Богородицы свою единственную молитву и желала Ей спокойной ночи.

Глава 6

Шел шестой день моего пребывания в Долине. Время моих райских каникул подходило к концу, оставался один-единственный последний денек. С утра у меня было тревожно на душе. Алеша отменил свои занятия, чтобы провести этот день со мной.

— Чем вы собираетесь заниматься? — спросил Дед.

— Просто погуляем, я думаю, — ответил Алеша.

— Мне передали, что Аннушку хочет видеть Ольга. Аня, хочешь познакомиться с первой христианкой в нашем роду? Это твоя прапрапра-очень-много-раз-прабабушка, она живет неподалеку.

— Она старая?

— Здесь нет старых. Ей тридцать три года, как и всем.

— Я хотела спросить, давно ли она здесь живет?

— Больше двух тысяч лет.

— А мне говорили, что со временем души уходят в такие глубины Божиего Царства, о которых я даже слышать недостойна.

— Она осталась здесь, на краю Рая, и на это есть особая причина. Возможно, она тебе об этом расскажет. Я подозреваю, что за этим она и зовет тебя к себе. Летите, милые!

И мы полетели с визитом к моей не-знаюсколько-раз-пра-бабушке. По дороге Алеша сказал, что место, где она живет, называется Хрустальной долиной. Чтобы попасть в нее, надо было пролететь над хребтом с вечными снегами и пересечь несколько долин.

Когда мы стали снижаться над Хрустальной долиной, я ахнула от изумления. Вся долина сверкала и искрилась на солнце, и этот блеск был бы нестерпим, если бы не смягчался мельчайшей водяной пылью, растворенной в прохладном воздухе. В этом перламутровом тумане дно долины сверху не просматривалось, были лишь видны многочисленные водопады и водопадники, некоторые не крупнее нитки хрустальных бус, они падали с зеленых многоступенчатых утесов, поросших кустами и папоротниками, и разбегались понизу бесчисленными ручьями и ручейками.

Мы опустились на берег горного потока, бегущего посреди долины, и я увидела, что вся она от горных склонов и до водных заводей переполнена цветами. Но какими цветами! Ни на Земле, ни в Раю я не встречала ничего подобного. Если бы эти цветы не росли из земли, я бы подумала, что они сделаны из хрусталя — они были прозрачными!

Я бросилась к ближайшему кусту больших колокольчиков и опустилась перед ним на колени. Я их благоговейно разглядывала, лаская их кончиками пальцев. Их нежные колокольцы были как бы тронуты тончайшей радужной кистью по краям и прожилочкам; сквозь стенки колокольчиков были видны серебристые тычинки и даже мои пальцы, трогавшие цветы.

Другое чудо было уже не для глаза, а для уха — колокольчики эти нежно звенели при малейшем дуновении ветерка. Приглядевшись, я поняла природу этого звона: шарики тычинок висели на тоненьких нитях и, вздрагивая, тычинки ударялись о стенки цветка изнутри, издавая едва слышный звон.

— Аннушка, нас ждут! — Алеша тронул меня за плечо. Я с трудом оторвалась от созерцания хрустального дива, поднялась с колен и оглянулась.

Неподалеку от берега стоял небольшой бревенчатый дом, почти хижина, под толстой и

лохматой камышовой крышей, нахлобученной почти по самые окошки, на гребне крыши длинной куртинкой росли ирисы, прозрачные, с дымчатым лиловым оттенком, простенький дом был как бы увенчан аметистовой короной.

На пороге хижины стояла белокурая красавица в белом платье, отделанном широкой каймой голубых и сиреневых тонов, с тонким серебряным обручем на распущенных волосах. Я догадалась, что это и есть Ольга.

— Так значит, ты — мой самый последний потомок с Земли? Спасибо, Алеша, что исполнил мою просьбу и привел ее. Проходите в дом!

В хижине была всего одна комната. Один ее угол занимал грубо сложенный очаг из дикого камня, в другом стоял деревянный ткацкий станок, с виду очень древний, на нем была натянута пестрая ткань. Перед двумя маленькими окошками размещался большой дубовый стол, а возле него, с одной и с другой стороны, две широкие лавки. Еще одна такая же лавка под стеной напротив была покрыта домотканым покрывалом, и на ней лежали тяжелые старинные книги и стояли глиняные и медные сосуды, а по стене над лавкой была протянута веревка с пучками сухих трав.

Ольга поставила на стол кувшин молока и кружки, на круглую резную доску выложила нарезанный толстыми ломтями хлеб, от которого шел аппетитный теплый запах, поставила плошку с кусками медовых сотов.

— Угощайтесь, милые гости, дорогие правнуки!

Алеша прочитал молитву и благословил трапезу. Мы молча пили молоко и ели хлеб с медом, поглядывая на Ольгу, а она задумчиво разглядывала нас, сидя напротив со сложенными на коленях руками.

— Спаси Господи, прабушка! — по-райски поблагодарил ее Алеша, когда мы наелись.

Мне понравилось, что вместо того, чтобы повторять, как вороненок: «Пра... пра... пра...», — он и «прабабушку» сократил до «прабушки».

После трапезы Ольга показывала нам свою долину и рассказывала о хрустальных цветах, которые сама сочиняла и выращивала:

— Растить они могут только при изобилии влаги в воздухе, под прямыми солнечными лучами они сразу же вянут и засыхают. Правда, они, и высохнув, не теряют красоты и прозрачности, но становятся очень хрупкими; иногда их берут у меня для украшения церквей к праздникам. А в основном это цветы для украшения водопадов и горных потоков.

У самой воды стояла каменная скамья, поросшая мхом и лишайником. Прабушка пригласила нас присесть:

— Я хочу поведать Анне свою историю. Да и ты, Алеша, послушай, я и тебе никогда ее не рассказывала.

Родилась я и выросла на балтийском берегу за много лет до того, как в далекой Иудее родился наш Спаситель. Моим мужем стал знаменитый воин-варяг, ходивший на добычу по многим водам. Сейчас мы его славный промысел назовем попросту морским разбоем, а в те времена о его подвигах слагали саги.

Погиб он рано, но пал не в морском сражении, а от руки подосланного завистником-соседом подлого убийцы. У нас уже был маленький сын, но он не мог удержать меня: я поцеловала ребенка, передала его матери и бросилась с высокой скалы в море, всего на несколько часов отстав от любимого мужа на пути в загробный мир.

Я слушала свою прародительницу очень недоверчиво: неужели в Раю находят приют безумцы и сохраняют тут свое безумие? Ну ладно, о варяжских наших корнях спорить не приходится, светлые волосы и голубые глаза, доминирующие у нас в роду, даже подтверждают варяжскую теорию в отдельно взятой семье. Но в общем получалась явная несуразица. Как ни мало я была образована в христианстве, но одно мне было ясно: Ольга, а точнее, Хельга, была язычницей, родилась до Христа да еще покончила с собой, — она не могла оказаться в Раю!

Моя прародительница между тем продолжала:

— Больше ста лет мы с моим мужем бродили в адском сумраке, держась за руки, — мы и там продолжали любить друг друга. Он думал, что попал в ад только потому, что погиб не в бою, а от удара ножом в спину: если бы он пал в сражении, как подобает варягу, он пировал бы в небесных чертогах Валгаллы с доблестными воинами, павшими в битвах, а не шатался в долинах скорби.

В аду мы увидели своих богов, чьим изображениям поклонялись при жизни. Вы догадываетесь, что это были бесы. Мы умерли молодыми, мы любили красоту, а потому не захотели признать своими богами гнусных и злобных тварей, хотя и находились в полной их власти. Муж мой даже пытался с ними сражаться, как это делали герои саг, но, став бедной тенью, он потерял свою силу, хотя и не утратил мужества. В наказание за бунт нас швырнули в непроглядную тьму черного адского огня, и мы там долго страдали и мучились, но по-прежнему не расставались.

Так, в страшных муках прошли долгие, долгие годы. Но однажды тьма преисподней рассеялась: явился Иоанн Креститель и начал проповедовать Христа [10]. Он был огражден Божией Благодатью, и бесы не осмеливались к нему приблизиться и помешать. Он говорил, что Христос-Спаситель скоро спустится в ад и спасет всех, кто в Него уверует и пойдет за Ним. Но для этого надо заранее покаяться в грехах и креститься. Он объяснил, что такое грех и почему он неугоден Богу, а покончившим с собой грозно объявил, что самоубийство — вовсе не подвиг мужества, а преступление против Бога. Многие ему поверили и обрели надежду на спасение, в том числе и я. Мы горько каялись в своих грехах и получили от Иоанна Крестителя их отпущение. Потом он крестил нас, и наши слезы были вместо воды.

А мой бедный муж все стонал о недоступной Валгалле и никак не мог справиться со своим отчаянием. Но друг с другом мы не расставались.

И вот пришло назначенное Творцом время, и в ад спустился Спаситель [11]. Он разогнал бесов, как мошкар, и благословил всех крестившихся и даже тех, кто креститься не успел, но уверовал, увидев Его. Однако некоторые души упрямо отворачивались от Христа, и в том числе мой муж.

Спаситель повел всех нас к выходу из ада: и какой же это был длинный хоровод теней!

Мы шли и шли, тьма отступала, и наконец впереди показались первые лучи солнца. Я тянула мужа за собой, но он вырвал свою руку из моей руки и остался в аду: он не мог смириться с тем, что его, прославленного воителя, хочет спасти женщина, пусть даже любимая жена. И мы

расстались, и с тех пор прошло почти две тысячи лет.

Попав в Рай, я спросила у Христа Спасителя, может ли еще спастись мой муж? Он велел мне ждать последнего Суда и надеяться. И тогда я просила Господа позволить мне ждать моего мужа на самой границе Рая, чтобы он, если будет помилован и придет сюда, не прошел мимо меня, чтобы не потерялись мы еще раз. И Господь благословил меня ждать его здесь, в этой долине. Вот я и жду.

Мы были первыми насельниками Рая после изгнания Адама. Рай был прекрасен, но похож на запущенный сад. Я была рада, что здесь можно трудиться — хранить и возделывать Рай, как повелел нам Господь. В работе и молитве века шли за веками, а я все ждала, вдруг сегодня случится чудо, и мой Олаф спустится в Хрустальную долину и позовет меня:

«Встречай меня, моя Хельга! Я вернулся, и я устал. Сними с меня сапоги!» — как он всегда говорил, возвращаясь из набега.

Прошла первая тысяча лет моего пребывания здесь, и с Земли стали приходить наши первые потомки-христиане. Они уже были русскими. Все они были достойными людьми, и до сих пор никому из нашего рода не приходилось уходить в глубины ада: они посещали его, но только чтобы видеть, каких бед им удалось избежать, и они не встречали моего Олафа. Видно, он находится в таких глубинах, куда доступ им был закрыт.

И вот теперь, через две тысячи лет, я узнала, что появилась ты, и тебе предстоит отправиться отсюда в преисподнюю. Я посетила Долину учеников, но не застала тебя: ты куда-то улетала. Я попросила своего потомка, а твоего дедушку, чтобы он передал тебе, что я хочу с тобой встретиться. Ты догадываешься, зачем?

Это было жестоко — напоминать мне об аде и давать туда поручения с оказией. Но я решила, что это в характере варягов и мне тоже следует проявить мужество и верность кровным узам.

— Да, я понимаю, почему ты выбрала меня. Скажи мне, как я смогу узнать твоего мужа и что мне сказать ему, если я встречу его?

— Скажи ему, что я его люблю так же, как любила на Земле и в аду. Скажи ему, что мы непременно встретимся, хотя бы на Страшном суде. Еще скажи, пусть он верит, что муж и жена одно целое, и не может одна половина целого забыть другую половину.

А узнать его будет нетрудно: у него нет правого глаза, зато уцелевший глаз синее неба; на левой руке не хватает двух пальцев, мизинца и безымянного, волосы и борода косматые и рыжие, а нос перебит в двух местах. Две тысячи лет назад он все еще был одет в красный плащ с длинной прорехой на спине от удара ножом. Зовут его Олаф Краснобородый. Увидишь — узнаешь сразу, он один такой!

Сказав все, что хотела, Ольга поднялась.

— Хочешь, — сказала она, — я покажу тебе цветок, который я приготовила в подарок Всецарице? Может, ты поможешь мне его закончить.

— Да что я умею! Я в жизни ничего путного не сотворила, вся она ушла, как теперь выяснилось, на пустословие и пустоделание, я даже любить не научилась... А кто это — Всецарица?

— Что за странный ребенок появился к концу нашего рода, не знает небесного чина Божией

Матери!

— Ну, так бы и сказали: Божию Матерь я, конечно, знаю, но без чинов.

Подарком оказался цветок, растущий в горшке из розоватого кварца, чем-то похожий на земной ландыш, но с более крупными цветами, прозрачными и слегка перламутровыми — не белизна, а только тень белизны. Его изогнутый стебель чуть покачивался, бубенчики звенели.

— Как тебе нравится запах? — спросила Ольга, и в ее голосе прозвучала озабоченность.

Аромат цветка был упоительно тонок, запах земных ландышей свежим майским утром в сравнении с ним показался бы грубой парфюмерией.

— Ну, как по-твоему?

— По-моему, это само совершенство!

— Твой цветок прекрасен, прабушка! — поддержал меня Алеша. Ольга вздохнула:

— Ну что ж... Хотите полететь со мной во владения Царицы Небесной, чтобы вручить Ей подарок?

— Прабушка! — воскликнула я. — Да разве меня туда пустят? Я недостойная, я — отверженная...

— Царица Небесная пока еще никого не отвергала. Летим! Для этого цветка я больше ничего не могу сделать.

Ольга подняла розовый горшок со своим даром, легко поднялась в воздух и полетела в сторону выхода из Хрустальной долины, а мы с Алешей — за ней.

После довольно продолжительного полета мы оказались над огромным парком и опустились на поляну среди деревьев, высоких и цветущих. Я сразу заметила, что здесь преобладают белые и голубые цветы. Ольга сказала, что это любимые цвета Богородицы.

По белым дорожкам парка в разных направлениях двигались ангелы и люди. Мы пошли по одной из аллей, потом за поворотом перед нами появился великолепный дворец из мраморного кружева. Такой же кружевной была ограда вокруг дворца и распахнутые настежь высокие ворота.

Я не заметила, откуда и как это пришло, но по мере приближения к дворцу Всецарицы меня начало охватывать и наполнять непонятное чувство любви и печали, какой-то пронзительной тоски по чему-то неведомо прекрасному и дорогому. Я остановилась, потому что идти дальше не было никакой возможности: еще немного, еще несколько шагов, — и все мое существо разорвалось бы и растаяло от этого непонятного чувства.

Вспомнилось вдруг снегурочкино «Люблю или таю...» Но это был только слабый намек на происходившее со мной. Я прижала обе руки к груди и опустилась на колени.

— Что с тобой, дитя мое? — воскликнула Ольга.

— Ты что, Аннушка? — Алеша обнял меня, стараясь поднять с колен.

— Я не могу идти дальше, мне так больно вот здесь! — я схватила Алешину руку и прижала ее

к груди. Прабушка тоже склонилась ко мне, не выпуская из рук своего цветка. Чудесное растение качнулось, цветы испуганно тренькнули и вдруг отчетливо прозвенели короткую печальную мелодию. Облачко нового аромата выплеснулось из дрогнувших бубенцов и окутало наши склоненные друг к другу головы — мою, Алешину и прабушкину.

— Вот оно! — воскликнула Ольга. — Вот то, чего не доставало благоуханию моего цветка! Вы слышите этот новый оттенок?

— В нем появилась легкая горечь, — сказал Алеша. — Но любви все равно больше, хотя теперь это печальная любовь.

— Это то, что я искала, не умею правильно назвать. Вот теперь мой подарок полностью готов: этот цветок будет говорить о любви Богородицы к людям.

— Это ведь чуть-чуть и мой подарок, прабушка? — умоляюще спросила я. — Я теперь знаю, что люблю Божию Матерь, и мне так хочется, чтобы и Она об этом узнала!

— Я скажу это Ей. Ты идешь со мной? — Я покачала головой:

— Я не решусь идти во дворец. Простимся здесь, милая прабушка, нам с братом пора возвращаться. Я тебя люблю и не забуду твое поручение!

— Я тоже люблю тебя, Анна, и буду молиться о тебе. — Тут мы и расстались: Ольга пошла прямо в белые ворота, а мы с Алешей полетели назад, в свою Долину.

Нас уже ждала вся семья и мой Ангел.

Увидев меня, он сказал Деду:

— Напрасно ты отпустил Анну без меня. Я так не хотел, чтобы она сегодня печалилась!

— Думаю, что знакомство это было необходимо, — сказал Дед. — Расскажи, Алеша, как прошла встреча с Ольгой?

Когда Алеша рассказал все, и про цветок для Божией Матери тоже, Ангел и Дед, а за ними и все остальные чему-то обрадовались и повеселели. Катя с Ниной принесли очередной пирог со вкуснейшим вареньем неизвестного происхождения, Дед достал бокалы и вино, и больше мы в этот вечер не грустили.

А на следующее утро я со всеми прощалась.

Я плакала, ведь расставались мы до самого Страшного Суда. Прощай, прощай, прекрасная Долина, прощайте, все мои родные!

Только Ангел мой Хранитель взялся проводить меня в страшный неизвестный путь.

Он подхватил меня, и мы поднялись над дедовой церковью, над крышей нашего милого дома, сделали прощальный круг над озером и Долиной и начали подниматься все выше и выше. Потом мы повернули круто на Запад и вошли в густые облака. Ангел покачивал меня на руках и тихо напевал какую-то молитву, а я плакала, прижавшись к его плечу.

Глава 7

Позади остались золотистые облака Рая, и мы долгое время летели в голубой пустоте.

Потом впереди за клубились грозовые тучи, и мы вошли в них, как входит самолет при посадке. Мне показалось, что под нами Земля. Справа и слева промелькнули мрачные, поросшие темным еловым лесом горы с голыми серыми вершинами, и мы влетели в узкое и глубокое ущелье. В нем было сумрачно и холодно. Хранитель осторожно приземлился на камни, спустил меня с рук, сложил крылья, и дальше мы пошли пешком.

Мы шли, а каменистая почва под ногами шла под уклон и опускалась все ниже и ниже, тьма вокруг нас сгущалась. Навстречу нам поплыли клочья смрадного желтого тумана.

— Куда мы идем? — спросила я в тревоге.

— Мы спускаемся под землю. Нам придется миновать провалы, ведущие в адские бездны. Держись за меня крепче, чтобы тебя не увлекло в глубины преисподней. Я должен довести тебя до границы области, назначенной для душ с нерешенной судьбой. Там мы с тобой и расстанемся, Аннушка.

Я крепче ухватилась за ангельскую руку. Вскоре я увидела сквозь туман зияющий вход в огромную пещеру: из нее-то и сочился ядовитый желтый туман. У входа толпились старые знакомые — бесы. Увидев нас с Ангелом, они завопили, замахали лапами, но он грозно прикрикнул на бесов, и они откатились в сторону.

Мы вошли в пещеру. Там царила непроглядная темень, дорогу нам освещал только собственный свет Хранителя. Мимо нас деловито шмыгали бесы, недовольно хрюкали, но близко подходить не смели. Пещера была такой длинной, что дальний ее конец терялся во тьме, ангельский свет туда не доходил.

Неровный каменный свод низко нависал над нами, так что Ангел почти касался его головой. Справа и слева отходили боковые ходы, некоторые полыхали изнутри багровым светом, из них несло удушливой вонючей гарью.

Каменистый неровный пол под ногами полого опускался, иногда мы сходили по грубо высеченным в скале ступеням. Становилось все жарче, все темней, все тоскливей.

Хранитель свернул в какой-то из боковых ходов, и вскоре я с облегчением заметила, что пол под нашими ногами снова стал подниматься, а воздух как будто становился чище. Вскоре по серому пятну света впереди я поняла, что мы приближаемся к выходу из пещеры.

— Мы скоро выйдем на поверхность?

— Да. Но это не земная поверхность, а одна из пустынь ада. Запомни: ее надо пройти до конца и выйти к морю, пересечь его и там искать место, где пребывают души, которым дано поклоняться Господу и молиться: там ты обретешь надежду. Но для этого тебе надо идти и идти, ни в коем случае не впадать в отчаяние и неподвижность. Постарайся не утратить способность мыслить и действовать.

— Так для меня действительно есть надежда?

— Ты забыла Ольгу? Разве она не научила тебя надеяться?

— Я уже не знаю сейчас. Но я буду стараться, я буду помнить твои слова!

— Это будет очень трудно, Анна, но ты должна сохранить память и мысль, и в первую очередь — молитву. Ты еще помнишь, как ты молилась Богородице?

— Кому-кому?

— Божией Матери. У тебя в комнате висела Ее икона. Неужели ты уже не помнишь?

— Помню. Я говорила Ей: «Спокойной ночи!»

— А что перед этим?

— Ничего! — я очень удивилась ангельскому вопросу, я ведь в самом деле больше ничего не говорила, когда стояла вечером перед доской, на которой была нарисована красивая Женщина. Я не знала, кто Она была такая и почему я должна была с этой доской разговаривать.

Ангел замолчал и повел меня дальше.

Подземный коридор становился все шире и шире, и вскоре мы вышли из-под земли на серый сумеречный свет. Мы остановились у выхода из пещеры, и я огляделась.

Перед нами расстилалась сумрачная и голая пустыня. Над головой нависали неподвижные тяжелые тучи, серый свет едва пробивался сквозь них и падал на каменистую равнину. Кое-где торчали голые черные скалы, похожие на гнилые зубы. Нигде не было видно ни кустика, ни травинки, между камнями почва была покрыта пеплом ржавого оттенка, воняло мокрой пылью, золой и кислой гарью. Негромкий унылый звук, похожий на зудение комара, плыл над этой пустыней.

Я хотела о чем-то спросить Хранителя и подняла к нему лицо: из его лучезарных глаз катились крупные слезы. Я тотчас забыла, о чем хотела спросить и спросила другое:

— Ты плачешь обо мне?

— Да, — ответил он. — Теперь я должен тебя покинуть.

— Ну что ж, иди, куда тебе надо. А куда идти мне? Туда? — я показала рукой на равнину, расстилавшуюся перед нами.

Ангел снова начал говорить о необходимости сохранить молитву и надежду. У меня разболелась голова. Я села на камень и ждала, когда он замолчит. Его слова назойливо звенели в ушах, но говорил он невнятно, и разобрать их становилось все труднее и труднее. Я охватила голову руками и постаралась его не слушать, и сама не заметила, как задремала.

Когда я очнулась, этот светящийся дылда все еще стоял передо мной, держа меня за руку и что-то бормотал. Я вспомнила, что мы, кажется, пришли сюда вместе, но он мне определенно не нравился. И чего он ко мне привязался? А он все что-то говорил и говорил на своем птичьем языке, будто не видел, что я его не понимаю.

Наконец мне это надоело, я тихонько вынула свою руку из его руки и пошла от него в сторону черных скал. Он еще что-то говорил мне вслед, но я не стала ни слушать, ни оглядываться. Мне хотелось уйти подальше, найти спокойное место, прилечь и уснуть. Я добрела до черной скалы, опустилась в песок и пепел у ее подножия и закрыла глаза.

Кажется, я опять уснула. Во всяком случае, когда я очнулась, мне показалось, что сумрак вокруг стал еще гуще. Надо подняться и идти куда-нибудь, поглядеть, нет ли поблизости жилья или дороги? Тело мое отяжелело от сна и плохо мне повиновалось, ноги едва слушались. Какая-то расслабленность охватила меня с ног до головы. Думалось тоже плохо, — мешал этот

зудящий монотонный звук, заполнивший все пространство вокруг. Состояние было, как после тяжелого гриппа, а в груди ныла болезненная острая тоска, как будто внутри у меня завелась большая пиявка и сосет, сосет...

Я наметила вдалеке большую скалу с раздвоенной вершиной и пошла к ней, еле волоча ноги по рыжей каменистой земле. Не знаю, сколько времени я шла к ней, но мне показалось, что очень долго: по временам я теряла ощущение времени и самой себя и шла как бы в бессознательном состоянии, потом что-то прояснялось в уме, и тогда я снова видела перед собой намеченный черный двузубец и даже пробовал а ускорить шаг.

Наконец я добрела до скалы и остановилась перед ней в растерянности: а что же я должна делать дальше?

Когда-то в молодости я немного занималась альпинизмом, видимо, что-то осталось в памяти, какие-то инстинкты скалолазки: я безотчетно наметила трещины и уступы, по которым можно вскарабкаться на вершину, постояла-постояла да и полезла наверх. Скала была вулканического происхождения, ее выветрившаяся ноздреватая поверхность только на глаз казалась удобной для лазанья: местами она осыпалась, а края пещеристых углублений были остры, как края бутылок с отбитым горлом. Несколько раз из-под ног срывались камни, но сама я не свалилась ни разу и благополучно добралась до седловинки между острыми зубцами. Я выпрямилась, опираясь на один из них, и огляделась.

Позади я увидела страшной высоты каменную стену с разинутой пастью пещеры.

Мне смутно припомнилось, что я была внутри этой пещеры и со мной было некое светящееся существо, суетливое и громкоголосое. Возвращаться туда мне не хотелось, и посмотрела в другую сторону. Но сколько я ни напрягала зрение, я ничего не могла разглядеть, кроме бескрайней рыже-серой пустыни с одиноко торчащими скалами. Я наметила как ориентир одну из них и, спустившись со скалы, пошла к ней.

Так я брела от скалы к скале не знаю сколько дней, очень долго. Есть мне не хотелось, да и нечего было тут есть, спать я боялась, только иногда падала от усталости, лежала некоторое время без движения и мысли, а потом снова поднималась и тупо, упрямо заставляла себя идти, а куда и зачем — не знала сама.

Однажды все изменилось. Мрачные скалы сблизились и превратились в стену неприятных гор с узкими туманными ущельями между ними: из ущелий тянуло холодом.

«Может быть, впереди вода?» — подумалось мне, и я пошла чуть быстрее.

Холод становился сильнее, сквозняки из ущелий пронизывали меня насквозь, я замерзала на ходу, но зато тоскливый зудящий звук, изводивший меня столько времени, теперь заглушался завываниями ветра в скалах. Я выбрала наугад одно из ущелий и пошла по нему.

Тропы не было, но под ногами угадывалось русло пересохшего потока: острые обломки лавовых пород сменились обкатанными валунами. Идти по ним было нелегко, приходилось перепрыгивать с камня на камень, а тяжелое тело меня не слушалось, и я то и дело проваливалась в щели между камнями.

По мере того, как поднималось сухое русло, ветер стихал, и наконец, затих совсем.

Ущелье кончилось, выведя меня в распадок между двух темных хребтов, вершинами уходявших за тучи.

В абсолютной тишине передо мной лежало застывшее горное озеро, промерзшее насквозь: даже видны были черные валуны на его дне. На поверхности льда я увидела множество темных фигур, которые сначала приняла за разбросанные по льду большие камни: подойдя к берегу, я разглядела, что это не валуны, а вмерзшие в лед неподвижные тела людей, тысячи и тысячи мертвых тел мужчин и женщин.

Я постояла в нерешительности на берегу, а потом осторожно спустилась на скользкий лед. Ближе всех ко мне ничком лежала молодая женщина; ее рыжие крашенные волосы были откинута на спину, виднелось белое ухо с большой пластмассовой серьгой и часть пухлой, грубо нарумяненной щеки.

Я нагнулась и тронула ее за плечо, и, к моему удивлению, она повернула голову и посмотрела на меня одним глазом, вокруг которого расплылись тушь и зеленые тени.

— Тебе что, места не хватает?.. — спросила она тихим сиплым голосом. Я увидела, что шея у нее неестественно вытянута, а на шее видна глубокая синяя борозда, — след от веревки? Я попыталась ее поднять, но тут же поняла, что это невозможно: вся нижняя часть ее тела превратилась в лед и сплавилась в одно целое со льдом озера.

— Не тронь меня, уйди... Отойди подальше и ложись. Места всем хватит. Ложись и ни о чем не думай. Здесь конец всему. Ложись...

Я оставила ее лежать и пошла дальше, разглядывая вмерзшие в лед фигуры. Чем дальше я отходила от берега, тем больше встречала полностью превратившихся в лед людей. Но некоторые еще были способны разговаривать. Они открывали глаза, медленно поворачивали головы и следили за мной.

Вокруг шелестели их слабые голоса:

— Не ходи тут, не тревожь нас... Ложись и спи... Оставайся с нами... Все кончено... Только здесь желанный покой... Некуда больше идти...

Да, здесь хорошо, здесь нет ни воющего ветра, ни противного, нагоняющего тоску зудения. Но почему это мне некуда больше идти? Я знаю, что мне надо идти, и я буду идти.

С трудом отрывая примерзающие ко льду босые ноги, я повернула к берегу. Голоса вокруг разочаровано зашуршали:

— 3-з-ря уходиш-ш-шь... Вернис-с-сь...

Выбравшись на берег, я пошла к стене черных скал. Я не помнила, с какой стороны вышла к озеру, и мне было все равно, куда идти, но от этого озера надо было убираться подальше, это сознавал даже мой сонный заледеневший разум.

Я тащилась вдоль черной стены уродливых скал, ища выхода. Мне почудилось какое-то движение на озере. Оглянувшись, я увидела, что на льду появились два странных огромных валуна. Они двигались от тела к телу, а после них оставался пустой лед. Мне показалось, что они направляются в мою сторону, и что-то в их движении мне показалось угрожающим. Я стояла и старалась понять угрозу, а они ползли ко мне. Вскоре их стало видно во всех подробностях: это были два чудовищных слизняка из темного льда с безобразными рыбьими мордами и выпученными немигающими глазами. Проползая по телам вмерзших в лед людей, они вбирали их в себя и становились все толще и толще.

Бежать я не могла, но и стоять на месте мне совсем не хотелось. Я отвернулась от них и пошла к скалам, уже не замедляя шага. Чтобы двигаться скорее, я стала на ходу размахивать руками. Я не оглядывалась, но слышала за спиной ледяное шуршание, какое бывает, когда по реке идет шуга — мелкий осколочный лед.

Искать ущелье, по которому я пришла сюда, было уже некогда, и я свернула в первое же, какое смогла различить среди скалистых пиков.

Мне повезло: как только я завернула за угол, я увидела широкую грунтовую дорогу, идущую довольно круто вниз. Вскоре холодное дыхание озера осталось позади, идти стало легче.

Через некоторое время мне навстречу стали попадаться одинокие путники. Лица у них были сонные, а глаза пустые, как окна с выбитыми стеклами. Они шли, опустив головы и волоча ноги, молча обходили меня, старательно избегая встречаться со мной взглядом. Только один из них остановился и спросил:

— Далеко ли до Озера отчаяния?

Я ответила, что как раз иду оттуда и что ходить туда не стоит, — это опасное и гиблое место.

— Глупая! Ты не знаешь, ОТКУДА мы идем! — и он побрел дальше.

Через какое-то время я снова вышла на равнину, скалы остались позади и вдали стала различима черная лента, похожая на мокрое асфальтовое шоссе, и множество суетившихся возле людей. Я ускорила шаг, и вскоре грунтовая дорога подошла к строящейся дороге. Покрыта она была не асфальтом, а грубо обтесанными плитками черной лавы.

Люди, похожие на заключенных-доходяг, строили эту дорогу. Одни обтесывали молотками и зубилами квадратные черные плитки, другие подтаскивали их на носилках к дороге, третьи укладывали их и вбивали большими молотками в полотно дороги. Стучали молотки, грохотали камни, сбрасываемые с носилок, раздавались грубые начальственные окрики присматривающих за ходом работ.

— Куда ведет эта дорога? — спросила я строителей.

— К Озеру отчаяния.

— А откуда она идет?

— От Озера отчаяния.

Я махнула рукой на этих идиотов и отправилась по дороге.

Ступать по гладким плиткам было, конечно, легче, чем по камням и песку с золой.

Много дней мне никто не встретился, никто не догнал меня, все время я шла одна и одна.

Наконец, вдали я опять увидела людей, суетившихся у конца черной дороги, обрывавшейся прямо в пустыню: опять одни подтаскивали камни на носилках, другие их укладывали, а в стороне обтесывали зубилами и молотками каменные плитки.

— Куда ведет эта дорога? — спросила я.

— К Озеру отчаяния, — был ответ.

Кольцевую они строят, что ли? К Озеру отчаяния мне идти совсем не с руки, а больше ни в ту, ни в другую сторону по дороге никуда не придешь. Меня это так раздражало, что захотелось набрать камней и швырять ими в тупоголовых строителей, пока не поумнеют и не научатся отвечать на вопросы умных людей. Я сдержалась, потому что их было больше.

Но я придумала, как всех перехитрить.

Я вернулась по дороге примерно до середины, где не было строителей и меня никто не мог увидеть, а потом сошла с нее и отправилась напрямик через пустыню, как шла до того — от одной торчащей скалы до другой.

Решение было правильным. Шла я долго, как мне показалось, несколько дней, но вот однажды на горизонте я увидела низкие серые строения вроде бараков и заспешила к ним. Это был настоящий барачный город, раскинувшийся на всю ширину степи.

Подойдя к его окраине, я увидела множество низких колодцев из грубого камня и вспомнила, что уже очень давно не пила воды и не умывалась. Я подошла к одному из них, но когда до него оставалось несколько шагов, над краем колодца мелькнула рука, и в меня полетел камень. Я едва от него увернулась.

Подойдя осторожно к следующему колодцу, я издали крикнула:

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

Вместо ответа в меня опять полетели камни: видно, у обитателя колодца внутри был запасен целый арсенал булыжников, он швырял их не переставая.

— Брось кидаться камнями, слышишь? Мне ничего от тебя не надо, я только хочу спросить...

Камни полетели чаще, и один из них угодил мне в ногу. Я почувствовала сильную боль, а поглядев на ушибленную голень, увидела, что в месте удара появилось черное пятно. Я поспешила убраться прочь.

Проходя мимо других колодцев уже на безопасном расстоянии, я замечала, что их обитатели следят за мной, осторожно высовывая головы над стенами своих укрытий.

Я подошла к первым баракам города.

Они были из серого камня, без окошек, с дырами вместо дверей... Они показались мне нелепыми, потому что у них не было крыш.

Но стены все-таки были. Там можно было спрятаться от чего-то страшного снаружи. Я хотела найти пристанище в одном из бараков, но все они были переполнены. Люди в них жили какие-то очень недобрые, меня отовсюду прогоняли.

— Иди, иди отсюда! Мест нет! — завидев меня, кричали они. Я просилась войти и плакала, но никто меня не пожалел и не впустил.

Потеряв надежду войти, я прислонилась к наружной стене первого попавшегося барака и закрыла глаза. Хорошо было хотя бы спиной чувствовать какое-то укрытие после долгих блужданий по пустой равнине. И я уснула.

Над моей головой взревел диким голосом кто-то огромный и свирепый. Я в ужасе проснулась.

Это уже потом я узнала, что это был не зверь и не демон, а обычный гудок на работу.

Из бараков стали выползать темные дяденьки и тетеньки. Потом появились злобные мужики, по виду начальники. У них в руках были железные дубинки. Они начали кричать и сгонять всех в колонны.

— А ты чего тут расселась?

Я не заметила, как один из начальников вышел на меня из-за барака. Я не успела подняться, а он огрел меня дубинкой по плечу.

— Давай, давай, шевелись!

— Я ведь не здешняя...

— Что-о?! Я те покажу нездешнюю! А ну, давай в колонну! Бы-ы... стр-р-о!

Он меня палкой еще и по спине ударил.

Я решила, что надо послушаться и встать в строй. А вообще-то отсюда надо тикать, и как можно скорее. Я сообразила, что попала в какую-то зону или лагерь. Откуда мне известно это слово, я не могла вспомнить, но знала, что в зоне одни люди работают и называются «заключенными», а другие, которые ими командуют, называются «начальниками». Есть еще «охранники» с дубинками. Это неправильное название, ведь они не охраняют заключенных, а стерегут их, чтобы не разбежались. Но я-то все равно убегу...

Я встала в строй, куда мне дубинкой указал охранник. По команде колонна нас двинулась по лагерьным переулкам к выходу из города.

Я поняла, что гонят нас на работу, и обрадовалась. Работа — это когда что-то делаешь, что тебе говорят, а потом за это что-нибудь получаешь. Например, еду или одежду. Думать на работе не надо. Думает тот, кто командует. Думать вообще тяжело, от этого у меня болит голова. Но приходится это делать, а то и пропасть можно. Когда думаешь, в голову приходят мысли. От мыслей можно узнать, как сделать, чтобы тебя не били.

Пригнали нас на строительство дороги.

Дорога — это где ходят и ездят. Меня поставили в пару с одной толстой тетенькой и дали носилки. Мы носили каменные плитки. Тетенька на меня ругалась, только я не понимала, за что. Я ведь очень старалась работать хорошо, потому что думала, что мне за это что-нибудь дадут.

А тех, кто ленился, охранники били палками очень больно. У них палки были с крючками, и эти крючки выдирали из людей куски их мяса. Я не хотела такого, и когда близко был какой-нибудь охранник, я говорила тетеньке: «Давай стараться работать хорошо, чтобы нас не били!» А она шла сзади и все время толкала меня в спину носилками.

Она думала, что я такая глупая и не понимаю, что это она толкает меня в спину. А я догадалась. Она была ленивая и злая. Но я все терпела, чтобы охранники думали, что мы хорошие и хорошо работаем.

Еще у нас был перерыв для отдыха, называется «перекур». Почему так, я не знала, потому что никто тут не курил. Курить — это когда изо рта вкусный дым идет.

Мы закончили работу по гудку. Нас построили в колонну и повели в город. Мне очень повезло: меня загнали в барак вместе со всеми. Я села в уголочек, чтобы никому не мешать и чтобы меня опять не выгнали на улицу. Но я все равно мешала, потому что меня толкали и говорили подвинуться. Здесь всегда все всем мешали. Какой-то дядя ходил взад-вперед по бараку и все время наступал мне на ноги. Я их поджала под себя, чтобы не наступал.

Теперь все было почти совсем хорошо.

У меня были постоянная работа и жилье.

Меня тоже били, конечно, но не так часто, как других. Это сначала было очень больно и страшно, когда у тебя вырывают крючком кусочек тела. Потом я увидела, что все снова нарастает, и перестала так бояться. К боли тоже можно привыкнуть.

Я пыталась поговорить с людьми, хотя тут не разговаривали, а только ругались. Но я слушала ругань и думала, и все равно все поняла про наш город.

Правят этим городом и вообще всем этим миром «хозяева». Они не такие как мы, они — другие. Очень страшные. Они появляются иногда над дорогой или над бараками, и тогда все стихает. Люди закрывают голову руками и бросаются на землю. Каждый боится, что это его сегодня схватят. На меня хозяева ни разу не нападали, я всегда хорошо пряталась: я не падала на землю, а становилась лицом к стене и закрывала глаза — вот они меня и не увидели ни разу!

Хозяева очень жадные, они не дают нам ни еды, ни питья, а это очень хорошо, это вкусно — есть и пить. Зато сами хозяева едят.

Едят они нас. Если повезет, то оторвут только кусочек, а не повезет — сожрут без остатка.

Кого едят — те кричат, а остальные стоят вокруг и смотрят: они уже не боятся, ведь обычно за раз съедают только одного барачника.

Кроме хозяев, в город еще гости прилетают. Эти — хорошие. Это такие большие белые птицы, они приносят хлеб и бросают его сверху. Тут все кидаются и начинается свалка. Кому хлеб достался, тот старается его сберечь, чтобы на подольше хватило. Убежит и съест его в сторонке. Хлеб этот, наверно, очень вкусный и полезный: кто его съест, тот потом такой веселый ходит и светлеет всем телом. Другие ему завидуют и ненавидят. А он огрызается и потом опять становится как все.

А дорогу мы строим так. Сначала укладываем плиты в одну сторону, а потом идем на другой конец дороги. Там совсем другая работа, полегче. С того конца мы дорогу разбираем. Разбиваем плиты кувалдами, осколки складываем на носилки и уносим далеко в пустыню. Потом все меняется местами: на этом конце начинают дорогу строить, а на том — разбирать. Это хорошая работа, она никогда не кончится. Без работы скучно.

Во время работы нами командуют старшие душееды. Они такие же, как мы, только темнее и толще. Они потому толстые, что тоже научились нас есть. Хозяева кого-нибудь сгрызут, а объедки оставляют старшим.

Поэтому старшие душееды не боятся, а любят хозяев. Когда хозяева прилетают, они всегда радуются и бегут их встречать. Некоторые старшие со временем так раздуваются и чернеют, что сами становятся похожими на хозяев, а не на людей.

А люди все время ссорятся и дерутся между собой. Иногда они до того разозлятся, что вцепляются зубами друг другу в тело. Некоторые ссорятся нарочно, чтобы оторвать в драке кусочек другого и сожрать его. Со временем такие становятся душеедами, только не старшими, а дикими.

Дикие душееды не работают и не живут в бараках. Они собираются в стаи и рыскают по городу и пустыне. Если встретят одинокую душу — тут же нападут и растерзают.

Вот поэтому надо все время быть со всеми вместе, чтобы не съели.

Случайно я узнала очень важную вещь.

Все люди делятся на два сорта: те, кто ест других, и те, кого едят другие. Я отношусь ко вторым. Однажды во время работы хозяева разорвали над дорогой какую-то душу. К моим ногам упал кусочек. Я на него поглядела и отвернулась. А моя напарница бросилась к нему, схватила и съела. Она стала очень злая на меня и сказала, что меня все равно съедят другие. Пускай лучше съедят. Я не могу съесть такое. Вот если бы кусочек того хлебushка, который падает с неба! Но хлебushка мне никто не дает. Я ни разу кусочка не пробовала, только слышала, как он пахнет. Очень хорошо пахнет. Солнышком.

Некоторые души не хотят жить со всеми людьми. Они бросают работу и уходят из города. Но это не душееды, они сами душеедов боятся. Они строят себе сами барак на одного человека и живут в нем. Я таких видела, когда подходила к городу. В меня тогда еще камень бросили. Больно было.

Жить скучно. Людей много. Злые все.

Хлебushка никто не дает. Меня часто бьют и кусают. Съедят, наверно, скоро. Я слышала, что есть такое место, где никто не кричит, не ссорится и не жрет друг друга. Это какое-то озеро. Вот бы узнать туда дорогу!

Это случилось во время работы. Старший душеед приказал отдыхать. Мы с тетенькой поставили носилки на землю. Она прилегла, а я стояла рядом и глядела в небо. Просто так. Появилась большая белая птица.

Она сделала над нами круг, и вдруг к моим ногам упал большой круглый белый хлеб! Я оглянулась. Вокруг все спали. Тогда я осторожно подняла хлеб и стала его есть. Как это было вкусно! Он был теплый, от него пахло солнышком. Но я успела отъесть только краешек. Так жалко, надо было спешить! Не успела я проглотить разжеванный кусочек, как проснулась моя напарница и с криком набросилась на меня. Она вырвала хлеб из моих рук и отшвырнула его в сторону. «Это отравла! — кричала она. — Не смей тут заразу разводиться!»

Я хотела подобрать свой хлеб, но на него уже набросились другие барачники, и скоро от моего хлебushка не осталось ни кусочка — все расхватили. Я заплакала от обиды: ведь это же был мой хлеб!

Но назавтра белая птица опять прилетела и снова сбросила мне хлеб. Я его схватила и убежала в сторону от дороги, упала на песок, прикрыла его своим телом и так съела весь без остатка.

С этого момента все начало изменяться в моей жизни. Главное, я сама стала меняться. Прояснилось в голове, прибавилось силы. Я начала думать и даже вспоминать. До этого думать я могла только о том, что у меня перед глазами. Если я на человека не смотрела, то он для меня как будто не жил. А теперь я вспомнила много такого, о чем позабыла. И вовсе не всегда

я жила в этом городе, не всегда строила и разрушала эту дорогу.

Мне вспомнилось, что я долго шла по пустыне, потому что должна была куда-то прийти.

Только вот куда?

Белая птица начала каждый день приносить мне этот чудесный белый хлеб. От него у меня не только в голове прояснялось, но и сама я начала светлеть. Это было очень хорошо. Я заметила, что душееды не любят светлые тела, они им не по вкусу.

Мое посветление заметила напарница.

Она стала на меня плевать и ругать нехорошими словами. Потом она так рассердилась, что бросила носилки и ушла. Больше я ее не видела. Вместо нее мне дали другого напарника.

Он был длинный, худой и с огромными оттопыренными ушами. Я и прозвала его Лопоухим. Он не обижался. Он все время ныл: «Мне плохо... Мне очень плохо... Мне хуже всех...» Но злым он не был. Он с завистью смотрел, как я ем свой хлеб, но ни разу не отнял ни кусочка. Сил у него не было, и работал он плохо. Чтобы он мог тащить со мной носилки, приходилось класть на две плиты меньше, чем носили мы с прежней напарницей. Но мне с ним работалось спокойно. Я старалась, чтобы нашу хитрость не заметили душееды-начальники.

Но они, конечно, в конце концов это увидели и объявили, что Лопоухий в ближайшее время будет съеден. Я испугалась за него и стала думать, как ему помочь? Я не хотела нового напарника.

Я решила Лопоухого немного подкормить. Когда белая птица опять сбросила мне хлеб, я его отдала Лопоухому, а сама стояла рядом и, пока он ел, отгоняла барачников.

Он съел весь хлеб без остатка и вопросительно посмотрел на меня.

— Больше нет. Потом еще будет.

Он отвернулся и молча пошел к нашим носилкам. Даже спасибо не сказал.

Когда мы несли уже последние в этот день носилки с плитами, я почувствовала опасность и незаметно огляделась. Два старших душееда-охранника стояли в стороне и глядели на нас, о чем-то переговариваясь.

— Ты! — ткнул в меня дубинкой один из них. — Оставь носилки и иди строиться. А ты оставайся на месте! — Лопоухий послушно остановился.

— Бросай носилки и беги в колонну! — шепнула я ему. Он поглядел на меня, похлопал своими выпученными глазами и с визгом бросился к строящейся колонне. Ему удалось смешаться с толпой.

Душееды разъярились и набросились на меня, размахивая дубинками. Они избивали меня и рвали мое тело железными крючьями. Я пыталась защитить руками хотя бы голову. Они принялись пинать и топтать меня ногами, и я скоро перестала себя помнить.

Когда я очнулась, я услышала отчаянный крик Лопоухого:

— Не отдам! Прочь отсюда, собаки! Не дам ее грызть! Она хорошая!

Открыв глаза, я увидела, что Лопухий стоит надо мной, в руках у него ручка от наших носилок, и он ею отгоняет от меня диких душеедов. Я поняла, что лагерные душееды побрезговали меня жрать и бросили валяться на дороге, а вот теперь дикие сбежались на падаль. Но какой молодец Лопухий, что не бросил меня! Вот только за сломанные носилки придется теперь отвечать... Бить будут.

Я приподнялась, и тут душееды увидели, что я для них несъедобна, — слишком светлым стало за это время мое тело от небесного хлеба. Лопухий протянул руку и помог мне встать. Душееды отступили. Сев недалеко от нас, они подняли головы и завывали.

— Ты опять живая стала, как хорошо! — сказал Лопухий и погладил мое плечо тощей рукой. — Пойдем скорей в лагерь, может быть, нас еще пустят в барак. Здесь страшно.

— Ни в какой лагерь и ни в какой барак мы не вернемся! Мы уходим отсюда. Палку свою прихвати с собой — пригодится в дороге.

Лопухий завыл, как голодный душеед.

— Ты чего воешь?

— Стра-а-ашно!

— Тогда возвращайся один. Я ухожу!

Я подняла то, что осталось от наших носилок и начала их доламывать: для того, что я задумала, нужен был строительный материал. Жаль, что инструменты барачники уносили после работы в лагерь. Лопухий дурак не догадывался мне помочь, а стоял, наблюдая за моей работой, и хлопал глазами.

Взвалив на плечо разломанные на доски носилки, я повернулась и решительно зашагала в сторону поселка отшельников. Позади раздался душераздирающий вой с подвсхлипываниями. Я знала, что вернусь, если Лопухий не пойдет за мной, но мне так этого не хотелось!

Я шла не оглядываясь, но слышала, что его скулеж не отстает от меня. Через некоторое время я приостановилась, чтобы он мог меня догнать: еще струсит идти один и повернет к баракам.

Он поравнялся со мной и взял меня за руку. Другой рукой он волок по земле палку от носилок.

— Давай вернемся в лагерь!

Тьфу ты! Я покрепче сжала его руку и потащила за собой.

Мы подошли к первым каменным колодцам, и оттуда полетели камни и вопли: «Уходите! Здесь все занято!» Ну и ладно. Такое-то убежище мы и сами себе построим, даже еще лучше.

Мы прошли весь поселок отшельников и вышли в открытую пустыню. Я нашла подходящую скалу, возле которой на земле было достаточно обломков, и сбросила свою ношу.

— Вот здесь будем жить! — сказала я Лопухому.

— Стра-а-ашно!

— Чего тебе страшно, дурачок?

— Придут. Съедят.

— Не трусь, со мной не съедят! — я похлопала его по плечу с покровительственным видом. — Мы построим хороший дом, и они до нас не доберутся. А теперь начинай носить камни, выбирай какие побольше.

Учить таскать камни его не надо было, в лагере научился. Он даже умел выбирать ровные обломки, которые было удобно укладывались друг на друга. Это было очень важно, чтобы они ложились плотно. Дом у нас должен быть крепкий, чтобы любое нападение выдержал. Тут ведь кругом опасность!

Глава 8

И чего это мне не сиделось на месте?

Жили вроде хорошо, ни о чем не тужили. Дом у нас получился крепкий, такого ни у одного отшельника не было. С крышей и дверью!

Я не шучу. Мы ведь притащили с собой две длинных палки от носилок, вот мы их и приспособили вместо балок, а сверху положили большущую ровную плиту. Дверью нам служили четыре доски от носилок: мы ими изнутри загораживали вход и к ним приваливали тяжелый камень. Полная безопасность! Пару раз к нам сунулись душееды, но у нас в доме на этот случай была припасена куча камней. Мы запросто отбились.

Домик был небольшой, только чтобы можно было сидеть и лежать двоим, а если хотелось походить или постоять, то мы выбирались из него и прогуливались рядом со скалой. Далеко не отходили, боялись. Лопухий старался всегда держаться за мою руку.

Нам вдвоем было хорошо и спокойно.

Лопухий или молчал, или жаловался на судьбу. Я его особенно не слушала: одна была у волка песня, и ту он украл. Я ему так и сказала. А он пристал: «Что такое песня? Кто такой волк?». Будто я знаю. Говорят так, вот и все.

Главное, он добрый был, дурачишка этот, и я ему верила. Верить ведь никому нельзя. А ему можно было. Я знала, что он лучше даст сожрать себя заживо, а меня не предаст. Такой уж был Лопухий. Трусливый, но верный.

Мы теперь стали поправляться. Каждый день белая птица приносила нам хлеб, и мы его съедали вдвоем — целый хлеб на двоих! У Лопухого появились губы, а то была одна щелка вместо рта. У него даже уши стали меньше оттопыриваться. Может, мне потому и захотелось вдруг куда-то идти, что сил у нас прибавилось? Ну и посветлели мы здорово, стали почти серенькие. Очень это было красиво. Лопухий так и сказал мне:

— Ты красивая!

— Ты тоже ничего. Еще бы ныл поменьше, цены бы тебе не было.

— Так ведь я же очень несчастный! Ты ведь знаешь, что несчастней меня никого нет.

— А те, кого душееды съели, они что, счастливей тебя?

— Да. Их ведь уже съели. Им не надо бояться.

— Ты дурачок. Неужели тебе нравится быть несчастным?

— Конечно! Ведь ты меня жалеешь?

— Ты сам себя здорово жалеешь. Подумай сам, зачем мне делать лишнюю работу?

Он обиделся и замолчал. Он часто обижался. Я думаю, он маленький был, хоть и был ростом выше меня, а по уму — мальчишка и мальчишка. Я была взрослей его, он это понимал и почти всегда слушался. Кроме одного раза: это когда я ему сказала, что нам надо бросить дом, забрать с собой доски и идти дальше.

— Куда? Куда идти-то? Ты совсем глупая, если так говоришь. Нас съедят по дороге. Такой дом, такие стены, дверь, крыша — чего тебе еще надо? А хлеб? Мы уйдем в другое место, а в другом месте, может быть, хлеба-то и не будет, а?

Кошмар! Никогда еще Лопоухий не говорил столько слов подряд. Я поняла, что ему будет плохо, если мы уйдем из нашего дома неизвестно куда, и решила остаться.

— Успокойся! Если ты не хочешь, мы никуда не пойдем.

Он как будто успокоился, только еще долго возился в своем углу и ворчал: «Уходить куда-то... Чтоб съели... Чего выдумала!»

Но прошло какое-то время, и у меня появился план, о котором я решила пока не говорить Лопоухому. Я начала откладывать половину нашего хлеба, чтобы взять в дорогу.

Лопоухий не понимал, для чего я это делаю, и если находил спрятанный хлеб, тут же его съедал. Еще радовался и меня угощал: «Смотри, что я нашел!» Я поняла, что так дело не пойдет.

Встречать белую птицу с хлебом всегда я выходила. Я научилась чувствовать, когда она должна прилететь. И вот, подобрав хлеб, я половину спрятала на крышу нашего дома.

Назавтра я положила целый хлеб на крышу, а Лопоухому скормила половинку. Этот дурачок всегда ходил свесив голову, вот он и не заметил, как на крыше скопилось целое богатство — семь хлебов!

И еще что-то мне удалось предпринять.

Я постаралась заметить, откуда прилетает птица с хлебом. Я набрала камней и выложила из них стрелку острием в ту сторону. Несколько раз проверила, и получилось, что она точно указывает на то место, откуда прилетает белая птица. Дальше я уже знала, что надо делать, чтобы не сбиться с пути.

И вот, когда мои приготовления были окончены, я сказала Лопоухому:

— Все. Сегодня уходим.

— Я не пойду! Нет!

— Пойдешь. Один ты тут без меня пропадешь.

— Пропаду. Да.

— Вот и идем со мной.

— Нет. Это ты со мной оставайся.

Начинай сначала!

Я просто вылезла из дома и начала его рушить. Лопоухий страшно кричал и плакал, видя, как я ломаю крышу, а потом дверь. Он не утешился, даже когда я ему показала сбереженный мною хлеб. Я нагрузила его досками и ручками от носилок, а сама сложила стопкой все семь хлебов: нельзя было доверить хлеб ему, он бы его обязательно слопал.

Доски ему тоже опасно было доверять, потому что он мог их потерять или бросить. Но я решила лучше смотреть за ним в дороге.

Доски он хотя бы грызть не станет.

Прилетела птица, покружилась над нами и уронила хлеб. Она опять улетела в ту сторону, куда указывала выложенная мною стрелка. Потом она скрылась за тучами, но я заметила вдалеке скалу, над которой она исчезла. Я постаралась хорошенько запомнить ее, чтобы не сбиться с пути. После этого оставалось только отправляться в дорогу, что я и сделала. А Лопоухий поплелся за мной, стелая и жалуясь.

Нам не повезло. Мы прошли только половину пути к намеченной скале, как из какой-то ямы вылезло трое доходяг. Они закричали, чтобы мы отдали им хлеб по-хорошему.

— Не-ет, — завопил Лопоухий, — это наш хлеб!

Он бросил доски, схватил палку и приготовился драться.

— Стой! — сказала я ему строго. — Их трое и они голодные. Голодный всегда сильнее.

Мы дадим им хлеба и пойдем дальше.

— Как это? — не поверил один из доходяг. — Вы САМИ отдадите свой хлеб?

— Ну да. А что же нам еще делать? Мы дадим вам хлеба, чтобы вы не отняли его у нас силой. Это понятно? Вот, берите.

Я положила на землю три хлеба. Они были страшно голодные, и так набросились на хлеб, что и про нас забыли. А я схватила Лопоухого за руку и потащила его прочь. Вот так и пропали наши дощечки, некогда было их подбирать. Осталась одна палка в руках Лопоухого. Ну да и это хорошо, все-таки оружие...

Когда мы отбежали на безопасное расстояние и оглянулись, мы увидели, что и бежали-то зря: эти трое сидели, уткнувшись в хлеб, и друг на друга-то не глядели, не то что на нас.

— Я должен вернуться и забрать доски? — уныло спросил Лопоухий.

— Да ну их! Другие найдем, — сказала я, чтобы он не очень переживал.

А он и не переживал. Он сразу же забыл про них, как только отвернулся. И начал клянуть хлеба:

— Да-а, чужим даешь, а мне жалеешь!

Пришлось дать ему кусочек. А за ним другой, это уж как водится. Он остановиться не может, пока все не подьест. Всего три хлеба у нас осталось на дорогу, а мы еще от дома едва отошли.

Но уж если не повезет, так не повезет.

Только мы забыли про эту троицу, как навстречу нам попала девушка-старуха. Шла она нога за ногу, вся какая-то горбатая, а лицо — молодое. Только уж такое несчастное и унылое, что на него и смотреть не хотелось.

Поравнявшись с нами, она тихо спросила:

— Где дорога к озеру Отчаяния?

— Тебе зачем туда?

— Уснуть бы... Очень тяжело мне.

Я молча протянула ей хлеб. Лопоухий ничего мне не сказал — тоже ее пожалел, значит... Хлеб должен ей помочь, ведь она его не отняла, а получила в подарок.

Были у нас еще встречи, и попадались нам все такие доходяги, прямо хуже Лопоухого! Каждому по кусочку, каждому по кусочку... В общем, когда мы подошли к той скале, у нас всего полхлеба осталось, мы его и съели. Сели мы у скалы спиной друг к другу, чтобы не стать для кого-то легкой добычей, и уснули. Потому что устали очень.

Проснулась я от запаха свежего хлеба.

Подумала — снится. Открыла глаза и вижу: передо мной лежит хлеб, а над нами белая птица кружит и не улетает. Так она и кружила, пока я Лопоухого расталкивала, пока мы с ним половинку хлеба жевали. Другую-то половину я приберегла, я ведь запасливая!

Потом мы встали, чтобы дальше идти, а эта белая птица будто понимает: она вперед полетела. А мы за ней пошли и скалу впереди заметили, за которой она скрылась.

Вот так вот, от хлеба до хлеба, от скалы до скалы, мы и дошли с другом моим Лопоухим до самого моря. До моря!

Сначала ветер стал какой-то незнакомый, мокрый, что ли... Потом вместо надоевшего тоскливого зуда мы услышали такое: уш-ш-ш... уш-ш-ш... уш-ш-ш... А после пошли горы из песка. Невысокие, но идти трудно, ноги вязнут. Потом мы взошли на одну горку, вперед поглядели, а там — вода. Много! Я и вспомнила:

— Знаешь, Лопоухий, что это такое?

— Водичка!

— А как называется?

— Скажи сама!

— Море это называется, глупый!

— Море... А я знаю, море должно быть синее!

— Чего-о?

— Синее море... — Вот чудак-то!

— Ты что, не видишь? Серое оно, как ты и я. Выдумал тоже — синее. Что такое — синее?

— Не знаю...

— Тогда молчи!

— Молчу. Ты только не бросай меня тут одного. Не сердись.

Во дает! Ну дурачок и дурачок, что с него взять? Пить море мы не стали, побоялись. Но подошли к нему близко-близко и стали мыться. Мы очень давно не мылись. Нам понравилось. Классно помылись! Лопоухий после мытья даже похорошел.

— Ты теперь на зайчика похож, — сказала я ему.

— Кто такой? — спросил он подозрительно.

— Зайчик-то? Ну, серенький такой, с ушами.

— Не кусается?

— Нет.

— Тогда ладно. Буду похож.

А потом мы увидели около моря большой город и пошли к нему. Скоро дошли, потому что очень он нам издали понравился. Он и вблизи был не хуже. В городе были дома красивей лагерных бараков и даже красивей нашего домика. У них было много окон, двери были и еще такие штуки... балконы называются. Также красивые, железные! Мы вошли в этот город и стали в нем жить.

Люди в городе были хорошие. Они совсем между собой не дрались почти, только если скандалили. Правда, скандалили они часто.

Но так, ни с того, ни с сего, да еще на незнакомых, почти не нападали. Главное, никто не ел своих. Те самые хозяева, что у нас в лагере зверствовали, сюда тоже прилетали и кой-кого уносили в когтях. Но чтобы загрызть кого прямо на глазах у всех — нет, этого не было. В общем, даже Лопоухий согласился, что это мы очень правильно сделали, что пришли сюда.

Дом у нас появился, классный такой дом.

Тут полно пустых домов, занимай какой хочешь — никому не жалко. Вот мы приглядели один такой и заняли. Над ним была настоящая железная крыша, окна, а внутри — стол и два таких, на чем сидят. Ух, и здорово! Первое время мы с Лопоухим только и делали, что на этих сидели. Ногам очень удобно, и руки можно на стол положить. Сидим, смотрим друг на друга и успокаиваемся.

Никто нам не мешал. Иногда кто-нибудь из горожан заглянет в окно, увидит нас, выругается и отчалит. Мы их не очень боялись: мы были крепче, и у нас палка была. А еще эти, на чем сидят. Ими тоже обороняться можно, я это сразу сообразила.

— Мы тут всегда будем жить? — спрашивал меня Лопухий.

— Посмотрим, — отвечала я. Но и сама думала, что лучше места нам не найти.

Мы часто ходили к морю смотреть на него. Садись рядом на берегу и смотри.

Та белая птица, что хлеб носит, увидела нас тут и стала хлеб сюда приносить. Прилетала она из-за моря, а потом опять туда улетала. Я знала, что один хлеб — это один день. Так и Лопухому сказала. Он, как всегда, ничего не понял, только протянул:

— Какая ты умная!

Умной быть хорошо, это даже он понимал.

А люди в городе все были глупые. И все ругались.

Идешь по улице, а кто-то навстречу идет.

Я на него даже не смотрю, а он пристаёт:

— Ты чего по моей улице идешь? Вот как дам по голове! — Но я-то умная, я без палки на улицу не выходила. Погрожу ему палкой, — он и отстанет. А между собой они все время ругались. Встанут друг против друга и начинают:

— Ты чего лезешь?

— Сам чего пристаешь?

— Дурак!

— Сам дурак!

Ухватятся друг за друга и дерутся, только куски летят. Оба дураки. Я сразу отбегала от таких подальше, а Лопухий вообще не любил ходить по улицам. Боялся. Но все равно это был хороший город. Может, мы бы тут и остались жить, если бы не дамба.

С того места, где мы каждый день встречали птицу с хлебом, был виден весь длинный берег моря. В одной стороне ничего не было, только песок и песок. А вот в другой стороне мы каждый день видели людей, которые что-то делали на берегу и в море. Мне любопытно стало.

— Давай пойдем, посмотрим, — говорю я как-то Лопухому.

— Не надо! — заныл он по привычке. — Там люди! — Но я его уговорила, и мы пошли.

Подходим и видим, что на берегу что-то строят. И опять охранники-душееды с дубинками всеми управляют. Тьфу ты, попались! Нас живо схватили и заставили таскать камни.

— Все ты виновата... Лучше бы я дома остался! Пусть бы ты одна на работу ходила! — ворчал Лопухий.

А мне работа сначала понравилась. Мы брали на берегу квадратные камни и несли их прямо в море, а там укладывали в такую стенку, дамба называется. Классно: кругом вода, и прямо в ней стена. По ней можно идти, как будто по морю. Я люблю, когда строят. Всякие разные вещи получают — дома, дороги, дамба вот эта... Это правильное дело.

Тут одну интересную вещь я узнала. Вот когда несешь камень на самый конец дамбы, а там уже другие камни лежат, то просто кладешь его сверху и все. А вот если все камни сверху уложены, то надо другие класть уже на дно моря. И тогда мы с камнями в руках сходили прямо под воду и там их клали на место. Душееды стояли над водой и палками показывали, куда класть. А мы работали под водой. И ничего нам не делалось! В воде было темно, но все-таки стену и камни можно было видеть. Сначала мы с Лопоухим боялись спускаться под воду, а потом ничего, привыкли. Мне даже понравилось: работаешь, а заодно пьешь и купаешься. Класс!

Когда душееды приказывали всем садиться и отдыхать, строители рассаживались в такую длинную-длинную цепочку по берегу.

Чтобы не ругаться и не драться во время отдыха. Но все равно им это не удавалось. Обязательно кто-то садился слишком близко к соседу, и начиналась ругань, а потом и драка. Мы с Лопоухим садились всегда в стороне от всех. Это было плохо, что нельзя ни к кому подойти и поговорить. Не с Лопоухим же разговаривать!

Потом вот что случилось. Когда наша дамба была готова, нам велели ее разрушать.

Я подумала, что мы что-то не так построили.

Ну что ж, надо исправлять. Мы снимали камни сверху, поднимали их со дна и относили на берег. Там другие строители складывали их в большие кучи. Ладно.

Разобрали мы всю дамбу, и тут нам приказали строить ее снова — все как было. Кошмар! Я не выдержала, подошла к одному дядьке и спросила:

— Вот мы построим дамбу, а потом что?

— Сама не знаешь, стерва? Издеваешься? Вот как врежу сейчас!

— У меня палка — видишь? Скажи лучше, что мы будем делать потом?

— Разбирать, вот что, идиотка!

Меня как по голове ударило. А так все было ладненько! Дом у нас был такой хороший, с крышей и окошками, а в нем стол и два на чем сидят. Хлеб нам каждый день птица носила. И работа была такая полезная, мы дамбу в море строили. И двое нас было, я и Лопоухий. И вдруг все мне опротивело: ну не могу я строить и разрушать одно и то же без конца! Не могу, не хочу и все тут!

— Будем уходить, — сказала я Лопоухому.

Он сначала захныкал, заскандалил:

— Иди! Одна уходи... Найду себе другую бабу! — Откуда он слова-то такие знает? Помолчал, а потом говорит задумчиво:

— А другая хлебушка не даст...

Обалдеть! Вот ведь сволота ушастая! В конце концов он успокоился, затих и буркнул из угла:

— Когда пойдём-то?

— Завтра. Птица принесет хлеб, мы его съедим и пойдем за ней.

— Как это за ней? Она же над морем летит!

— А мы по морю пойдем.

— Прямо по воде, значит. А море-то голое, увидят нас! Поймают и бить будут или хозяевам отдадут.

— Не бойся, не увидят. Мы по дну моря пойдем.

— заблудимся. Там темно.

— Не заблудимся. Нам ведь все равно куда идти, лишь бы отсюда подальше.

Тут меня очень удивил мой Лопоухий, уж так удивил! Он вдруг говорит:

— А хлеб в воде размокнет. Она мокрая.

— Так мы же его съедим!

— Не получится. У нас много хлеба. Не получится сразу съесть.

— Это откуда у нас много хлеба?

— А я кусочки прятал. Я ведь знал, что ты такая глупая и опять захочешь куда-то идти. Нет от тебя покоя! А по дороге ты наш хлеб всем раздавать будешь. Я тебя знаю. Вот я и насобирал кусочков. Они в доме спрятаны.

Обалдеть! Ну, удивил так удивил. Вот хитрюга! Пришли с работы домой, и он мне показал в углу старую рогожку, а под ней кучку мелких сухих кусочков хлеба. Сухарики называются. Вкусные — класс!

— Тут бросим? — спрашивает он, а сам по кусочку в рот отправляет.

— Еще чего!

Я взяла то, на чем сидят, перевернула, и получилось то, в чем носят. Сложила в него все кусочки и поставила на стол.

— И не трогай, а то объешься перед дорогой. Придется тогда тебя тут оставить одного.

Это сработало. Ни сухарика он не взял, только поскуливал, глядя на стол. А у меня был план, как сделать, чтобы люди с дамбы не погнались за нами, когда мы будем уходить по дну моря. Я боялась, что душееды отправят их за нами в погоню.

На следующий день мы пошли к морю пораньше. Люди уже сбредались к дамбе, но душееды еще не появились. Они всегда позже приходили. Я встала у начала дамбы и крикнула:

— Кто хлеба хочет? Подходи!

Сначала никто не поверил. Потом один подошел, поглядел, а потом как бросится ко мне с кулаками:

— Хлеб, говоришь? Я тебе покажу, как издеваться! Я тебя отучу камни вместо хлеба подсовывать!

— Да ты попробуй! Возьми кусочек, не бойся.

Он протянул руку и взял. Глаза у него так и полезли на лоб. Он разом проглотил сухарик, а потом выхватил мою носилку с хлебом и кинулся убегать по берегу. И тут все остальные с воплями бросились за ним. Вот и ладненько. Так и было задумано.

Я схватила Лопоухого за руку и потащила к тому месту, где мы всегда поджидали нашу птицу. Мы как раз вовремя успели, она уже кружила над берегом.

И тут случился хороший случай: вместо одного хлеба птица скинула два. Мы стали скоренько есть, а она кружилась над нами и не улетала, пока мы не доели все и не пошли к воде.

Мы взялись за руки и пошли в воду. Лопоухий, конечно, рыдал помаленьку. Но скоро его не стало слышно, потому что вода покрыла нас с головой.

Мы шли по песчаному серому дну, вокруг была темная вода. А над нашими головами, над водой плыл белый крестик. Это наша птица летела, показывая нам дорогу.

Очень долго и очень трудно мы шли по дну моря. Было темно, тоскливо и глухо. Тишина стояла мертвая. В общем, кошмар. Мне было хуже, чем Лопоухому. Я видела, что он на ходу строит скорбные рожи, шевелит своими губищами — ворчит и жалуется. Ему так легче было идти. Он не сообразил, что я его не слышу в воде.

Долгое время мы шли в полной темноте, но я все равно шла и тащила Лопоухого за руку. Потом над нами снова появилась сначала белая искорка, а потом — белый крестик.

Птица наша нас не покинула. Значит, мы и в темноте не сбились, все время прямо шли.

Под конец пути у меня стали подкашиваться ноги. Я каждый шаг делала с трудом и почти сваливалась. А уже было ясно, что идти осталось недолго. Вода стала серой, и крестик над головой снова превратился в птицу.

И вот наши головы, сначала его, потом моя, высунулись из воды. Но что творилось вокруг нас! Огромные волны набегали сзади, захлестывали с головой, а потом швыряли нас на каменистое дно. Шум стоял зверский, в голове аж гудело.

Вдруг меня накрыло особенно высокой волной и оторвало от Лопоухого.

— Держись и выходи на берег! — успела я ему крикнуть. Тут меня шарахнуло головой о камни, и что было дальше, я уже не помню.

Глава 9

Я очнулась, но не открывала глаз. Позади шумело море: выходит, либо мне удалось самой выбраться, но я этого не помню, либо меня выбросило штормом на прибрежный песок уже без сознания. Над моей головой кричали какие-то птицы. «Чайки...» — вспомнила я и открыла глаза.

Перед моими глазами маленький паучок карабкался вверх по сухой травинке.

— Будем жить дальше? — спросила я его.

Полежала еще немного и поднялась.

Справа и слева от меня простирался широкий песчаный пляж, а за спиной возвышалась дюна, поросшая кустарником и приземистыми соснами. Небо было серо-голубым, солнце скрывалось за дымкой, но я ощущала на лице его тепло.

А где же мое чудище лопухое? Я вскочила на ноги и огляделась. Нигде ни души. Я пошла вдоль берега, крича: «Лопухий, ты где? Отзовись!» Прошла в одну сторону, потом в другую. На берегу шторм оставил гряду мусора, в ней виднелись и крупные предметы: обломки деревьев, облепленные водорослями кусты, дохлые рыбы. Но ничего, что бы хоть издали напоминало моего друга.

Я прошла по кромке воды, вглядываясь в ямы между камнями, о которые разбивались все еще мутные после шторма волны. Ничего похожего на человеческую фигуру я не увидела. Неужели он утонул, и его штормом унесло в открытое море?

Я взошла на дюну, но и с нее никого не увидела на пустынном берегу. Еще какое-то время я бродила по ней, зоря его и плача от жалости. Мой единственный друг, с которым мы прошли через такие испытания. Такой глупенький, беспомощный и верный. Где же ты, Лопухенький?

В сосновом лесу я обнаружила узкую тропинку и пошла по ней. Через некоторое время она вывела меня на шоссе. По нему в обе стороны мчались автомобили, а сбоку шла пешеходная дорожка, обсаженная олеандровыми кустами, сероватыми от пыли. Пыль или не пыль, но это были настоящие живые цветы, белые и розовые. Между кустами стояли каменные скамьи. Я села на одну из них, откинулась на спинку и закрыла глаза. Пахло олеандрами и бензином, разогретым асфальтом и морем. Как тут хорошо! И как смел он погибнуть возле такого берега?

— Простите, вам, кажется, плохо? Я не могу вам чем-нибудь помочь?

Я открыла глаза. Возле меня, участливо склонившись ко мне, стоял загорелый молодой человек в джинсах и белой майке.

— Можете, наверно. У меня во время шторма утонул друг. Здесь есть полиция, что бы сообщить о нем и попросить, чтобы занялись его поисками?

— Кажется, я видел вывеску полиции неподалеку. Если позволите, я провожу вас.

— Буду очень благодарна. Я ведь нездешняя.

Мы пошли по пешеходной дорожке и вскоре вышли к нарядным виллам за чугунными и каменными оградами. Возле них росли пальмы, опунции и юкки, бугенвиллеи и гибискусы и множество роз. Все в цвету, но немножко пыльные.

— Вы издалика приехали в наш город? — спросил незнакомец.

— Из-за моря.

— Самолетом или пароходом?

— Кажется, мы плыли по морю. Но точно я сказать не могу, в суматохе как-то забылось, знаете ли...

— Это бывает. Вы приехали сюда с другом и сразу пошли купаться в незнакомом месте, да еще в шторм?

— Я думаю, это была его идея. Он такой романтичный...

— Это был ваш близкий друг?

— Единственный друг. И вот он утонул...

— Это так печально.

— А у меня в этом городе совсем нет друзей.

— Вы давно здесь живете?

— Сколько себя помню, столько и живу.

Так, беседуя, мы дошли до широкой улицы с многоэтажными домами и большими магазинами. Навстречу и мимо нас шли нарядно одетые люди, беспечные и неторопливые. У многих в руках были пляжные сумки, зонтики и свернутые в трубку тростниковые подстилки, — типичная курортная публика.

Уже было позднее утро, и солнце, вышедшее из дымки облаков, стало разогревать воздух. В такое утро надо выходить из дома в светлом платье и соломенной шляпе. Мы как раз проходили мимо магазина одежды с манекенами и зеркалами в витрине. Незаметно для спутника я скосила глаза на свое отражение и успокоилась: я была одета соответствующим образом. На мне было простое белое платье, очень открытое и вместе с тем скромное и элегантное, и шляпа из соломки с широкими полями вполне к нему подходила. Я опустила глаза и похвалила себя за то, что выбрала для этой погоды очень открытые босоножки.

— Вы никуда не спешите? Может быть, мы выпьем по чашечке кофе?

— С удовольствием. Кажется, я не успела это сделать дома, торопясь по делам.

— Вы их уже закончили?

— Я их решила отложить. В сущности, они не такие уж важные.

— Давайте присядем! — сказал он.

Мы как раз поравнялись со столиками, стоящими на тротуаре перед маленьким кафе. Мы сели, и он решил продолжить знакомство.

— Как вас зовут?

Стоит ли называть свое имя? А впрочем, какое это имеет значение...

— Жанна. А вас как зовут?

— Джордж.

Никогда не встречала никого с таким именем.

— Двойной эспрессо? — спросил Джордж.

— Да, как всегда.

Себе он заказал большую кружку простого кофе.

Мы сидели, пили кофе и глядели на море, видневшееся в просвете между домами на противоположной стороне улицы.

Я допила свой кофе и решила, что было бы неплохо пройтись по набережной. Поставила на столик пустую чашку, встала и пошла через дорогу.

На одном из домов я увидела вывеску «Полиция». Почему-то мне на одно мгновение показалось, что у меня есть какое-то дело в этом учреждении, но поскольку сразу не вспомнилось, какое именно, я решила, что, скорее всего, это какие-нибудь пустяки и не стоит тратить на них такое спокойное утро. Я прошла мимо полиции и скоро вышла на набережную.

На пляже уже было полно загорающих.

Кто-то купался в море, молодежь занималась серфингом или играла в мяч, но еще больше людей просто прогуливалось по набережной.

Шелестели на ветру серо-зеленые приземистые пальмы с бочкообразными волосатыми стволами. В пестрых киосках торговали мороженым, напитками, сувенирами и разной пляжной мелочью.

Я подошла к барьеру, отделявшему набережную от пляжа, облокотилась на него и стала смотреть на море. Над моей головой кричали чайки, из ресторана доносилась спокойная блюзовая мелодия. Неподалеку от меня остановились две девушки в купальных костюмах и стали кормить чаек кусочками хлеба.

Низко надо мной пролетела какая-то большая белая птица, кажется, альбатрос, и вдруг что-то выронила прямо к моим ногам.

Я опустила глаза и увидела, что это небольшой круглый хлебец. Сначала я небрежно откинула его кончиком ноги, но потом подняла и тоже стала кормить чаек.

Позже, когда птицы мне надоели, я снова прогуливалась по набережной, останавливаясь у киосков и разглядывая сувениры. В конце набережной начинался парк. Я решила зайти туда.

Возле парка мне навстречу попался высокий молодой человек в синих джинсах и белой майке. Его красивое загорелое лицо показалось мне смутно знакомым. Поравнявшись со мной, он замедлил шаг и как-то неопределенно поклонился. Я вежливо и спокойно кивнула в ответ.

— Простите, — сказал он, останавливаясь. — Я вас не сразу узнал. Это действительно вы?

— Да. А это вы. Мне еще издали ваше лицо показалось знакомым. Как давно мы не виделись!

— Я слышал, вы совсем пропали. Куда-то уезжали?

— Да, я была довольно далеко отсюда.

— Путешествовали?

— Нет, это было не путешествие.

— Деловая поездка?

— Что-то в этом роде. Но мне не хочется о ней вспоминать. Там были какие-то неприятности...

— А сейчас вы куда-нибудь спешите?

— Нет. Просто вышла прогуляться по на бережной.

— Можно, я составлю вам компанию? Мы так давно не виделись...

— Я буду только рада. Мне уже наскучило гулять одной. Впрочем, вы ведь знаете, я всегда скучаю... — Он пошел рядом.

— Вы любите море? — спросила я, чтобы наше молчание не показалось ему тоскливым.

— Да. А вы?

— Тоже. Человек, которого я любила и потеряла, очень любил море. Синее море.

— Как его звали?

— Зачем вам это знать? Это совершенно не важно, это было так давно, что я сама за была его имя.

Мы помолчали.

— Я тоже любил женщину и потерял ее.

Мою жену. Она умерла.

— Как жаль.

Мы вошли в парк и подошли к пруду со странными зелеными лебедями. Рядом в большой круглой беседке располагалось кафе.

— Не хотите ли выпить по чашечке кофе?

— Да, с удовольствием. Кажется, я сегодня утром не успела сделать это дома.

Мы уселись за столик так, чтобы видеть море в просветах между деревьями. К нам подошла молоденькая официантка.

— Двойной эспрессо? — спросил мой спутник.

— Да, как всегда.

Себе он взял большую чашку простого кофе. Я вспомнила, что он всегда пил простой кофе с большим количеством молока и сахара.

Неподалеку от нас крутилось под музыку огромное обзорное колесо с легкими открытыми кабинками. Я бездумно загляделась на него.

— Как вас зовут? — спросил он.

Стоит ли называть себя? А впрочем, почему бы и нет...

— Энн. А вас?

— Егор.

Никогда не встречала никого, кто бы носил такое имя.

— Вы ведь недавно приехали в этот город? — спросил Егор.

— Да, недавно. Но он уже успел мне надо есть.

— А хотите полюбоваться на него сверху? Город того стоит, уверяю вас!

— С удовольствием.

Мы расплатились, встали и пошли к колесу. По деревянным ступенькам поднялись на помост, где кабинки задерживались на короткое время, чтобы люди могли занять места. Каждая кабинка была на одного человека. Мой знакомый пропустил меня вперед, а сам сел в следующую. Колесо двинулось, и моя кабинка, чуть подрагивая и покачиваясь, поплыла вверх.

Город сверху выглядел довольно нарядно, несколько больших парков и сады вокруг особняков очень украшали его. Особый шарм ему придавали старинные замки на холмах, окружавших город и бухту. Но как, однако, все это пригляделось и надоело! В сущности, все приморские курортные города похожи один на другой.

Колесо приостановилось, и моя кабинка зависла на самом верху. Отсюда была видна вся бухта. С одной стороны ее запирали высокие, с виду совершенно неприступные скалы, уходящие прямо в море, с другой далеко, до самого горизонта тянулась полоса желтых пляжей. Вдоль нее угадывалась почти такая же длинная полоса отмелей. Городские пляжи кое-где прерывались поросшими сосновым лесом дюнами. Довольно скучный ландшафт.

Моя кабинка пошла вниз и вскоре коснулась помоста. Я открыла дверку, вышла на помост, спустилась по ступенькам и пошла к выходу из парка. Я утомилась, и мне захотелось вернуться в пансион, принять душ и лечь в постель.

В пансионе портье, увидев меня, молча снял с доски ключ от моей комнаты и протянул его мне.

— Почты для меня не было?

— Нет, мадам. Сегодня не было.

Я поднялась к себе, разделась, приняла душ и легла в постель. Решила посмотреть перед сном телевизор, взяла с тумбочки пульт и принялась бездумно нажимать кнопки. По всем программам показывали совершеннейшую чушь, и я ни на чем не смогла задержать внимания. Тогда я достала снотворное и приняла две таблетки, чтобы уснуть сразу и наверняка. Мелькнула мысль: а не выпить ли все таблетки, сколько их там осталось в флаконе, чтобы завтра не просыпаться и не начинать еще один долгий и ненужный день? С этой мыслью я и уснула.

Утром я проснулась поздно, с разбитым телом и тяжелой головой, и решила, что больше так продолжаться не может. Надо взять себя в руки и отдохнуть, как все нормальные люди, ведь для тоски и тревоги, в сущности, нет никаких оснований.

Решить — это, конечно, хорошо, но где взять силы? Для начала я позвонила портье и заказала завтрак в номер, а сама пошла в душ. Вода шла только теплая: как я ни крутила оба крана, я не смогла добиться ни холодной, ни горячей, так что шведский душ у меня не получился. Пока я мучилась с душем, остыл мой кофе. Что же касается аппетита, то его и не было. Выкатив столик с уже ненужным завтраком в коридор, я села к зеркалу, чтобы хоть как-то привести себя в порядок.

Мое лицо в зеркале мне определенно не нравилось. Конечно, оно было гладким, без единой морщинки или пятнышка. Прежде глаза у меня были голубые, а теперь стали фиалковыми. Изменился и разрез глаз: они стали больше и чуть подтянулись к вискам.

Волосы из светло-русых стали золотыми с рыжинкой, причем без помощи краски, естественным путем. Больше двадцати семи лет мне никак нельзя было дать, но в этих необычных фиалковых глазах застыла такая тоскливая усталость, что мне самой в них смотреть не хотелось. Я медленно и старательно расчесывала свои пышные волосы, отводя глаза от какого-то чужого и совсем мне не интересного отражения в зеркале.

Потом я долго выбирала костюм для сегодняшней прогулки, подбирала к нему туфли, украшения и сумочку. Наконец я была готова, и вопрос, как убить новый день, встал передо мной со всей убедительностью своей неразрешимости.

Услышав дежурный ответ портье: «Для вас, мадам, сегодня ничего нет», я кивнула, положила ключ на стойку и вышла из пансиона.

Для начала я решила пройтись по Главной улице, которая шла параллельно набережной через весь город. Я рассматривала шикарные витрины, но никаких покупок не делала. Потом меня вдруг соблазнила крохотная стрекозка из серебра со вставками из австралийского опала, сделанная в стиле модерн. Я открыла сумочку, чтобы посмотреть, хватит ли у меня наличных денег. Была только мелочь, но я захватила банковскую карточку. Можно было взять деньги в автомате, номер я помнила, он был очень простой — 666, а можно было купить стрекозку по карточке.

Пока я так стояла перед витриной ювелирного магазина и раздумывала, я вдруг заметила, что в витрине отражается противоположная сторона улицы, а там стоит какой-то господин и явно наблюдает за мной. Я отвернулась от витрины и быстро пошла прочь.

Только уличных знакомств мне не хватало!

Он догнал меня на перекрестке и тронул за плечо.

— Простите, вы меня не узнаете?

Лицо его показалось мне смутно знакомым, а в остальном он был похож на сотни других прохожих: довольно стройный, спортивного сложения, одет в джинсы и белую майку.

— Мы с вами где-то встречались?

— По-моему, да. Я уже давно иду за вами и по дороге пытаюсь вспомнить, где и когда.

— Так вы меня преследуете?

— Ну что вы! Зачем так грозно? Я просто хотел увидеть ваше лицо и попытаться припомнить, где же мы с вами встречались? Как вас зовут?

— А вам не приходит в голову, что вы просто заметили сходство с кем-то из действительных ваших знакомых?

— Нет. Вот вы говорите, а я и по голосу слышу, что мы были очень хорошо знакомы. Я узнаю все ваши интонации, я их как бы слышу еще до того, как вы открываете рот, чтобы отчитать меня.

— Я вас не отчитываю. Но я, кажется, вспомнила, где мы с вами встречались.

— Так где же? Говорите скорей, прошу вас!

— Вы вчера были в городском парке?

— Да, вроде бы... Я часто хожу через парк, это как раз мой путь от пляжа к отелю.

— А вы вчера не катались на колесе обзора?

— Совершенно верно! Мне вдруг вчера пришла в голову мысль поглядеть на город с высоты птичьего полета!

— Так вот там мы с вами и виделись. И я вчера каталась на этом колесе, и по-моему, я вас тоже заметила.

— Чрезвычайно польщен. Мне кажется, по этому поводу стоит зайти в кафе и выпить по бокалу шампанского.

— С утра? Я слышала, русские говорят, что с утра шампанское пьют только лошади.

— Тогда, может быть, кофе?

— От кофе не откажусь. К тому же мне сегодня не удалось выпить кофе у себя дома.

— Ваша горничная бастует? — Я засмеялась.

— У меня никакой горничной нет и ни когда не было. — Мы пошли по улице и вскоре вышли на площадь, где вокруг фонтана были во множестве расставлены легкие столики с плетеными стульями. Мы сели и заказали кофе. Я — двойной эспрессо, а он — большую чашку простого кофе с двойной порцией молока и сахара.

— Вы знаете, — сказал он, помешивая ложечкой свой ужасный напиток, — как-то не верится, что у вас никогда не было горничной. Вы одеты и говорите, как очень светская женщина.

— Увы, я очень обыкновенная женщина.

— А ваш муж, кто он?

— У меня нет мужа. Уже давно нет.

— Вы — вдова. Теперь я понимаю, откуда у вас такая грусть в глазах.

— Разве я не могу быть просто брошенной женой и грустить по этому поводу?

— Вы?! Никогда! Таких женщин не бросают! — А, так он обыкновенный ловелас.

Мне сразу стало скучно. Но он этого не заметил и продолжал разговор:

— Давайте познакомимся по-настоящему. Как вас зовут? — Стоит ли называть ему мое имя? А впрочем, какое это имеет значение...

— Хуанита. А вас как зовут?

— Жорж.

Никогда не встречала никого, кто бы носил такое имя. И зря я начала это знакомство, надо это прекращать.

— Видите, там, на углу стоит девушка и продает розы. Принесите мне, пожалуйста, одну белую розу.

Он встал, не говоря ни слова, и направился к девушке. Я тоже встала и пошла в другую сторону.

Я провела унылый и ничем не заполненный день: погуляла по набережной, послушала фальшивую игру уличного оркестра, потом спустилась на пляж, взяла шезлонг и даже немного поплавала. Вода была теплой, как остывший чай, и поэтому купанье не доставило мне ничего, кроме отвращения.

Я дремала в своем шезлонге, а рядом две молодые женщины вели громкий разговор.

Я совсем этого не хотела, но пришлось выслушать его от начала до конца.

— Дорогая! Я так рада тебя видеть! Ты довольна, что я тебя разыскала на этом всемирном лежбище?

— Нет, только что пришла.

— Ты уже купалась?

— Да, перекусила на набережной. Там, у греков, очень вкусные салаты из морских фруктов. У тебя новый купальник?

— Конечно. Я ему так и сказала, что на пляже люблю бывать одна или с подругами. Знаешь, он уже изрядно мне надоел.

— Кто тебе успел рассказать? Мы с ним только сегодня решили, что с завтрашнего дня переезжаем в один пансион и снимаем номер на двоих. Он такой забавный!

— Какой ужас! Не верю... Хотя, знаешь, дорогая, с произведениями искусства всегда так: ориентируешься на высокую цену и думаешь получить нечто подлинное кисти большого мастера, а тебе вручают мазню начинающего недоучки, который оказался племянником галериста.

— Совершенно с тобой согласна. Во всяком случае, я свою маникюршу никогда не рекламирую, чтобы потом не оказаться в очереди позади тех, кому имела глупость дать ее телефон.

— Ты права! Все мужчины обманщики, никому из них верить нельзя.

От их стрекотанья у меня разболелась голова, и я покинула пляж. Я нашла уютный с виду

ресторанчик и решила поужинать: может быть, я просто голодна, и поэтому так болит голова?

Я села за пустой столик в углу зала, заказала луковый суп, шашлык из креветок и белое вино к ним. Я только покончила с супом, как ко мне подсел какой-то плохо выбритый субъект, весь в металле и коже, и сразу же пошел в атаку:

— Скучаешь, кошечка?

— Я не скучаю, я ужинаю. Этот столик, между прочим, уже занят.

— Вот и хорошо! Я тоже один. Мы сольем наши два одиночества в одном бокале и не много повеселимся.

— Вы не могли бы оставить меня в покое?

— Об этом не беспокойся, детка: я сегодня при деньгах. Выиграл на скачках. Тебе шампанское, а мне — виски.

— Вы что, простых слов не понимаете?

— Какое тебе дело до моего имени? Да я сам не помню, как меня зовут!

И он заржал на весь ресторан. Официант услышал и подошел к нам.

— Что угодно?

— Этот молодой человек подсел без приглашения за мой столик. Не могли бы вы предоставить ему другой?

— Сию минутку, мадам. Двойной эспрессо... Желаете еще что-нибудь на десерт?

— Счет, пожалуйста.

Это он услышал. Я расплатилась по карточке. Все это время наглый тип сидел, вальяжно развалившись на стуле, и разглядывал меня в упор. Я встала, и он тотчас поднялся, явно готовый следовать за мной.

— Где у вас туалет? — вполголоса спросила я официанта. Он показал мне дверь за углом стойки бара. Я пошла к туалету, а тип остался ждать меня у выхода из ресторана.

Я прошла мимо туалета и толкнула наугад какую-то дверь без надписи. Она открылась, и я увидела перед собой тесный дворик, заставленный ящиками и бочками. Быстро перебежав его, я оказалась у ворот, выходящих на другую улицу. Больше в этом городе я одна в ресторан не пойду даже ранним утром.

Я подошла к пансиону, когда уже начало темнеть. Но и здесь меня поджидали. У входа стоял незнакомый человек с белой розой в руке. Увидев меня, он подошел, улыбаясь и протягивая розу.

— Вот ваша роза!

— Какая еще роза? Вы с ума сошли?

— Еще нет. Вы просили принести вам белую розу, я и принес. Пожалуйста!

— Кто вы такой и что вам от меня надо? Я сейчас позову портъе, а он вызовет полицию!

— Не сердитесь, я сейчас все объясню!

— Хорошо. Объясняйте, — я поднялась на крыльцо и коснулась пальцем кнопки звонка, но не нажала. — Ну, что вы там хотели мне объяснить? Говорите. Я даю вам три минуты.

У незнакомца сделалось такое несчастное и растерянное лицо, что мне стало его жаль. К тому же лицо показалось мне смутно знакомым.

— Я не могу объясняться с вами прямо на улице. Может быть, мы пойдем в ресторан и поужинаем вместе?

— Я уже поужинала. И к тому же мне кажется, что вы уже подходили ко мне сегодня или вчера и даже без приглашения усаживались за мой столик. Прекратите меня преследовать!

— Пожалуйста, выслушайте меня! — его голос стал умоляющим и показался мне искренним.

— Хорошо, будь по-вашему. Я вас выслушаю. Но для этого мы пройдем в бар моего пансиона, закажем кофе, и за ним вы расскажете мне, по какому праву все время оказываетесь у меня на пути. Согласны?

— Благодарю вас!

Мы вошли в фойе, и я вопросительно поглядела в глаза портъе. Он помотал головой и подал мне ключ от номера. Я положила его в сумочку и направилась в бар, а мой преследователь — за мной.

Мы сели на высокие табуреты у стойки, над которой висело огромное зеркало, и заказали кофе: я — двойной эспрессо, а он — большую чашку простого кофе с молоком и сахаром.

— Я слушаю вас.

— Как вас зовут?

Стоит ли называть свое имя? Впрочем, почему бы и нет...

— Анни. А вас как?

— Юрий.

Никогда не встречала никого, кого бы так звали.

— Что вы хотели мне рассказать?

— Не рассказать, а спросить: где мы могли с вами встречаться? Мне так знакомо ваше лицо!

— Мне тоже знакомо ваше лицо. Мы встречались на улице. На днях. И не раз и не два.

— Нет, не сейчас, а раньше?

— А где вы жили раньше?

— Я жил в другой стране. Но я не помню, что это за страна и что я там делал. Я был женат на

красивой и разумной женщине. Пока она была жива, все было прекрасно, я жил нормальной жизнью и был счастлив.

— У вас были дети?

— Да, сын. Но он исчез после смерти моей жены. Может быть, его взяли на воспитание ее или мои родственники? — он потер рукой лоб. — Нет, в точности я не помню.

— Как звали вашу жену?

— А в самом деле, как же ее звали? Лиззи? Марьяна? Руфь? Нет, не могу вспомнить...

— Чем вы занимаетесь в этом городе?

— Ничем... Просто стараюсь как можно веселее проводить свободное время.

— А в прошлом чем занимались?

— Кажется, я был моряком или рыбаком.

Мне часто снится море стального цвета, холодное и неприятное. А берег плоский и песчаный.

— Это может быть Балтика.

— Вы там бывали?

— Нет. По-моему, я об этом где-то читала. Теперь ваша очередь спрашивать.

— Я уже знаю, что вы вдова. У вас была какая-нибудь профессия до того, как вы попали в этот город?

— Я не помню, чтобы я когда-нибудь вынуждена была работать. Но я интересовалась искусством, ходила на выставки и, кажется, очень любила кино.

— А кем был ваш муж? Он, я думаю, был состоятельным человеком?

— Не помню. Скорее всего, да. Но он не занимался бизнесом, он был добрый и слабый человек.

— У вас были дети?

— Нет, детей не было.

— А как он погиб?

— Разбился самолет, в котором он летел домой. Или погребло судно, на котором он плыл. По-моему, мне так и не сообщили подробностей.

— Вы сказали, что любили искусство. А какую, например, музыку?

— Бах, Вивальди, Гайдн...

— Вы говорили о кино. Какие вы помните фильмы?

— Старые польские фильмы. «Пепел и алмаз», «Пейзаж после битвы», «Канал»... Помню, мне когда-то нравился русский режиссер Тарковский. «Сталкер», «Солярис»...

— Может быть, вы русская или полька?

— Определенно нет. Я ощущаю себя жительницей Западной Европы. Россия — это что-то далекое и чужое, какие-то неприятные ассоциации у меня с этим связаны.

— А какой вам запомнился пейзаж из прошлой жизни?

Я закрыла глаза, припоминая.

— Пейзаж... Знаете, мне тоже вспоминается серое море в дюнах.

— Значит, Прибалтика! Или Северная Германия! Мы с вами встречались на берегах Балтийского или Северного моря. И откройте, пожалуйста, глаза. Мне так нравится смотреть в них. Вам кто-нибудь говорил, что у вас необыкновенные фиалковые глаза?

Так он просто изысканный курортный ловелас, если не жиголо.

— Да будет вам! — я рассердилась и нарочно поглядела на него карими глазами.

— Зачем вы это сделали? Пожалуйста, верните себе естественный цвет глаз!

Как он меня утомил! Естественный цвет глаз... А почему бы и не все остальное? Ну что ж, это будет даже забавно.

Я повернулась лицом к стойке бара, чтобы увидеть отражение своего лица, когда оно изменится, и сосредоточилась, прикрыв глаза. Когда я их открыла, я увидела в зеркале изможденное безгубое лицо старухи с воспаленными блекло-серыми глазами и седыми космами, висящими вдоль провалившихся щек.

— Это ты! Я нашел тебя!

Я обернулась к моему собеседнику. Он глядел на меня счастливыми глазами.

— Ты меня не узнаешь? Это же я, я! Ты звала меня Лопухим!.. Смотри!

Он на миг закрыл глаза. Лицо его исказилось, поплыло, а потом превратилось в обтянутый пергаментной кожей череп с огромными торчащими ушами. Он открыл свои глупые зенки, и из них градом посыпались слезы.

— Лопухенький! Чудище мое бесценное! Где же тебя носило?

Мы вскочили, роняя стулья, и бросились в объятия друг друга.

Глава 10

Мы поселились в белой вилле на холме, неподалеку от моря, и больше друг с другом не расставались.

Днем мы бродили по городу, гуляли в парках, ходили на пляж. Облики спортивного красавчика и холеной леди мы сбросили с себя, как надоевшие карнавальные костюмы, и ходили по городским улицам в своем подлинном виде, похожие на двух старичков, сбежавших из приюта. На нас с удивлением посматривали прохожие, а некоторые откровенно смеялись и указывали на нас пальцем. В городе, где каждый мог принять любую внешность и менять ее так же легко, как меняет туалеты кинозвезда, такое не носили. Но прежний облик был нам дорог еще и

потому, что вместе с ним к нам вернулась память.

— Ты очень красивая! — по десяти раз на день говорил мне Лопоухий, и его лягушачий рот умильно растягивался до ушей, а глаза сияли, как звезды. И мне была привычна и дорога каждая складочка на его нелепых ушах.

Вечера, а часто и добрую половину ночи, мы проводили у себя на веранде, сидя в плетеных креслах, глядя на сверкающий внизу город и предаваясь воспоминаниям. Мы вновь и вновь вспоминали пережитое вместе: жуткий лагерь, где мы узнали друг друга, бегство и полную опасностей жизнь в убогой каменной лачуге у черной скалы, потом долгий путь через пустыню и унылую жизнь в сером городе у серого моря.

— Помнишь, как ты сердилась, когда я сказал, что море должно быть синим?

— А ты помнишь, как смешно мы называли стулья? — «То, на чем сидят».

Опасный переход по дну моря теперь казался уже не таким страшным, ведь в конце концов все закончилось хорошо. Лопоухий рассказал, что он тогда сумел выбраться на берег сам и вынес меня на руках. Вынес, положил на песок и попытался привести в чувство, а потом отвлекся и ушел, позабыв меня на берегу. Он очень в этом раскаивался.

Лопоухий полюбил мои рассказы о Рае, о жизни в Долине, о моей райской семье. Он мог их слушать без конца, и мне приходилось повторять их помногу раз.

— Но ведь тут тоже хорошо, правда? — неизменно заканчивал он беседы о Рае. — Теперь мы никогда не расстанемся и вечно будем жить в этом городе, правда? — Но в его глазах была тревога.

Я успокаивала его как могла. Я видела, он понимает, что мне совсем не нравится этот роскошный благополучный город. Если бы не он, я бы давно ушла отсюда куда глаза глядят. Я могла бы разведать, например, что там находится за скалами, замыкающими бухту с одной стороны. Или предпринять путешествие по берегу моря, уйти за цепь городских и диких пляжей. Но я боялась даже начинать об этом разговор.

Мне и этот город, и эта вилла со стильной мебелью, садом и бассейном казались какой-то театральной декорацией. Не нравились мне и жители города. Они пытались наслаждаться жизнью, им было доступно все, что укладывалось в потребительское понятие «красивой жизни», даже собственный возраст и внешность. Они не болели и не умирали, но они изнывали от скуки и ничегонеделанья, от всеобщего ко всему и ко всем равнодушия. Здесь никто никого не любил.

Пары как-то случайно и бездумно сходились, иногда какое-то время жили вместе, томясь от тоски вдвоем и лениво скандаля, потом так же случайно и нечаянно расходились, а встретившись на другой день на улице, уже не узнавали друг друга. Никто ничего не помнил ни о себе, ни о других. Вообще ни о чем.

— Я вижу, что тебя что-то беспокоит, — тревожился мой друг. — Скажи мне, чего тебе не хватает? Ты же знаешь, я все для тебя сделаю, все для тебя достану.

Это я знала. Здесь любой мог «достать» все что угодно — достаточно было об этом просто подумать.

Однажды я сказала, что мне не хватает книг.

— Так у нас же есть библиотека! — радостно воскликнул Лопоухий.

Он тут же вскочил, схватил меня за руку и потащил к двери, которую я до сих пор считала дверью одной из комнат для гостей, и распахнул ее. За нею оказалась библиотека с книжными шкафами вдоль стен, большими окнами, столом посередине и двумя удобными креслами возле него.

В одном шкафу стояли детективы и женские романы, во втором — руководства по уходу за кожей и телом, учебники массажа, модные журналы, поваренные книги и прочий вздор. Целый шкаф занимали порнографические издания. Это меня отнюдь не удивило: я уже давно заметила, что души здесь, в этом городе, лишенные возможности грешить телесно, очень часто отличались какой-то повышенной внешней похотливостью: ни дать ни взять сластолюбивые и бессильные старички и старушки.

Еще один книжный шкаф был забит жуткой советской макулатурой, начиная от фальшивых мемуаров фрейлины Вырубовой, творений Парфенова и Бабаевского и кончая желтенькими авто- и просто биографиями деятелей эпохи перестройки.

Поразил меня своим содержанием маленький резной шкафчик, стоявший в самом углу, поначалу вовсе мной не замеченный. Он имел два отделения: в одном тесно стояли старинные фолианты в кожаных переплетах с золотыми тиснениями, в другом были тоненькие яркие брошюры. И те, и другие оказались руководствами по черной магии, колдовству, произведениями оккультистов и знаменитых экстрасенсов.

Я принялась за женские романы, а Лопоухий за детективы. Этого хватило, чтобы заполнить много долгих вечеров. Потом мы поменялись: я принялась читать детективы, а Лопоухий прилежно изучал дамские романы.

В результате он недели две изъяснялся со мной таким примерно образом:

— Дорогая! Ты безраздельно царишь в моей душе. Ты — женщина моей мечты. Мне нравится смотреть, как ты поправляешь волосы извечно женским движением. Мне никогда не постичь тайные извивы твоей женской души. Я люблю тебя, как птица любит небо! Только смерть может нас разлучить!

Он не понимал, почему я хохочу, внимая его изысканным комплиментам: он так старался постичь тайные извивы моей души!

В конце концов и это чтение надоело.

Как-то с утра, не вынеся смертельной скуки, я принялась за чтение учебников черной магии. В одной из книг я увидела старинную гравюру, изображавшую «Торжество Люцифера». Меня будто по голове шарахнуло: я видела эту мерзкую морду, причем не в книге, а как-то более живо, то ли в кино, то ли по телевидению. Но в своем доме я этого держать не хочу! Я вырвала страницу из книги и повернулась к Лопоухому:

— У тебя есть спички?

— Ты что, хочешь курить? Ведь ты не куришь!

— Не спрашивай, просто найди и дай мне спички... — Он как раз сидел возле курительного столика, на котором лежали сигары, сигареты, трубки, и, конечно, где-то там должны были быть спички. Он нашел их и перебросил мне через стол. Я скомкала страницу, положила ее в

пепельницу и подожгла. Она вспыхнула, и пламя мгновенно взлетело до самого потолка, метнулось по нему в сторону окна и охватило легкие шелковые занавески.

Я схватила Лопухого за руку:

— Бежим! Быстро, иначе сгорим!

Мы едва успели выскочить из дверей виллы, пожар гнался за нами огненным драконом. Мы выбежали на веранду и помчались вниз по каменной лестнице, к воротам, возле которых стоял наш автомобиль. Мы были еще на середине лестницы, когда раздался грохот и снизу на нас пахнуло жаром: это вспыхнул и взорвался наш крайслер.

Лопухий схватил меня на руки и, перепрыгнув через перила, помчался напролом через розовые кусты в сторону от лестницы, по которой из дверей дома с шумом несся поток огненной лавы.

Он успел. У меня обгорели лишь брови с ресницами да подол платья, а он только ободрался о колючки, пробираясь через кусты, да слегка опалил свой белый костюм.

Мы подбежали к воде, пугая своим видом пляжную публику, и с размаху бросились в море.

В воде мы скинули с себя обгоревшую, ободранную одежду и наскоро соорудили себе купальные костюмы. Потом мы вышли на берег совсем в другой стороне пляжа.

— Что ты наделала? С чего тебе вздумалось поджигать наш дом? — спросил Лопухий, когда мы отлежались на песке и успокоились. В его голосе прозвучали давным-давно забытые ноющие интонации.

— Тебе что — жалко?

— Еще бы! У нас никогда больше не будет такого дома...

— Ты всегда так говоришь! А потом оказывается, что все к лучшему...

Он замолчал, а потом предложил нечто толковое, я даже удивилась:

— Я опасаясь полиции: ведь мы устроили пожар. Давай снова станем такими, какими встретились здесь.

— Это ты здорово придумал!

Мы быстренько вернули себе молодость и красоту, я даже не забыла соорудить себе фиалковые глаза. Лопухий взглянул на меня и поморщился.

— Ты чего?

— У тебя вид рафинированной шлюхи.

— А ты похож на курортного жиголо! Так что мы с тобой пара.

— Надо уходить из этого города, — сказал он. — Здесь все помнят двух смешных стариков, какими мы были.

— Ого, какой прогресс!

Но тут же он пояснил:

— Я не вынесу тебя в этом шлюшном виде.

— А как же тайные извивы моей души? Этот вид очень соответствует героине дамских романов.

— Да пошли они к дьяволу!

— Тс-с!

— Ты чего испугалась?

— Почему ты так сказал? Только не повторяй. Просто подумай и скажи, почему ты послал героинь женских романов по этому адресу?

— Да не знаю. Просто так говорят, вот и все.

— Нет! Ты назвал определенное лицо. Только не называй его еще раз! Я точно знаю, что это опасно. А еще я, кажется, начинаю догадываться об одной очень важной вещи...

— Опять что-то выдумала!

Я задумалась, идя рядом с ним. Он несколько раз пробовал со мной заговаривать, но я махала на него рукой: не мешай мне думать!

Потом мы решили выпить кофе и присели за столик уличного кафе. Лопоухий взял для меня двойной эспрессо и большую кружку простого кофе с молоком и сахаром для себя.

Наконец, когда кофе был выпит, он не выдержал:

— Так о чем ты думаешь? Намечаешь маршрут нового путешествия?

— Глупости! Я думаю вот о чем. Ты помнишь душеедов в лагере и в сером городе?

— Еще бы! Конечно, помню.

— А ты помнишь, что у них там была своя иерархия?

— Да. Одни были мелкие, превратившиеся в душеедов из особо злобных барачников, а другие, самые страшные, прилетали откуда-то со стороны. Еще были дикие душееды...

— Не о них речь! Я теперь знаю, кто был над ними главный, кто хозяин над всеми этими краями: пустыней, озером Отчаяния, лагерем и серым городом...

— Но ведь не над этим же городом, правда? — с жалкой надеждой спросил он, уже зная ответ.

— И над этим городом тоже, — беспощадно ответила я.

— Какой ужас!

— Да, но не в этом дело. А дело в том, что должна быть и другая сторона мира, а над ней — другой хозяин. Послушай: существует Зло и хозяин над ним. Но мы с тобой все время чувствуем, что нам оно враждебно, что мы не хотим жить под властью Зла. Так?

— Положим, что так.

— И нам совершенно ясно, что кроме зла существует и Добро. Так?

— Только его очень мало.

— Сейчас не это важно. Слушай меня. Если Зло подвластно тому, кого ты только что нечаянно назвал, а это то же самое существо, чье изображение я сожгла, то мы с тобой знаем, что это страшная сила.

— Лучше об этом не думать!

— Надо думать, Лопухий, надо! Так вот, что из этого следует? Если есть Зло и его творец, и если есть Добро, — то и у Добра должен быть еще более могучий властелин!

— Почему?

— Да потому, что даже здесь, где явно царит Зло, мы с тобой, два дурачка, стремимся к любви и добру. Понятно?

— Не очень, но все равно здорово. Ты такая умная!

— Оставь это. Теперь надо думать, как найти Того, Кто правит Добром! Если бы только вспомнить, кто Он и как Его зовут? Тогда мы были бы спасены.

— Ну и как это узнать?

— Не знаю. Попробуем расспрашивать людей в городе: вдруг кому-то это известно?

Мы наскоро составили план действий и отправились в город. Мы бродили по улицам и паркам, подходя к разным людям и задавая им одни и те же вопросы:

— Мы проводим социологический опрос жителей нашего города. Скажите, вам здесь нравится? Вы не скучаете? Вы хотели бы уехать отсюда?

Падкие на внимание к своей персоне горожане с удовольствием подвергались тестированию. Большинство людей жизнь в городе полностью удовлетворяла, но некоторые жаловались на скуку. Только один молодой человек сказал нечто обнадеживающее:

— Я слышал, что есть другие места, где люди не так равнодушны друг к другу. Но где это, я не знаю.

— А вы хотели бы узнать?

— Зачем? Я привык здесь жить, у меня дом, машина и много девушек. Нет, я не думаю переселяться, извините.

И он торопливо пошел прочь, явно заподозрив что-то неладное.

На вопрос, кто правит этим городом и довольны ли опрашиваемые этим правлением, почти все просто пожимали плечами или говорили, что их это не волнует. И только с одной женщиной нам удалось дойти почти до последних вопросов нашей «анкеты». Она была недовольна всем и всеми.

— И правительство наше тоже никуда не годится!

— А вы знаете что-нибудь о том, что в других местах существует иное правление?

— Да, знаю! И если бы там узнали, что здесь творится, то послали бы сюда войска ООН! Сбросили бы на этот проклятый город водородную бомбу!

Продолжать с ней разговор не имело смысла. В своих бесполезных хождениях мы дошли до улицы, где находился мой пансион.

— Давай зайдём и спросим, нет ли для меня почты.

— А ты ждёшь от кого-нибудь письма? Ты мне ничего об этом не говорила.

— Нет, ничего определенного я не жду.

Просто у меня смутное чувство, что в один прекрасный день я могу получить по почте какое-то важное послание.

Мы зашли в фойе. Увидев меня, портъё заулыбался:

— Мадам, наконец-то! Для вас есть пакет. Получите, пожалуйста.

Обомлев, я приняла из его рук небольшую посылку. Мы вышли из пансиона и присели на уличной скамье. Я с трепетом развернула оберточную бумагу. В ней оказалась деревянная шкатулка, перевязанная бечевкой.

Развязав бечевку и открыв шкатулку, я увидела небольшой круглый белый хлебец. Он состоял как бы из двух кружков, и на верхнем было выдавлено изображение Женщины с Ребенком.

— Ты знаешь, кто это? — шепотом спросила я Лопоухого.

— Нет. А ты?

— Я знаю. Эта Женщина — Богородица, а это — Ее Сын.

— Как Их зовут?

— Не помню. Но думаю, что не это главное. Мы должны Их позвать на помощь.

— Как, прямо здесь, на улице?! Нас заберут в полицию за нарушение общественного порядка.

— Ты прав, — сказала я и решительно встала, закрыв шкатулку. — Идем, я знаю, что надо делать!

— Ясно, опять куда-то двигать. Ну что ж, идем... Но это в последний раз!

— Надеюсь, что так и будет.

— И куда же мы пойдём?

— Давай пойдём вдоль моря и попробуем выйти из города.

Это оказалось проще сказать, чем сделать. Мы двинулись в тот конец бухты, где городской пляж переходил в дикий, и до самого горизонта тянулась полоса голого песка. Мы взяли с собой только по бутылке минеральной воды из пляжного киоска и мою шкатулку.

Сначала было просто трудновато идти по песку: он был очень мелкий, и ноги в нем утопали по самую щиколотку. Мы прошли последний пляж и двинулись дальше. Погони за нами не было. Несколько раз мы присаживались и пили воду, но идти становилось все тяжелее и тяжелее. Пройдя километра два по раскаленному песку, мы поняли, что попали в беду.

Наши ноги начали проваливаться чуть глубже. Поначалу я не поняла, что мы попали в гиблое место. Оглядевшись и увидев, что кругом полно кочек, поросших жесткой сизой травой, я сказала:

— Можно прыгать с кочки на кочку, пока не выпрыгнем на твердое место.

Мы попробовали, и сначала у нас что-то получалось, но потом, когда Лопухий враз провалился по колено, мы поняли, что дело неладно.

— Зыбучие пески! — крикнула я. — Надо возвращаться! — Но не тут-то было. Я сунула шкатулку за вырез платья, чтобы освободить обе руки, и помогла Лопухому выбраться.

Но тут же сама провалилась по пояс.

— Ищи какую-нибудь палку! Не подходи ко мне с голыми руками! Смотри, вон там какие-то кусты. Иди к ним, но только осторожно, по кочечкам. Попробуй к ним подобраться и наломай веток, и оттуда их ко мне бросай. Только иди осторожно, не спеши!

Этот лопух опрометью бросился к кустам и, не добежав до них несколько шагов, провалился по самую грудь.

— Кранты! Допрыгались! — крикнул он. — Я же предупреждал тебя, что никуда не надо уходить!

Да, кажется, наше долгое путешествие подошло к концу. Но оставалось еще одна, последняя надежда... Пока мои руки были еще свободны, я вынула из-за пазухи шкатулку и достала заветный хлебец. Глядя на вытисненное изображение, я прошептала:

— Дорогая Богородица, спаси меня и моего друга. Пожалуйста, спаси нас!

Сначала ничего не произошло, но потом мне показалось, что мои ноги нащупали твердую почву: во всяком случае, глубже я не проваливалась. Но Лопухий уходил в песок прямо на глазах.

Тогда я закричала изо всех сил:

— Спаси нас! Мы погибаем!

— Перестань вопить, нас никто не слышит, — прохрипел Лопухий. — Лучше по смотри на меня и прости со мной.

Боже мой, от него сейчас останутся одни уши! Что я сказала?.. «Боже мой»? Боже мой — вот Кто может нас спасти. Я подняла голову к небу и закричала:

— Боже мой! Боже наш! Спаситель наш! Спаси нас! — Высоко в небе над нами кружилась белая птица. Это напомнило мне что-то из нашей прежней с Лопухим жизни. Я по смотрела на моего гибнущего друга. Он крутил головой и закидывал ее, чтобы песок не забивал ему нос, но говорить уже не мог — рот был засыпан песком. Глаза его были полны ужаса. Потом они

закрылись и утонули в песке. От него осталась только небольшая воронка, и по ее краю уже полз какой-то коричневый жучок с черными крапинками на спинке. Сейчас он сорвется вниз, и его тоже за сыплет. Я прижала к груди хлеб с изображением Божией Матери и закрыла глаза.

И тут я услышала шум крыльев над головой. Белая птица, оказавшаяся огромной, слетела на песок и стала крыльями отгребать его от меня и отбрасывать в сторону. Песок запылил мне глаза, я почти ослепла.

— Его, его спаси! — кричала я ей, показывая в сторону, где только что был Лопоухий.

Но она освободила сначала меня, и тогда я сама поползла спасать Лопоухого. Птица опередила меня одним мощным движением, подняла крыльями песчаный вихрь, и вот уже целый и невредимый Лопоухий лежит на песке, а над нами стоит... Ангел!

Мой дорогой, мой любимый, мой собственный Ангел-Хранитель! Я бросилась к нему, уткнулась в его блистающий подол и заревела.

Ангел перенес меня, а потом бесчувственного Лопоухого в заросли каких-то колючих кустов, где песок был связан корнями. Там можно было даже стоять. Потом он сказал озабочено:

— Мы должны спешить, пока меня не обнаружили: здесь я на чужой территории. Но я могу унести только одного из вас. Твоего друга придется оставить здесь.

— Нет, возьми его! Он маленький, он слабее меня...

— Анна! Ты уверена, что готова пожертвовать собой для него? Ведь тебе отсюда самой никак не выбраться.

— Ангел мой! Когда он будет в безопасности, скажи ему, что я его очень любила. Уноси его скорей, уноси! А то он очнется, и тут такое начнется...

— Как знаешь. Ты сама так решила.

Он поцеловал меня в лоб, подхватил Лопоухого и полетел в сторону моря. Он еще помелькал над синей гладью, будто маленький парус, а потом исчез вдали.

Вот теперь можно было и поплакать.

Глава 11

Я осталась одна на островке среди зыбучих песков. У меня не было воды, но по ночам иногда выпадал мелкий дождь. У меня была моя просфора, мой ангельский хлеб: каждый день я отламывала по одной крошке, стараясь не повредить верхней «крышечки», на которой было изображение Божией Матери.

Вокруг были только голые сухие кусты, а под ними — ни единой живой травинки. По мелкому песку пробегали серые пауки и шмыгали ящерицы. Над морем скандальными голосами кричали чайки, но сюда они не залетали. Одиночество.

Первое время я тщательно обшаривала кусты на краю моего пяточка, пытаюсь найти твердую почву за его чертой, но скоро убедилась, что он охвачен губительными песками со всех сторон.

На кустах кое-где висели высохшие клочки водорослей. Похоже, что во время шторма море

добирается сюда и заливаает островок. В таком случае можно будет попытаться отсюда выбраться вплавь или по дну, как мы когда-то ушли с Лопухим из серого города.

Поначалу я отчаивалась и жалобно взывала к Богу:

— Господи мой, Господи! Зачем Ты оставил меня именно сейчас, когда я вспомнила о Тебе? Почему Ты не хочешь помочь мне?

Потом я успокоилась и решила, что мое положение далеко не из худших. Я давно умерла, и мне нечего бояться смерти. Нравится мне это или нет, передо мной вечность, в которой я буду существовать. Я могла бы отбывать ее во льду озера Отчаяния или в лагере, в жутком сером городе по ту сторону моря, или в унылом городе неподалеку. Я могла оказаться навечно там, где царствуют бесы, где от них никуда не скрыться.

В лагере я уже становилась зомби, а теперь мне, похоже, не грозит утрата самосознания.

И я ровным счетом ничего не знаю о самых страшных глубинах ада, находящихся во тьме!

А эти зыбучие пески... Я ушла бы в них с головой, оставаясь при этом живой и невредимой. Простоять всю вечную вечность неподвижно, скованной со всех сторон, не мочь двинуться, сказать хотя бы слово, открыть глаза... И я еще жалею!

Как только я смирилась со своим положением, у меня сразу появилось множество дел и забот на моем острове. Я наблюдала за пауками и приучала ящерок не бояться меня.

Когда я сидела неподвижно, они грелись на моих ногах, рассаживаясь рядом, как галки на заборе.

Выбрав проплешину в самой середине кустов, я наломала веток и плотной стенкой воткнула их по краю. Собрала с кустов сухие клочки водорослей и соорудила себе из них маленькую подушку. Так я построила себе еще один дом...

Вскоре оказалось, что каждый мой день заполнен до отказа. Утром, когда солнце только вставало над морем, я вставала к нему лицом и молилась, обращаясь к Господу, к Божией Матери, к моему Ангелу-Хранителю и к единственному святому, которого знала по имени — к моему Деду, отцу Евгению. Я просила у Бога милости для Лопухого, где бы он ни был.

Потом я садилась на песок и размышляла. О чем? Обо всем, что случилось со мной за всю мою жизнь, начиная с того момента, как я себя помню. Что прожила я свою жизнь неумно и неправильно, это я давно поняла — пришлось понять! Но теперь у меня появилось время, чтобы снова, да еще и не один раз, пройти свою жизнь шаг за шагом. Чем дольше я это делала, тем меньше она мне нравилась. Я так изуродовала ее грехами, что оставалось только удивляться Божией милости: разве я заслужила, чтобы у меня над головой было небо, чтобы слышать издали крики чаек и шум прибоя, видеть рядом невинные и живые существа — ящерок и паучков?

Удивительное дело! Начиная от Фрейда, все психологи учили нас избегать самоосуждения, чтобы не заработать комплексов и психических надломов. Но чем больше и строже я судила себя и каялась в своих грехах, тем легче, тем спокойней мне становилось. Очень часто, осудив себя по всей строгости за какой-то проступок, я вдруг начинала чему-то радоваться! Может быть, чувство справедливости, присущее старой правозащитнице, двигало мной?

Еще я вспоминала всех, кого любила на Земле и успела полюбить в Раю. Перед земными

друзьями и родными я каялась мысленно в небрежении, в нанесенных обидах, просила прощения за совершенные вместе грехи у своих «подельников». Своих дорогих райских родственников я благодарила и мысленно просила молиться за меня.

По крошке в день я незаметно съела всю мою просфору. Осталась только крышечка, которую я решила сохранить во что бы то ни стало: она служила мне иконой Божией Матери. Если на меня нападало уныние, что хоть и редко, но случалось, я брала ее в ладони, смотрела на еле видную фигурку Богородицы с Младенцем и молилась:

— Пресвятая Богородица, спаси нас! — и повторяла эту молитву сотни и тысячи раз.

И уныние проходило.

Я просила прощения у всех, кого мало или неправильно любила, кому не принесла добра, какое могла принести, вспоминала неисполненные на Земле обязательства. И не только на Земле. Вот просила же меня разыскать своего любимого мужа моя прабушка, красавица Ольга. Или Хельга по-варяжски.

Правда, если она знала, как огромен и разнообразен ад, почему же она просила меня разыскать ее мужа? У которого одного глаза нет, зато другой синее неба, на левой руке не хватает двух пальцев, нос перебит, а волосы и борода рыжие. Словом, красавчика.

Олафа Рыжебородого. Смешно. Но я чувствовала себя виноватой не в том, что не нашла его, а в том, что обещала искать и не искала.

Ах, прабушка, прабушка! Ты мне, сама того не ведая, здорово помогала все это время. Если бы не встреча с тобой, я бы не смогла так долго сохранять надежду на милосердие Божие. Когда уже и Имя Божие было мной забыто, потеряно всякое представление о Нем, что поддерживало во мне силу надеяться и сопротивляться небытию? — Надежда, которую ты вселила в меня. Как ты умела ждать и надеяться! Две тысячи лет, подумать только! А я еще только начала свою вечность...

Чем больше я молилась, тем легче мне было молиться. И все чаще мои молитвы были благодарственными. Я благодарила Господа за спасение Лопухого и за то, что даже если мне суждено уйти в зыбучие пески, последние мои слова будут: «Слава Богу за все случившееся со мной».

Я благодарила за то, что пройдя через смерть, через ад и Рай, я познала мир духов, узнала, что есть Сатана, и есть Бог. И я выбрала Бога, а Сатану отвергла, прокляла, да еще и сожгла его поганое изображение. Конечно, это не победа над ним, это такой маленький кукиш, который он мог и не заметить... Не заметить? А с чего бы это он тогда чуть не спалил нас с Лопухим, если ему все равно? При его гордыне и такой мелкий укол мог быть ощутим. Он должен был понять, что я не из его рабов, и этого достаточно.

Слава Богу за это! Слава Богу за все.

Чудо случилось, когда я его совсем не ждала. Однажды ночью пошел дождь, теплый и легкий. И вдруг повеяло ароматом цветов. Я подумала, что ветер донес его ко мне откуда-то издалека. Я лежала на влажном песке и думала о цветах Рая. Мне вспомнилась Хрустальная долина и тот цветок, который мы с прабушкой Ольгой отнесли в подарок Богородице. Дождь набрал силу и скоро превратился в ливень, а чудный запах цветов усилился. Я села и подставила руку под струи дождя, потом поднесла ее к лицу: да, это было тот самый аромат. Благоухание любви Божией Матери к людям.

Наступил рассвет. Дождь затих. Все благоухало вокруг, а колючие сухие кусты покрылись зелеными листьями и белыми цветами.

Я встала. Песок под ногами стал влажным и плотным. Я поняла, что теперь по нему можно ходить, и пошла.

Осторожно ступив за пределы моего островка и убедившись, что песок меня держит, я пошла по нему вдоль моря, держа направление в сторону от города.

Я почти не удивилась, когда вскоре увидела на берегу поджидавшего меня Хранителя, — только обрадовалась.

— Ну, вот и все, Анна, — сказал он. — Благодарю Божию Матерь за явленную тебе милость. Ты поняла, что это было чудо?

— Конечно! Ведь даже мертвые колючки в одну ночь покрылись цветами и листьями.

Он взял меня на руки, и я прижалась головой к его плечу. Мы взлетели в небо.

— Хочешь на прощание взглянуть на город? — спросил Хранитель.

— Да, если ты хочешь.

Ангел полетел в сторону бухты. Никакого города под нами не было: ни вилл на холмах, ни парков, ни пестрой набережной. Под нами раскинулась огромная свалка с горами мусора. Сверху можно было различить ржавые остовы автомобилей, поблескивающие пустые бутылки, пестрые пластиковые пакеты, ломаные ящики и прочий городской хлам. Между горами мусора бродили серые согбенные фигуры мужчин и женщин, роясь в отбросах, что-то собирая в грязные пластиковые сумки. Вода в некогда лазурной бухте была покрыта мазутными разводами, и даже сверху были видны пустые бутылки, пластиковый сор и разная канализационная дрянь на ее поверхности. Над всем этим распадом метались чайки, крича противными кошачьими голосами.

— Я так это и воспринимала, — сказала я Ангелу. — Не глазами, а нутром. Мне всегда чудился во всем этом какой-то обман.

— Так оно всегда и было. Ты ведь знаешь, кто архитектор и строитель этого города бес памятных счастливых — отец лжи и мастер мистификаций. Если сдернуть покрывало иллюзии, многие земные города выглядели бы не лучше. Летим, больше здесь нечего смотреть! — И мы полетели прочь от города.

Глава 12

Положив голову на широкое плечо моего Ангела, я поглядывала на плывущую внизу пустыню, раскинувшуюся под нами во всю окружность горизонта. Волнистостью песка она напоминала морское дно. По пустыне носились желтые смерчи, а больше никакой жизни не было.

— И куда же мы теперь? — решила я задать мучивший меня вопрос.

— Туда, где пребывают до Страшного суда души грешников, о которых нет определенного решения.

— Ты оставишь меня там?

— Нет. О тебе решение уже состоялось.

— Решение о том, что я пребываю в нерешенности?

— Другое решение. Но об этом позже.

Сначала ты должна встретиться с одним человеком.

— С Лопухим?

— Я не знаю такого православного имени — Лопухий. Наберись терпения, мы уже подлетаем.

От замкнутой окружности горизонта впереди будто отрезали аккуратный желтый ломтик, и там белесая голубизна неба заполнила усеченную по хорде часть пустыни. Туда мы и летели.

Сначала пустыня оборвалась под нами, и мы влетели в необъятное голубое пространство. Сделав в нем круг, мы снова полетели к земле. Зрелище предстало удивительное.

Срезанный край пустыни представлял собой желтовато-белую монолитную стену, уходившую вниз в такую глубину, что нижний ее край тонул в дымчатой голубизне, где глаз уже ничего не различал.

По всей стене ступенями шли узкие карнизы, отгороженные от пропасти довольно высокими барьерами из того же светлого камня. Вдоль этих каменных галерей темнели входы в пещеры. Если карнизов были сотни, то пещер, вероятно, многие и многие тысячи. Сверху я различала маленькие темные фигурки, двигавшиеся по галереям.

Когда мы подлетели и опустились на один из карнизов, я увидела, что он довольно широк, примерно с городскую улицу. Сходство усугублялось тем, что темные фигуры, очень похожие на монахов длинным черным одеянием и осанкой, двигались по ним, соблюдая правостороннее движение.

— Это монастырь? — спросила я Хранителя.

— Что ты! Мы все еще на краю ада, какой здесь может быть монастырь? Хотя монахи здесь есть, но их очень немного. Это все не решенные души. Правда, их можно назвать и «послушниками»: живут они строго, как в монастыре и постоянно молятся. Но они, конечно, лишены блаженства и радостей настоящей монашеской жизни.

Увидев нас, бывшие неподалеку послушники бросились к нам, взволнованно крича:

— Ангел Божий! Смотрите, братья и сестры, к нам явился посланец Небес! Смотрите, к нам Ангел слетел!

Они окружили нас плотной толпой и тянули к Хранителю руки:

— Благослови! Благослови нас, Божий Ангел! — Ангел благословил всех и каждого, глядя на них с любовью и улыбкой.

— Ты принес нам Добрую весть, Ангеле Божий? — спросил старый «послушник».

— Не ту, которую ты ждешь, старче. Но добрая весть у меня для вас есть. Слушайте!

В России крепнет и растет церковная молитва, появились миллионы новых православных

христиан, и все они молятся также и за вас.

— Слава Богу! — воскликнули радостно слушавшие Ангела послушники и послушницы.

— А теперь, братья и сестры, проводите нас в храм преподобной Марии Египетской. У нас там назначена встреча.

Нас повели вдоль галереи. По пути Хранитель благословлял всех проходивших мимо сестер и братьев. Мы подошли к одной из пещер и вошли в нее.

Воздух в пещере был очень сухой, пахло воском и каменной пылью. В стенах, на высоте человеческого роста, на равном расстоянии друг от друга были выдолблены ниши, и в них горели тонкие свечи. Над каждой нишей на грубо обтесанной стене копотью был выведен черный крестик. Изредка попадались боковые ходы, возле которых у стен были сложены каменные скамьи.

— Там кельи сестер и братьев, — сказал Ангел. Несколько раз нам попадались на глаза высеченные в стенах каморки, почти доверху заложённые камнями. Я заглянула в одну из них поверх кладки: там теплился огонек свечи, и при ее зыбком свете я увидела спину послушника. Он молился.

— Затворник, — пояснил Хранитель. По том прислушался и добавил:

— В затворе уже больше двухсот лет. Укрепи его Господь!

Длинный коридор привел нас к небольшому залу. Это была пещерная церковь, высеченная прямо в скале. Здесь было довольно светло от множества свеч, горевших на невысоких каменных столбиках-подсвечниках. Передняя стена была украшена горельефом, изображавшим старую и очень худую женщину с короткими волосами, в лохмотьях. Над головой ее был высечен четкий круг.

— Преподобная Мария Египетская, — сказал Ангел. Я перекрестилась и поклонилась изображению. По стенам я увидела горельефные изображения других святых, но каких именно, я не знала. Под ними вдоль стен были высечены узкие скамьи. На одной из них, опустив голову и задумавшись, сидел какой-то человек. Услышав наши шаги, он поднялся и пошел к нам навстречу.

Пока он медленно приближался к нам, я моргала и трясла головой: нет, этого быть никак не могло! Вот уж этого — нет! Но он приблизился, и я поняла, что не обозналась.

Это действительно был мой муж.

— Георгий!

— Анна!

Мы подошли друг к другу, остановились и потрясенно молчали.

Тишину, в которой слышалось лишь потрескивание свечей, нарушил Хранитель.

— Вам надо поговорить, я оставляю вас. Я буду ждать тебя снаружи, Анна.

Он удалился, а мы все продолжали молчать, вглядываясь друг в друга. Наконец, Георгий сказал:

- Давай присядем, у меня голова кружится от радости. Как давно мы не виделись! Мы сели.
- Откуда ты здесь взялся, Жорка? — спросила я, немного придя в себя.
- Я умер раньше тебя. Мой самолет разбился, едва отлетев от Мюнхена.
- Боже мой! Надеюсь, ты умер сразу, не мучился?
- Это была мгновенная смерть.
- Да... Вот ты и долетался по своим московским девочкам!..
- Анна! Я ведь не к девочкам летал...
- Георгий! Неужели ты и теперь будешь мне врать? Опомнись!
- Я не вру, Аннушка. Послушай меня, теперь я должен сказать тебе всю правду. Я не к девочке летал, а к мальчику. У меня в России остался сын. Я скрывал это от тебя.
- Ты всегда что-нибудь скрывал от меня! — сказала я жалобно. Честно говоря, я растерялась: к такой новости я совершенно не была готова, я даже не знала, как теперь к этому отнестись.

— Скрывал! Да! Потому что, скажи я тебе правду, ты опять стала бы решать все за всех и по-своему. Ты всегда так делала! Это ты решила переехать из Питера в Москву — и мы переехали. Это ты диссидентствовала, а меня дразнили «декабристкой»! Это из-за тебя нам пришлось покинуть родину и... Да я уж не говорю обо всем остальном!

— Я не виновата, что на тебя ни в чем нельзя было положиться, что ты неумел принимать решения. А если я была такая плохая, то почему же ты не бросил меня?

Меня несло. Казалось бы, я уже давно покаялась в своем супружеском диктаторстве, сто раз пожалела о том, что держала Георгия за мальчишку и пыталась руководить им. А вот теперь встреча с ним и эта потрясающая новость застигли меня врасплох, и опять из меня полезло! Я и ненавидела себя, и не могла остановиться.

— Анна! Я любил тебя до самой смерти и после смерти, ты же знаешь!

— Я знаю только то, что я ничего не знала о твоём сыне.

— Зато я знал, как ты страдала от того, что у нас не могло быть детей. Мы ведь у врачей не проверялись, и я не хотел, чтобы ты знала, что не я в этом виноват, а ты. У меня-то уже давно был сын.

— А кто его мать? За что ты любил ее?

— Я не любил ее. Это была случайная связь. Киноэкспедиция в провинцию, деревенская девчонка, обалдевшая от одного только знакомства с тем, как делается «всамделишное кино». Ну, ты знаешь, как это бывает у киношников... Ну и... А девочка-то была дочерью сельского священника, и она, слава Богу, не захотела избавиться от ребенка. Я не смог ее уговорить. В результате — сын Александр.

— Сколько же ему лет?

— Двенадцать.

- Боже мой! И все эти годы ты держал с ними связь и обманывал меня?
- Да. Прости меня, если можешь.
- Так выходит, не было твоих бесконечных романов, за которые ты просил прощения, а я — прощала?
- Не было. Прости меня.
- Зачем же ты так долго меня обманывал, Георгий? Почему ты просто не рассказал мне все как есть? Я бы поняла и отпустила тебя.
- Вот этого-то я не хотел и боялся. Я ж тебя знаю! Ты бы меня непременно отправила к сыну.
- Пожалуй, да... Ребенок ни в чем не виноват.
- Да это ясно! Я ведь усыновил его.
- Легче от этого стало мальчику? Заимел заграничного папочку-туриста.
- Всегда ты так! Скажи лучше, прощаешь ты меня или нет?
- Так чего же тут прощать? Ты все-таки оказался лучше, чем я думала. Бог простит!
- Может, и простит. Но если ты не простила, то и на Его прощение нечего надеяться: я ведь не Бога обманывал почти тринадцать лет, а тебя.
- Да, история...
- Еще не вся, Аннушка. Я ведь тогда летел на похороны Татьяны. Она умерла, и мой сын остался в деревне с больной бабушкой, вдовой попадьей. Я хотел о них позаботиться, но вот погиб и ничего не успел. Не представляю, как они там теперь...
- Я молчала, потому что мне было нечего сказать.
- Анна, ты помнишь, мы заключили страховки друг на друга?
- Да, что-то такое было. Но какое это имеет теперь значение?
- А такое, что я и с этим тебя обманул. Я потом переделал страховку на Сашу.
- Ну и правильно сделал.
- Помнишь, на полках в моей комнате стояла «История кино» Салуля? Вот в ней, во втором томе я хранил метрику Саши, его фотографии и мою страховку.
- Сейчас побегу искать! А где теперь Татьяна?
- В Раю, конечно. Она ведь всю жизнь, до самой смерти отмаливала наш общий грех. Она себя и перед тобой чувствовала виноватой, за тебя всегда молилась, чтобы ты пришла к вере. Она была очень хорошая, тихая такая, безответная.
- Ты ее видел после смерти?
- Где я мог ее видеть? Не ревнуй, пожалуйста, хоть сейчас!

— А ты что, совсем не был в Раю?

— Не все такие счастливые, как ты, не всем повезло иметь дедушку среди святых. Я-то умер, как обухом по голове. Один миг — и я очнулся, окруженный бесами. Это было жутко, я ведь никогда не думал о смерти и совершенно не был к ней готов.

— Да уж, могу себе представить! Как же ты перебрался через мытарства?

— Не спрашивай! Я так и не прошел их до конца, и бесы сбросили меня в ад.

— Подожди-ка... А откуда ты знаешь, что у меня есть дедушка святой?

— Сама рассказывала.

— Когда? Чего ты мелешь?

— Когда, когда... Совсем недавно, когда мы сидели на балконе нашей виллы, пили вино и ты мне рассказывала о своих райских каникулах...

— Что-о?!

— А вот то-о! Еще надо посмотреть, кто кому изменял: «Лопоухенький! Лопоухенький!»

— Как тебе не стыдно! К мальчишке ревновать! А откуда ты, собственно, о нем знаешь?

— Анна! Ты что, совсем меня не узнаешь? А уши?

Господи! Да как же... Я обалдело уставилась в лицо своего мужа. Потом с визгом бросилась ему на шею:

— Лопоухенький! Чудище мое ненаглядное!..

Когда я отплакалась и отсмеялась, Георгий Лопоухий спросил:

— Хочешь посмотреть мою работу?

— Конечно!

— Видишь вон там, над входом в церковь, незаконченный орнамент? Это моя работа! Ну, не только моя, конечно... Я пока еще только прямые полоски и зигзаги высекать научился. Видишь, во-он там!

Я не смогла различить в сложном орнаменте Жоркины зигзаги, но очень за него порадовалась.

— Замечательный орнамент! Это так здорово, что ты трудишься для церкви. А где ты живешь? У тебя тут есть какой-нибудь свой уголок?

— Келья, как у всех. Идем, я тебе покажу!

Мы вышли из церкви в широкий коридор, откуда Георгий провел меня в один из боковых ходов. Этот более узкий коридор был с обеих сторон испещрен неглубокими низкими пещерками. Они не имели дверей и даже ничем не были завешены. В некоторых было темно, в других горели свечи. Проходя, мы видели сестер и братьев, молившихся или просто сидевших в раздумье на каменных скамьях.

— А вот и моя келья, — сказал мой муж, подводя меня к одной из последних келий.

Пещерка, скорее даже просто углубление в каменной стене. В маленькой нише горит тонкая свеча. В противоположной стене высечена скамья, над ней копотью нарисован большой православный крест. Откуда-то доносится хоровое пение:

— Святы́й Бо́же, Святы́й Крепкий, Святы́й Бессмертный, помилуй нас!

Пели мужские и женские голоса, пели тихо и очень печально.

Значит, вот это будет теперь наш последний дом? Ну что ж, мне он нравится больше, чем все наши с Георгием Лопоухим дома.

Здесь можно молиться, здесь есть церковь.

Может, и Хранитель будет иногда прилетать...

— Мой Ангел ждет меня. Давай пойдем к нему!

— Тебе здесь не нравится?

— Нравится, хотя и непривычно. Но здесь нам жить и жить, я успею еще привыкнуть, а вот с Ангелом моим я не знаю, когда теперь увижусь.

— Он что, ничего тебе не сказал?

— О чем?

— Тогда я тоже ничего не скажу. Что ж, идем к твоему Ангелу-Хранителю.

Мы вышли из пещеры. Ангел сидел на парапете, свесив ноги над бездной, и ждал меня.

— Простились? — спросил он.

Я похолодела.

— Твой муж что, ничего тебе не сказал? — Я помотала головой.

— Анна! Ты возвращаешься на Землю. В свое тело, в свою жизнь.

Я молчала.

— Ты не рада?

— Не знаю. Это Господь так решил?

— Да. Поскольку твое тело там, в больнице на Земле, продолжает оставаться живым, твой Дед умолил Господа дать тебе возможность вернуться и дожить до естественной кончины. Он просил передать тебе, что это должна быть другая жизнь. Ты теперь знаешь, какая.

Я кивнула.

— Что же ты молчишь, Анна?

Я еще немного покивала, помотала головой, а потом кое-как выдавила из себя:

— Что я могу сказать на это? Только одно. Слава Богу за все!

Ангел улыбнулся. Как я люблю его улыбку! Неужели я на Земле совсем-совсем не буду ее видеть, до самой следующей смерти? Ну, тогда я хоть буду стараться, чтобы он всегда улыбался, глядя на меня. Пусть я не смогу этого увидеть, но я буду стараться угадывать, улыбается мне мой Ангел или нет?

— Ну что ж, за твое смирение будет тебе и награда. Мария, подойди к нам, не бойся!

В сторонке тихой стайкой стояли послушники и послушницы, с восторженными улыбками взирая на моего Ангела. И среди них я увидела...

— Мамочка!

Мы кинулись друг к другу, столкнулись, обнялись. Господи, еще и это... Какой же щедрой рукой, — нет, обеими руками! — Ты раздаешь милости, когда милуешь нас!

Оказалось, что мама и Георгий встретились сразу, как только его принес сюда Ангел.

Конечно, они обрадовались друг другу. Мама рассказала ему о нашей встрече в больнице.

Он, конечно же, поведал ей о наших совместных странствиях по адским пустыням и весям.

Можно представить себе, как мама стала молиться о моем вызволении из зыбучих песков!

Я очень обрадовалась, что Георгий и мама вместе, что у них тут маленькая, но семья.

— Мамочка, а я опять возвращаюсь на Землю!

— Я знаю. Смотри, не повторяй прежних ошибок! И молись, молись за себя и за нас. Я надеюсь, что теперь уж ты сумеешь подготовиться к смерти как подобает христианке, и когда придет твой настоящий срок, ты попадешь прямо в Рай, а не сюда.

— Разве здесь так уж плохо?

— О, нет! Конечно, тут нет ни птички, ни былинки, но Господи! — да ведь мы и этой милости не заслужили, чтобы жить в молитве, с церковью, а главное — в стороне от бесов. Вот и ангелы когда-никогда нас посещают...

Нашу беседу нарушил странный равномерный стук по дереву.

— Что это, мама?

— Это било, — сказала она. — Это так нас созывают на вечернюю молитву.

Мама простилась со мной и, пряча слезы, пошла в пещерную церковь с другими послушниками.

Георгий подошел ко мне и обнял за плечи.

— Благодаря тебе я оказался здесь. Если бы не ты, меня или бесы сожрали бы в лагере, или я сам ушел бы к озеру Отчаянья и там погиб.

— Ошибаешься, Георгий, — вмешался Хранитель. — Анна спасла тебя от худшей участи. Души

бессмертны: те, кого бесы пожирают в одном круге ада, таким образом переносятся ими в другой, еще более ужасный.

— Вот видишь, Аннушка! Как же я буду теперь без тебя? Ты вернешься к жизни и еще, может быть, жить будешь долго-долго... но ты не забудешь, не оставишь меня? Ты помни, пожалуйста, что муж женой спасается! Молись там за меня.

— Это ты сам придумал, что муж женой спасается? — спросила я, невольно улыбаясь.

— Нет, это тут так говорят. Скажи, ты сделаешь что-нибудь для моего Саши?

— Ты еще спрашиваешь? Если не буду там полным инвалидом, то, как только смогу, поеду к нему в гости. И молиться за тебя буду. Да я теперь из церкви не вылезу! Да я в монастырь пойду! Постриг приму!

— Анна, не увлекайся! — остановил меня Хранитель. — Иди, Георгий, тебе пора на службу. А то она до Второго пришествия на Землю не соберется.

Мы с мужем обнялись в последний раз, и он ушел вслед за моей мамой. Прощай, Лопоухий!

— Пора, Анна! — сказал Ангел

— Ангел мой! Миленький! А мы не могли бы еще немного задержаться и слетать подальше в адские глубины? Не в самые опасные места, конечно.

— Что ты такое говоришь, Анна!

— Мне так хочется хотя бы попробовать разыскать Олафа Рыжебородого! Скажи, это в принципе возможно?

Видал ли кто-нибудь когда-нибудь растерянного Ангела-Хранителя? Я — видела.

— Ну, Анна, с тобой не соскучишься! Такой воспитанницы у меня еще не было! Подожди, я должен получить на это разрешение.

Из складок своей одежды Хранитель достал небольшой круглый предмет, показавшийся мне зеркалом. Он что-то в него сказал, но язык был мне незнаком, и потом долго ждал ответа. Наконец ответ, видимо, пришел.

— Летим! — сказал Хранитель и протянул ко мне руки.

Нашего варяга мы нашли, как и следовало ожидать, на берегу моря. Только море это было черное, как мазут, вокруг было сумеречно и голо. Черные камни торчали на берегу, и если бы Ангел не подсказал, я бы не догадалась, что один из них — человек. Он и сам был черен, даже волосы и борода. И красного плаща на нем не было, одни каменные лохмотья. А вот глаз был — один, и на левой руке не хватало двух пальцев.

— Олаф! — окликнула я его. Каменная фигура еще долго оставалась неподвижной, а потом поднялось темное веко и блеснул глаз. Уставился на меня и долго так глядел.

Потом Олаф, с трудом разлепив окаменевшие губы, прошептал:

— Хельга!

— Нет, я не Хельга. Я ее внучка, — незачем было углубляться в подробности генеалогии, он бы не понял.

— А где же Хельга?

— Хельга в Раю.

— Так она... спаслась?

— Да, потому что ее вел Спаситель. Верь в Него, Олаф! Проси Его о спасении! Хельга любит и ждет тебя. Помни: муж женой спасается.

Он снова закрыл свой единственный глаз и погрузился в тяжелый сон. Может, ему теперь приснится Хельга?

— Больше тут ничего нельзя сделать, — сказал мой Ангел-Хранитель. — Нам пора, Анна!

Возвращение в полумертвое измученное тело было мучительным и тяжелым. В нем было холодно, тесно и больно. Еще долгие, долгие дни я лежала в том же положении, в каком застигла меня смерть. Умные аппараты заставляли мои легкие и сердце работать, гоня кровь и кислород к дремлющему мозгу. Я терпеливо прислушивалась изнутри к своему организму. Сначала только я уловила собственное трепетание моего сердца, которое начало выбиваться из ритма, навязанного ему машиной. Врачи обнаружили это только через несколько часов. Еще позже я начала дышать самостоятельно. Сознание сначала было тусклым, потом проснулось и оно. Я все вспомнила и открыла глаза. В больнице был целый переполох.

Еще бы: я пролежала в коме почти полгода!

Врачи сбежались и поздравляли друг друга.

Кто-то догадался поздравить и меня. Когда я смогла говорить, я первым делом попросила:

— Пожалуйста, пригласите ко мне русского священника.

Эпилог

Сегодня прошло ровно десять лет с того дня, как началась мои посмертные приключения. Сейчас я сижу за письменным столом сына над общей тетрадью с моими воспоминаниями. На стене напротив висит отрывной Православный календарь, на нем дата — 21 июля 2000 года, по старому стилю 7 июля, пятница. Сегодня наш семейный праздник — Явление Казанской иконы Божией Матери.

Вот она, в киоте, украшенная венком из полевых цветов.

Мой сын Сашенька, а для прочих священник отец Александр, уже ушел в храм, ему надо подготовиться к службе, сегодня будет много причастников. Моя невестка Зина ушла с ним: она совсем молоденькая, ей всего двадцать один год, а все-таки она матушка, и все хозяйственные церковные дела лежат на ней. Хоть и невелик наш сельский храм Новомучеников Российских, а забот у матушки немало.

Утро сегодня такое чудесное, сад полон цветами и туманом. Это от нашей реки такой туман поднялся. Днем будет жарко, можно будет свозить Танечку и Настеньку на речку и выкупать: они это любят. Для веселья и охраны возьмем с собой нашу собаку, французского бульдога

Данилу. Его мы с Сашенькой в Москве на вокзале подобрали, когда возвращались из Мюнхена.

Правило ко Святому Причастию я закончила, но в церковь идти рано. Девочки еще спят. Поэтому я достала тетрадь и решила именно сегодня дописать свою историю, пока в доме тишина: проснутся Татьяна с Настенькой, и бабушке покоя не будет. Если и сегодня, в десятую годовщину моей первой смерти, я эти записки не закончу, то когда же? Итак, на чем мы остановились...

Я поехала в Россию сразу же, как только смогла ходить без костылей. В «Истории кино» Жоржа Салуля я нашла не только все документы Сашеньки, но и письмо от него к отцу, в конверте с обратным адресом.

Приехала сюда и застала всех в страшном горе. Два года назад скончался отец Татьяны, священник нашей церкви. В один год умерла от лейкемии сама Татьяна и погиб в авиакатастрофе Сашин отец и мой муж Георгий.

Двенадцатилетний мальчик-сирота остался в доме с бабушкой, вдовой попадьей, которая сама едва ходила. Соседи поговаривали уже о том, что надо бы пацана сдать в детский дом, а бабушку определить в дом престарелых. Деревенские кумушки разъяснили мне, что им, соседям, давно приглянулся разведенный покойным батюшкой прекрасный плодовый сад, а дом бабушка была готова продать за любые деньги, поскольку денег у нее совсем не было: какая могла быть пенсия у сельской попадьи в девяностом году? Кормились садом и огородом, но их надо обрабатывать. А кто это мог делать? Двенадцатилетний парнишка, бабушка-инвалид?

Тут появляется неведомая родственница из Германии и все ставит вверх дном. Сашеньку я усыновила, ему даже фамилию менять не пришлось. Мы с ним сразу полюбили друг друга. Я его потому, что он был копия Георгия, такой же лопухий. А он меня потому, что надо же было ему, мальчишке, растерявшемуся от горя, на кого-нибудь опереться. Вот он ко мне и прижался.

Дом я перестроила, бабушку подлечила, и она еще семь лет после этого прожила.

Скончалась она вскоре после Сашиного рукоположения в иереи. Он сам ее и соборовал, и отпевал, потому что остался в нашем селе служить на дедовом месте. Только служит он уже в новой церкви, которую мы построили на полученные по страховке Георгия деньги и посвятили Новомученикам Российским. А старая церковь, Георгиевская, стала служить кладбищенской часовней. Там мы служим панихиды по всем нашим усопшим.

Сашенька учился в семинарии в Москве, но перед рукоположением женился на местной девушке, дочери школьного учителя и, как ни странно, верующей с детства. Бывает! Меньше чем через год у них родилась дочь Татьяна, а еще через год — вторая, Анастасия.

Обе названы в честь царевен-мучениц.

Мы с Сашенькой почти каждый год летаем в Мюнхен на могилу Георгия: он похоронен на кладбище возле русского кафедрального собора, посвященного Новомученикам Российским (это мой второй храм, в котором я могу молиться моему Деду — новомученику протоиерею Евгению). Могилка всегда в порядке, даже если мы долго не приезжаем: ухаживает за ней моя любимая мюнхенская подруга Наташа. Та самая, которая сплетничала обо мне в больничном коридоре. А любимая потому, что это она подавала на проскомидии за меня просфоры, которые мой Ангел-Хранитель приносил мне прямо в ад: тот самый «хлебушек», который придавал нам с Георгием силу и мужество, питал и спасал нас.

Я, конечно, не молодею, но и стареть мне мои внучки особенно не дают: с ними не соскучишься, как говорил мой Ангел-Хранитель! И все-таки думаю со временем, когда они вырастут, о своей душе позаботиться, к смерти подготовиться.

Есть тут неподалеку Свято-Богородицкая женская обитель, а в ней мироточивая икона Божией Матери.

Список с Казанской, между прочим. Когда я бываю там в паломничестве, то все мне кажется, что благоухает миро от чудотворной иконы точно так же, как благоухал цветок моей дорогой прабушки, созданный ею в подарок Богородице. А ведь и я там немножко поучаствовала... Так что, если будет на то Ее святая воля...

Ах, как же это я, ведь чуть не забыла! Кот Арбуз, наслаждаясь сполна охотой на живых, а не поролоновых мышей, познав с Сашенькой радости рыбалки, наплодив полосатых котят-арбузят на всю деревню, мирно опочил пятнадцати лет от роду. Похоронен в клумбе с петуньями. Теперь с нами живет его сын, кот Арбуз-Второй.

О! Кажется, девочки проснулись. Ну все, бабушка, пора кончать с мемуарами. Иду, уже иду, мои дорогие!..

И слава Богу за все.

Примечания

[1] У о. Серафима Роуза, в книге «Душа после смерти», подробно рассматриваются посмертные опыты, в которых наши современники видели именно инопланетян, «светящихся существ» и т.д. О. Серафим объясняет, что «причина в том, что ожидает и готов увидеть умирающий. Христиане прошлых веков, которые имели живую воду «веры», боялись ада, и чья совесть в конце концов обличала их, часто перед смертью видели бесов, «...» современные же «просвещенные» люди видят то, что согласуется с их комфортабельной жизнью и убеждениями, исключаящими страх ада и веру в бесов. В действительности сами бесы предлагают такие искушения, которые соответствуют духовному состоянию или ожиданиям умирающих». (Цит. по: о. Серафим (Роуз). Душа после смерти. — СПб., 1994, с. 44). — Здесь и далее примечания Редактора.

[2] Речь идет о пребывании души после смерти и частного суда в аду. Необходимо отметить, что по Преданию и учению Православной Церкви загробная жизнь, блаженная или в мучениях, зависит от нашей земной жизни. Души христиан, чья жизнь не принесла плодов истинного покаяния, помещаются в ад, где их мучения могут быть облегчены или прощены по молитвам святых, оставшихся живых близких, по молитвам Церкви. «В ад же временно поступают и те души христиан, впадших в смертные грехи, которые принесли покаяние, не отчаялись в своем спасении, но не успели принести плодов покаяния. В ад поступают и грешники, которых участь на частном суде окончательно не решена. Заключенные здесь души пребывают «временно» до Страшного Суда, где состоится окончательный суд и определение участи всех людей. (Цит. по: монах Митрофан. Как живут наши умершие и как будем жить и мы, по смерти. — М., 2000, с. 332).

Мучения осужденных душ отличаются от тех, чья участь не определена. Внутреннее, духовное мучение душ состояния нерешенного растворяется надеждою на Бога, Который не хочет смерти и гибели грешных; эти души признают и в аду себя невинными и перед именем Иисуса Христа наравне со всеми жителями Рая преклоняют свои колена, и тем самым все более и более принимают в себя врачующую немощствующее и восполняющую недостающее

благодать.

Поэтому нельзя сказать, что души состояния нерешенного удалены совершенно от Бога, как удалены от Него осужденные за неверие. Души, низверженные в ад за открытую хулу на Бога как неверные, не исповедают Господа Иисуса Христа как Спасителя и Бога Истинного.

[3] В Предании Православной Церкви, особое место занимает учение о так называемых мытарствах, которое наиболее подробно излагается у свт. Кирилла Александрийского в «Слове о исходе души» и в «Повествовании о воздушных мытарствах» блж. Феодоры, которое содержится в житии Василия Нового, в «Слове о смерти» свт. Игнатия (Брянчанинова).

Прохождение через воздушные мытарства считается ступенью частного суда, посредством которого решается участь души до Страшного Суда. Предание сообщает нам учение о мытарствах в различных образах, но существенно то, что есть в действительности истязание бесами, которые предъявляют душе ее грехи и пытаются вырвать ее у ангелов; и все это происходит в воздухе над нами, и может быть увидено теми, чьи духовные очи открыты. (Об этом см. также: Митрополит Макарий (Булгаков). Православно-догматическое богословие в 2 тт. — СПб, 1895.; Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. Курс лекций. — М., 1997).

[4] По учению Православной Церкви христиане участвуют в таинстве исповеди с семи лет.

[5] Брак, по учению Православной Церкви, есть соединение мужчины и женщины в любви с целью создания семьи.

См. послание апостола Павла (1Кор. 6:16): Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? Ибо сказано: «два будут одна плоть (Быт.2:24)».

Разъяснение этих строк читаем у свт. Феофана Затворника Вышенского:

«Прилепившись друг к другу, два уже не могут быть двумя, но оба делаются единым» (свт. Иоанн Златоуст).

Долженствующий быть одно со Христом, отторгается от Христа и делается одно с Блудницею. По какому закону? По закону первоначального учреждения брака.

Но, ведь, и брачный делается одно с женою, почему же не укоряется? Брачные оба прибывают в порядке воли Божией и Христовой, оба Христовы. Блудница же не Христова есть, а служительница сатаны. Сочетающийся с нею, по действию хотя похож на брачных, но по силе противоположен им, и тело свое и себя отторгает он от Христа и через сочетание с блудницею вергает себя в область противную Ему, сатанинскую.

Христианское тело чисто и свято и сродно телу Христову, находясь в таинственном с ним сочетании.

Блудная страсть, и тогда как только зарождается и душу увлекает, делает уже тело мрачным и смрадным; когда же блуд совершается, — мрачность делается непроницаемой и смрадность неприступной. Но плотские этого не видят и не ощущают: это видят и ощущают люди духовные и ангелы. Есть много об этом сказаний. Если б снять с блудника грубую оболочку тела и оставить его таким, как он есть по душе, облеченной жизненною силой тела, то увиделась бы непроницаемо мрачная фигура человека, издающая невыносимый смрад.

Между тем, это же самое столь мрачное и смрадное было светло и благоуханно светлостью и благоуханием тела Христова, с которым состояло в живом соотношении.

Будучи таким, оно было Господне, Им себе усвоилось.

Когда начинают склоняться на блуждение, начинают мрачнеть и отторгаться от Господа. Само блуждение совсем отторгает от Него: ибо мрачному и смрачному нельзя уже быть едино с Господом.» Цит. по: Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника.

Толкования посланий апостола Павла. Первое послание к Коринфянам. — М.: Паломник; Правило веры; Сретенский монастырь, 1998. — С. 238-240.

[6] Предание Православной Церкви учит, что для души человека после смерти и до Страшного Суда возможны только два состояния: пребывание либо в аду, либо в раю.

Явление душ умерших происходит либо по промыслу Божию, например, явление души пророка Самуила царю Саулу (см. Г Цар. 28: 8-20), либо есть бесовское обольщение.

[7] Состоявшийся в августе 2000 года Юбилейный Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви определил: «Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских Царскую Семью: Императора Николая II, Императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжон Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию. В после днем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4 (Г 7) июля ГЭГ8 года был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке».

[8] По учению св. Макария Александрийского, которое получило распространение в Православной Церкви, душа после смерти в третий день возносится на небо, проходя мытарства, и является к Богу для поклонения. После поклонения Богу повелевается показать душе различные обители святых и красоту Рая. Это продолжается шесть дней. «Созерцая же все сие, душа изменяется и забывает скорбь свою, которую имела, будучи в теле. Но если она виновна в грехах, то скорбит, видя жизнь святых, о своей беспечности, о том что не узнала Бога как должно при жизни. На девятый день от своего разлучения с телом душе повелевается узреть ад и его муки. В продолжение 30 дней душа водится по аду. Наконец, в 40 день над душой происходит частный суд, где определяется участь души в загробной жизни до Страшного Суда». Если мы обратимся к богослужению Православной Церкви, то мы заметим соответствие с этими сроками, так как именно в эти дни совершаются поминовения усопших.

Также принято совершать поминовения в течение года, так как душа усопшего еще в нерешительном состоянии находится, а поэтому можно и должно облегчить ее загробную участь принесением Бескровной Жертвы за душу его, то есть поминанием за Литургией. (См. Митр. Макарий, указ, соч.; Преп. Макарий Александрийский. Слова о исходе дуги праведных и грешных. // Христианское чтение. — СПб., 1831. — Ч. 43, С. 126-131.)

[9] Персонаж детективных романов Рекса Стаута, частный детектив, коллекционирующий редкие виды орхидей.

[10] В аду находятся до времени предназначенные ко спасению. Находятся сейчас, как находились и прежде те, к которым по смерти ходил в ад Иоанн Предтеча для проповеди о пришедшем на землю Спасителе. Православная Церковь поет в тропаре, в честь него написанном: «Память праведного с похвалами, тебе же довлеет свидетельство Господне, Предтече: показа бося еси воистинну и пророков честнейший, яко и в струях крестити

сподобился еси Проповеданного. Тем же за истину пострадав радуясь, благовестил еси и сущим во аде Бога являющегося плотию, взяющего грех мира и подающего нам велию милость».

[11] Сам Иисус Христос сошел в ад к грешным душам Своею Божественной душою и пребывал там тридневно до Воскресения. Как пишет св. Иоанн Дамаскин: «Обоженная душа (Иисуса Христа) низошла во ад, дабы как на земле Солнце правды воссияло, так и под землю свет озарил сидящих во тьме и сени смертной; дабы как на земле Христос благовестил мир, пленным отпущение и слепым прозрение, «...» так и во аде, «...» и таким образом разрешив окованных от века, наконец воскрес из мертвых, показав нам путь ко спасению». (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, кн. 3, гл. 29).